СОДЕРЖАНИЕ

I. ИСТОРИЯ

Нагоев И.Б. Шариатское движение и обострение политических противоречий Российской империи и Кабарды в конце XVIII – начале XIX вв. 3

Каскулов А. Х. Значение городов и крепостей в развитии торговых отношений в северокавказском регионе в XVIII – начале XIX вв. 20

Салихова Л.Б. О состоянии здравоохранения в городах Дагестанской области (конец XIX – начало XX века) 28

Шереужев А.Ж. Замена приставских управлений системой военно-народных округов у народов Центрального Кавказа в 50-70-е гг. XIX века 36

Огузова Д.А. Положение адыгского крестьянства в начале 60-х гг. XIX века 43

Мзоков С.Т. К вопросу о земельно-правовых отношениях в Осетии накануне земельной реформы 49

Шахалиева Ф.Б. Причины победы советской власти в гражданской войне на Северном Кавказе 57

Татаров А.А. Географический фактор в битве за Кавказ в 1942 г.: на примере Кабардино-Балкарии и Северной Осетии 65

Темираева М.А. Работа эвакогоспиталей г. Владикавказа (Орджоникидзе) в годы Великой Отечественной войны 71

Халилова А.С. Деятельность Союза советских обществ Дружбы и культурных связей с зарубежными странами в 1960-1980 годах: региональный аспект (на материалах Республики Дагестан) 77

II. ИСТОЧНИКИ. ИСТОРИОГРАФИЯ

Боготова Ф.Ф. Проекты преобразования системы управления и суда в аристократических адыгских обществах в трудах С. Хан-Гирея 89

Мамхегова Л.Х. Новые подходы в исследовании этногенеза адыгов и автохтонно-миграционная концепция 97

III. АРХЕОЛОГИЯ. ЭТНОЛОГИЯ. КУЛЬТУРОЛОГИЯ

Дачаев И.С-Х., Ахматова М.Т. О каменных желобчатых топорах из Чечни 104

Амшокова М.Х. Мусульманские мотивы в культуре и искусстве народов северокавказского региона на рубеже XX-XXI вв. 110

Дауева Т.Т. Разрешение конфликтов в порядке третейского судопроизводства Осетии XVIII – начала XIX вв. 119

Туаева Б.В., Макиева Е.Г. Этническая картина города Моздок в XIX веке 128

Халидова О.Б. «Дагестанские русские»: к вопросу о миграционных процессах в среде русского этноса 136

Труженикова Л.А., Кулаева А.Д. Становление и развитие дагестанского национального театра в 1920-1930-е годы 145

IV. ФИЛОЛОГИЯ

Миндзаева Д. Р. Метафора как средство объективации концепта «гнев» в осетинской языковой картине мира 151

Текаева А.М. Родильные обряды и поэзия осетин 159

Сабанова Д.Т. Природа в осетинских сказках..... 165

Плаева З.К. Героическое детство Ацамаза в осетинских сказаниях о нартах..... 171

Абаева Ф.О. Статусные номинации персонажа *чындз* (невеста) в осетинском языке..... 181

V. ПОЛИТОЛОГИЯ

Агеева Е.А., Тимченко В.А., Кулькин Е.С., Матросова Е.Г. Мониторинг состояния межнациональных и этноконфессиональных отношений в системе этноконфликтологического менеджмента..... 189

Айларов А.Э. Армянская диаспора в Северной Осетии 199

Симакова Д.Г. Российско-грузинские отношения и их влияние на этнополитическую ситуацию на Северном и Южном Кавказе (90-е гг. XX – начало XXI вв.)..... 210

«СТУПЕНЬ В НАУКУ»

Мириков А. Одна эпоха, три судьбы…..... 220

Мулухов Я. Хаджи-Умар Мамсуров – герой в памяти потомков сквозь года..... 238

НАУЧНЫЕ МЕРОПРИЯТИЯ..... 245

I. ИСТОРИЯ

И. Б. НАГОЕВ,
стажер-исследователь
КБИГИ КБНЦ РАН (г. Нальчик)

ШАРИАТСКОЕ ДВИЖЕНИЕ И ОБОСТРЕНИЕ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПРОТИВОРЕЧИЙ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ И КАБАРДЫ В КОНЦЕ XVIII — НАЧАЛЕ XIX ВЕКА

В данной статье рассматривается обострение политических противоречий Российской империи и Кабарды в конце XVIII — начале XIX века. Процесс возникновения Шариатского движения в Кабарде и ее влияние на кабардинское общество в борьбе за независимость. Карательные походы Россиийской империи на территорию Кабарды и их последствия.

Ключевые слова: *Российская империя, Шариатское движение, Адыльгирей Атажукин, восстание, Кабарда, карательные походы*

This article discusses the exacerbation of political contradictions of the Russian Empire and Kabarda in late XVIII — early XIX century. The process of the emergence of the Shariah movement in Kabarda and its impact on society Kabardian in the struggle for independence. Punitive expeditions of the Russian empire to the territory of Kabarda and their consequences.

Keywords: *The Russian Empire, Shariah movement, Adylgirey Atazhukin, insurrection, Kabarda, punitive expeditions*

С конца XVIII века, когда Россия стала одерживать верх над Турцией и Ираном в борьбе за кавказский регион, она стала отходить от «политики ласканий» по отношению к горским феодалам и одним из проявлений этого стало то, что в Петербург больше не допускались их делегации.

После победы над Турцией в войне 1787-1791 гг. Россия решилась приступить к политическим и административно — судебным преобразованиям в Кабарде. Учреждение здесь в ноябре 1793 году «родовых судов и расправ», подчинение их Верхнему пограничному суду в Моздоке, рассматривавшему серьезные уголовные преступления на основе российских военных законов, а также запрещение созывать общественные собрания в значительной степени ограничили «внутреннюю автономию» Кабарды [1, 252].

Усиление мер, предпринимаемых царской администрацией, вызывало недовольство со стороны всего кабардинского общества. В 1794 году в Кабарде началось крупное восстание, в котором принимали участие все слои кабардинского общества: феодальная знать, представители духовенства, феодально-зависимое население. Последняя категория выступала за освобождение не только от колониального режима, но и от социального гнета. Восстание возглавлялось Измаилом и Адильгиреем Атажукиными, Атажуко Хамурзиным из рода Кайтукиных и другими князьями. Как свидетельствуют источники, в схватках с царскими войсками участвовало до нескольких тысяч человек. Восстание было жесточайшим образом подавлено, а его руководители отправлены в ссылку [2, 50].

В среде кабардинского общества в конце XVIII века, когда разгоралась борьба за независимость против завоевательной политики Российской империи, не было единства. Вот, как описывает состояние адыгов топограф и очевидец событий И. Ф. Бларамберг: «К счастью, они никогда не могут собрать эти силы (более 60 тысяч воинов) воедино по причинам внутренней вражды и полнейшего отсутствия дисциплины, средств для содержания определенного времени такой массы людей. Не будь этих препятствий, они представляли бы большую угрозу для своих соседей, имея в виду и их воинственный характер; они были бы просто непобедимы» [3, 401].

Нужна была социальная интеграция на основе объединительной идеи, где групповые и частные интересы были бы подчинены общекабардинским интересам. Объединительные тенденции находят свое идеологическое оформление в исламе, который провозглашал

равенство людей перед богом и оправдывал войну с неверными. Возникло так называемое «шариатское движение» [4, 287]. Оно, в отличие от всех прошлых интеграционных процессов, принципиально было ориентировано не на восстановление прежних порядков, а на их радикальное преобразование. Новый социальный порядок должен был стать основой политического единства нового типа [5, 22].

В результате к концу XVIII века в Кабарде разворачивается мощное освободительное движение под религиозными лозунгами. Активизации этого процесса способствовало бегство Адильгирея Атажукина из ссылки и появления его в Кабарде в 1799 году. Вокруг него начинают группироваться представители мусульманского духовенства во главе с эфендием Исхаком Абуковым. Адильгирей Атажукин и его сторонники достигли определенных успехов по объединению всех общественных слоев кабардинского общества, а также превращению отдельных разрозненных выступлений кабардинцев (в некоторых случаях в союзе с абазинами, бесленеевцами и карачаевцами) против царизма в массовое движение. Особый интерес представляет привлечение Адильгиреем Атажукиным на свою сторону широких слоев среднего и мелкопоместного дворянства, среди которых большой популярностью пользовалась идея социального равенства. Ислам стал господствующей формой вероисповедания, собирающая людей под свои зеленые знамена [6, 65].

В 1799 году в Большой Кабарде вспыхнуло восстание под религиозными лозунгами. Причиной для восстания послужили новые выборы в родовые суды и родовые расправы. Выборы в судебные органы Кабарды 1799 года, вокруг которых разгорелась острая политическая борьба, затронули не только кабардинское общество, но и другие народы Северного Кавказа.

Царское самодержавие было весьма обеспокоено таким развитием событий. В рапорте генерал-лейтенанта Кнорринга от 5 июля 1799 г. на имя императора отмечалось, что «девять ветреных владельцев и много узденей, быв руководимы советами его — Адильгирея Атажукина, сошлись в одном месте и взяли дерзкое намерение установить в Кабарде духовный суд, который бы правилами корана решал все народные тяжбы и который бы совершенно ослаблял действие учрежденных Императорским Величеством в Кабарде родовых судов и расправ, до сего времени с довольным успехом удерживающих порядок в кабардинцах и умножающих зависимость

их к Высочайшему Вашего Императорского Велчества престолу…» [7, 143].

Большая часть князей и дворян во главе с Адильгиреем Атажукиным и Исхаком Абуковым, понимая, что для организованного сопротивления царскому режиму необходимо было сплотить в единое целое всех кабардинцев, перешла к практическому решению вопроса мобилизации и политического единства всех слоев кабардинского общества.

В уже упомянутом рапорте генерал-лейтенанта Кнорринга от 5 июля 1799 года прямо отмечалось: «Далее осведомляем, что они ветренники присягнули на Коране поступать единодушно в сем новом начинании, на тот конец, дабы потом способнее приступить ко введению равенства между владельцами и узденями, разглашая: «Почему де нам оного между собой не иметь, когда оное существует во Франции?» Что многие узденя, обольщаясь сими видами, обещавшими им мнимые выгоды, отходят от своих благонамеренных владельцев и со злоумышленниками соединяются» [8,14]. Отголоски идей Французской буржуазной революции простирали свое влияние не только до украинских земель и до глубины самой Сибири, но и до гор Кавказа [9, 13].

Идея равенства во многом была мерой вынужденной, так как ислам виделся лидерами кабардинского общества единственным средством, которое могло устранить угрозу ликвидации независимости Кабарды. Такое переплетение религиозных мотивов с борьбой кабардинцев за свою независимость означало, что шариатское движение в истории Кабарды было религиозным политическим явлением.

Размах этого движения достиг таких размеров, что царские власти вынуждены были вновь прибегнуть к военной силе. Мероприятия, проводимые царскими чиновниками способствовали поляризации сил в Кабарде, четкому размежеванию противоборствующих политических групп.

Адильгирей и его сподвижники пытались привлечь на свою сторону и другие народы Северного Кавказа. Однако российские войска под командованием генерал-лейтенанта Кнорринга смогли отрезать дорогу в Закубанье, в результате чего объединение не состоялось и восставшие вынуждены были вернуться в Кабарду.

В мае 1800 года царское правительство выдвинуло ультимативное заявление, в котором требовало немедленного проведения вы-

боров в родовые суды и родовые расправы. Под угрозой применения военной силы съезд кабардинского народа принял решение о проведении выборов.

При этом власти Российской империи понимая, что движение имело определенный успех в среде кабардинского общества, пошли на некоторые уступки. В одном из высочайших повелений Его Императорского Величества отмечалось: «…как можно меньше мешаться в дела горских народов, пока оные не будут касаться до границы нашей» [10, 50].

Проблема обеспечения безопасности границ требовала от царского правительства комплексного подхода к решению вопроса укрепления российского владычества в Кабарде. Ведь к началу XIX в. вся горная полоса Северного Кавказа, простиравшаяся к югу от линии Кубань — Терек, фактически, еще не находилась под контролем русской военной администрации [11, 51].

Помимо непосредственно военных действий, особое значение царское правительство придавало административным преобразованиям, которые также были формой реализации геополитических замыслов Российского государства. Этой теме ранее не предавалось должного значения, но в последнее время на нее обратил внимание историк права С.Р. Чеджемов [47-48]. Характерным примером можно считать тот факт, что астраханский военный губернатор, князь Цицианов был весьма недоволен деятельностью института приставства, выдвигая при этом весьма резонные и убедительные с позиции царской администрации доводы. Так, в рапорте № 7 от 23 марта 1804 г. Цицианов отмечал: «С одной стороны — такая малая деятельность начальника Линии, с другой — совершенная слабость пристава Стемаковского, не имеющего способности в 3-летнее свое пребывание при сем народе завести хотя бы какую-либо партию с своей стороны, суть причинами ослушания кабардинского народа, требующего к управлению сколько кротости, сколько или вдвое строгости, справедливости и бескорыстия» [12, 951].

Обеспокоенный таким положением, Цицианов в своем рапорте также изложил довольно подробно целый комплекс административных мер: «Вникая в сие важное обстоятельство, тем паче, что год неповиновения может вести за собою, буде не решительно гибельные следствия, то по крайней мере большие дерзости, приемлема смелость всеподданейше изложить В.И. В. мнение как о всей системе, принятой с установления Кавказской линии в управлении Кабардин-

ского народа есть чиновник под именем пристава… слово пристав в Азиатском народе никакого почтения и уважения к себе не привлекает… поэтому слово начальник предпочтительнее… что сии последние названия само собою напоминает им, что оный есть как будто отдельное тело от Российской империи, хотя сия цель должна состоять в том, чтобы в грядущие времена кабардинский народ мало-помалу, оставе лютость свою и хищничество, обратился к последней для Империи народ подобно Казанским татарам» [13, 952].

Предложенные Цицианов меры, при многих положительных чертах, отражали в себе целый спектр геополитических замыслов России, который в итоге должен был полностью отвлечь кабардинцев от борьбы за свою независимость. Цицианов писал: «…стараться всеми мерами наклонять их разными прелестями отдавать детей своих в училища, нарочно именующиеся быть заведенным в Георгиевске и Екатериноградe, где ничему больше не обучать, как российскому и татарскому языку, и потом под видом усовершенствования наук отсылать княжеских детей в кадетские корпусы,… таковые школы завести для узденей или дворян кабардинских, но в полки выпускать с понижением чинов против княжеских детей, дабы не оскорбить сих при начале чего благотворного действия… позволить ввозить и продавать беспошлинно, тамошние от этого мало потеряют, но во взаимность империя в последующие времена получит ощутительную пользу… Необходимым нужным в Георгиевске и Константиногорске построить мечети и позволить, имея муллу, отправлять служения, особливо в торговые дни ибо всякий народ, привязанный к вере, питает в душе своей почтение к тому, что покровительствует оною» [14, 952].

Император Александр I полностью поддержал инициативу князя Цицианова. В своем высочайшем рескрипте император отмечал: «Приемле за благо все изложенное вами в рапорте ко мне вашем от 23-го минувшего марта, о преобразовании системы доныне существующей, управления Большой Кабардою и о заведениях, которые находили вы нужными, дабы удобленее сделать сию обширную часть Кавказа, полезною для России и отвлечь народ обитающий от хищничества, водворив посреди его просвещение. Я дал надлежащее повеление тем из министров, до которых частно все то относиться будет, дабы они приступили к распоряжениям тому сообразным и к проведению в исполнение всего, что по предмету сему в помянутом рапорте Вашем содержится» [15, 953-954].

Вместе с тем император предложил несколько отложить вопрос о переименовании названии кабардинского народа в область, а также пристава в начальники. Это обстоятельство было вызвано тем, что Александр I исходил из принципа целесообразности не торопясь развивать события, так как в Кабарде не утихало шариатское движение и еще не нашли должного понимания новые институты управления.

Царское правительство продолжало строительство крепостей на территории Кабарды, что способствовало развитию антагонизма к политике Российской империи и ее методам. Толчком к усилению волнений в Кабарде послужило строительство Кисловодского укрепления и новых казачьих станиц в Пятигорье, а также очередные выборы в родовые суды и родовые расправы. О значимости этих событий историк-эмигрант Р. Трахо пишет: «Постройкой в 1803 году укреплений Минеральных Вод (Кисловодск) связь с Закубаньем окончательно прервана, а присоединение Грузии к России и создание князем Цицианов Военно-грузинской дороги в 1804 году завершает изоляцию Кабарды» [16, 37]. Отличительной чертой этих волнений можно считать то, что они были «самыми массовыми, в которых приняли участие не только кабардинцы, закубанские черкесы, но и соседние северокавказские народы: осетины, чеченцы, ингуши, балкарцы, карачаевцы» [17, 42].

Царское правительство было очень напугано таким объединением горцев. В рескрипте царя на имя Цицианова от 31 июля 1804 года отмечалось: «Весьма нужно было бы обратить внимание ваше на способы, какие нам действительно могли бы послужить к водворению сколь возможно там спокойствие, употребя на то вооруженные действия или переговоры, основанные на пользе народов сих. Я буду ожидать соображений ваших по сему предмету, предоставляя собственному вашему усмотрению, «нужно ли будет в Кабарде иметь судей, коих выбор, сколько из рапортов генерала Глазенапа судить можно, был один из поводов восстания их» [18, 90-95].

В 1804 году волнения перешли в открытое выступление. В этот момент особенно усилилось влияние турецкой агентуры. Думается, что именно это обстоятельство заставило российскую администрацию укрепить Линию войсками, сосредоточив в границах Кабарды специальные воинские формирования. Обострение отношений между русскими войсками и кабардинцами достигло высшей степени. Царское правительство поняло, что уступками делу не помо-

жешь и решилось на крайние, военные действия. Цицианов в одном из своих отношений на имя Глазенапа (командующего войсками Кавказской линии) отмечал, что «…меру строгости употребить не могу я вам запретить тем паче, что мои правила всегда были таковы, что когда доказательство не действует, то ядры и штыки должны подкреплять приказания начальника и войск российских, лишь бы распоряжениям были верны» [19, 173].

Астраханский военный губернатор Цицианов в письме «почетным князьям, узденям и эфендиям Большой и Малой Кабарды от 4-го апреля 1804 года» обратился к кабардинцам с прокламацией, в тексте которой уже не было места каким-либо компромиссам: «Кровь во мне кипит, как в котле, и члены все во мне трясутся от жадности напоить земли ваши кровью прислужников. Я слово мое держать умею… ждите, говорю вам, по моему правилу штыков и ядер и пролития вашей крови реками. Не мутная вода потечет в реках, протекающих ваши земли, а красная, ваших семейств кровью выкрашенная» [20, 117].

Надо признать, что такие угрозы не смутили кабардинцев, и они продолжали нападать на русские укрепления. Глазенап получил приказ привести кабардинцев в спокойствие в течение 15 дней. В мае 1804 года произошло столкновение между царскими войсками и восставшими кабардинцами. Резерв, введенный русским командованием, решил исход битвы. Глазенап с трудом подавил восстание, разорив полностью 80 населенных пунктов и принудив многих кабардинцев переселиться за Кубань [21, 90].

1804 год был самым тяжелым для России в ее борьбе с Кавказом: она не располагала достаточными войсками, так как война с Персией и постоянные волнения в Грузии отвлекали их [22, 37].

Несмотря на столь мощный удар, кабардинцы, насколько это было возможно, продолжали борьбу. В одном из рапортов генерал-майора Дельпоццо графу Гудовичу от 3 августа 1806 г. отмечалось, что «…народы оные в возмущении и от повиновения Российскому правительству совершенном от падения уже третий год; почему генерал-лейтенант Глазенап по повелению главноначальствовавшего здешним краем и в Грузии, покойного ген.от. инф. князя Цицианова, в прошлом 1805 году марте месяце для приведения в повиновение и спокойствие выступил в их пределы с отрядом войск уже в 3-й раз с тем, чтобы оных наказать и привести до совершенного повиновения и благоустройства, и дабы после оного

перестали делать возмущение и в границах Российских грабежи и убийства…» [23, 1096]

Подавив восстания, царское правительство вынуждено было несколько отступить от поставленных задач и пойти на нетрадиционные для завоевательной политики уступки. В 1807 году в Кабарде был учрежден духовный суд. С введением шариата усилилась роль духовенства, которое совместно с князьями и дворянами ужесточило социально-правовое положение зависимого населения.

Обострение кабардинского вопроса во многом было связано с ухудшением положения России на международной арене. Обстоятельства побудили правительство искать мирного решения вопроса с Кабардой [24, 15].

Как ни парадоксально, но идея социального равенства с достижением поставленной цели себя исчерпала, хотя и способствовала утверждению мусульманской религии. Несмотря на то, что социальная программа шариатского движения оказалась нереализованной, успехи исламизации адыгов были налицо» [25].

Шариат стал не только социальным орудием зависимого населения, но и орудием, которое, прикрываясь идеей равенства, направило дворян и духовенство против царизма.

Обострение напряжения в Кабарде приводило к тому, что власти Российской империи все больше прибегали к военным методам, нежели к дипломатичным, что имело свои отрицательные стороны в деле освоения региона.

Нельзя не остановиться на чрезвычайно интересном явлении: в то время, когда распространение русского владычества на Северный Кавказ шло с востока на запад, русская колонизация двигалась совершенно в обратном направлении. Толчком к такому движению послужило прежде всего занятие Моздоко-Азовской линии, а затем почвенные преимущества западной части губернии, сравнительно с ее восточной частью. Последствием этих фактов было то, что в 1804 г. русский элемент составлял в Ставропольском– 44,3%, Александровском — 19,4%, Георгиевском — 28,4%, Моздокском — 5,1%, Кизлярском — 3,1%. Такие результаты были плодом семидесятилетних трудов и военных успехов, начиная с основания Кизляра и до вторичного открытия Кавказской губернии» [26, 8].

Тенденция царского правительства к военным методам вызывала у кабардинцев явно выраженные ответные антиколониальные меры. Исходя из анализа складывающейся ситуации и приведен-

ных выше примеров деспотических действий царского военного начальства, можно сказать, что одной из причин нового восстания в Кабарде было поведение и самого генерала Булгакова, который своими ультимативными требованиями провоцировал кабардинцев на антироссийские выступления [27, 180].

В то же время возрастало влияние и популярность протурецкой группировки во главе с Каспулатом Кильчукиным, Пшемахо Наурузовым, Эфенди Исхаком, которые были «сторонниками сепаратизма и рьяными противниками русско-кабардинского сближения» [28, 439]. Эта группировка имела очень тесные связи с персидскими и турецкими агентами. Представители антирусской ориентации в переписке с агентурой турецкого и персидского правительств неоднократно отмечали, что не желают «находиться под управлением неверных россиян, а охоту имеют служить персидскому шаху» [29, 1121].

Деятельность турецко-персидской агентуры особенно возросла в период очередной русско-турецкой войны (1806-1812). Они распространяли слухи, что на фронте русские войска терпят одно поражение за другим и уже близок тот момент, «когда русская армия окончательно будет разгромлена, что лозунг всеобщего вооруженного выступления мусульманских народов против России выставлен на султанском знамени» [30, 177]. Что же касается иранских планов на Кавказе, то в канун начала российско-иранской войны 1804-181 гг. Фетх-Али шах, вдохновляемый тем же Наполеоном, замышлял захват у России Кабарды, Осетии, Ингушетии, Чечни (не говоря уже о Восточной Грузии) [31, 107-108].

Жестокие методы колониального управления царской власти на Северном Кавказе создавали благоприятную почву для веры в подобные измышления и нелепости [32, 441].

Карательные методы покорения кабардинцев и активизация деятельности Турции и других держав, которые не хотели мириться с укреплением России на важном стратегическом участке Северного Кавказа, послужили главными причинами усиления освободительной борьбы кабардинского народа.

Зависимое население Кабарды наивно надеялось, что с установлением шариатского суда оно будет освобождено от непосильного гнета князей и дворян, более того, на основе мусульманского вероучения оно требовало социального равенства. В одном из своих донесений в 1810 года. Пристав Кабарды генерал-майор Дельпоццо

отмечал: «Оно (подвластное население), следуя, сей системе, ныне и восстали против владельцев и узденей своих вооруженною рукою с тем, или получить себе то право или когда не в силах будут против их устоять, быть все побитыми и тогда бы последние их семейства остались вечные рабы» [33, 45].

Вопросы социальных противоречий в Кабарде достигли таких размеров, что во многом способствовали ослаблению борьбы за независимость. Борьба внутри кабардинского общества приняла настолько сильный, острый характер, что она на некоторое время заслонила антиколониальную борьбу и крестьяне даже стали посылать своих представителей к царским властям с просьбой освободить их от гнета местных феодалов и разрешить им переселиться в русские пределы [34, 40].

В рапорте генерал-майора Дельпоццо управляющему обеими Кабардами от 12 февраля 1810 г. № 43 отмечалось: «Весь кабардинский черный народ три года сряду присылали ко мне выбранных от себя депутатов, что они будучи чрезвычайно от владельцев и узденей своих притесняемы и разоримы желают, чтобы российское правительство приняло их под свое покровительство, и они согласны во всякое время оставить Кабарду и поселиться в границах наших, там, где благоугодно будет начальству назначить им места к поселению на здешней линии. За несколько дней перед сим также были присланы от оного два человека (неразборчиво), но я не доверял оным о справедливом их намерении, приказал, чтоб прислали выбранных от всего общества своего таких людей. Человек шесть, на которых можно положиться, что они имеют доверенность от своих собратий действительно справедливую о их намерении переселиться в наши границы с обстоятельными условиями, которые отзывались, что не могут прислать таковых. Явным образом днем боясь своих владельцев, просили позволения приехать ночью…» [35, 96].

Принятие решений о подданстве занимало иногда немало времени, так как этот процесс был сложным и нередко перед Россией возникали новые геополитические вызовы и военные угрозы [36, 29].

Дельпоццо же всецело поддерживал идею переселения крестьян, так как видел в этом процессе выгоду в вопросах ослабления освободительной борьбы кабардинского народа. Процесс этот четко укладывался в политику «разделяй и властвуй», которая столь изощренно использовалась на протяжении многих лет. В вышеуказанном рапор-

те генерал-майор Дельпоццо отмечал: «Я представлял о сем добровольно от Кабардинского черного народа желание переселиться в наши границы, на рассмотрение Вашего Высокопревосходительства, покорнейше осмеливаюсь просить к удовлетворительному отзыву моему опалу народу, почтить меня скорейшим Вашего Высокопревосходительства в резолюцию с поведением» [37, 97].

Между тем необходимо отметить, что при всей благосклонности к обращению «кабардинского черного народа» Дельпоццо выдвигал четыре условия переселения, которые сочетают в себе элементы сдержек и противовесов: «1-е -поселить их здесь на Линии на дико поросших местах, где оные окажутся, 2-е — дать им на десять лет льготы избавле их от всяких податей, 3-е — позволить свободное отправление исповедовать многолетний закон и держать у себя муллов, 4-е — поминовение данной льготы обязываются вступить в казенные обыватели; с понесением всех тех обязанностей, каковые они отправляют, с тем различием только, чтобы рекрут с них не брать, а взыскивать за оных деньгами» [38, 97].

Столь конкретные действия командующего давали большую перспективу развитию социального антагонизма в среде кабардинского общества. Российское правительство видело в зависимом населении то противодействие, которое могло бы окончательно решить вопрос о неблагонадежной группе кабардинских владельцев.

Политика заигрывания с зависимым населением возымела свои плоды. Следствием стали многочисленные обращениия крестьян с просьбой о переселении на Линию. Так, в 1810 г. в письме к главнокомандующему армией Малиновскому отмечалось, что «…после предписания моего г. генералу от инфантерии Булгакову от 24 декабря относительно переселения 2000 семейств Кабардинского народа на Линию, что г. генерал-майор Дельпоццо обнадежил присланных депутатов от кабардинцев переселением, когда генерал Булгаков обратится с войсками из экспедиции, что депутаты остались тем довольны. Между тем сие общее с генерал-лейтенантом Мусиным-Пушкиным предполагается водворить оный народ по реке Куме, между селением Просковейской и Привольного до границ Моздокского уезда… Я же представляю обстоятельств их местному соображению генерала Булгакова, повторил ему только о том, чтобы он по возвращении из Закубани не упустили время заняться оным переселением, как таким делом, которое послужить может к умножению обывателей губернии Кавказской, учредив общие с

Вами предварительно меры, как не счесть поселении их, так и карательного очищения: а с тем вместе и составить акт, с какими обязанностями имеют быть они в подданстве империи… Подпись неразборчива» [39, 98].

Помимо внутренних противоречий, особую роль в ослаблении освободительного движения сыграла также эпидемия чумы, во время которой погибли десятки тысяч человек. В рапорте генерала Булгакова от 10-20 января 1807 года к графу Гудовичу отмечалось: «Управляющий обеими Кабардами генерал-майор Дельпоццо рапортует мне, что по справкам им чинимым и полученным теперь сведениям народы Малой Кабарды Гилястановой фамилии, живущие по Грузинской дороге, от свирепствующей там заразительной болезни почти все вымерли и осталось оных весьма малое число, в числе коих владельцев только двое; в Большой Кабарде болезнь сия свирепствие свое также не прекращает и начали уже умирать в немалом количестве узденей и владельцы, которые прежде по сие время весьма мало и редко умирали» [40, 53].

В целях приведения в повиновение Кабарды, воспользовавшись противоречиями внутри кабардинского общества, а также последствиями эпидемии чумы, царские власти в 1810 г. снарядили карательную экспедицию, которую возглавил генерал Булгаков. Кабардинцы, истощенные внутрисоциальными распрями, не смогли оказать какого-либо сопротивления. Результат этой карательной экспедиции был весьма негативным для жителей Кабарды. Полностью были разорены 200 аулов. Потери кабардинцев по тем временам были очень ощутимыми: «6150 рогатой скотины, 515 лошадей, 125 буйволов, 44015 овец, 6310 пудов медной посуды, 5895 пудов меду, 52 панциря, 180 ружей, 300 шашек, 145 сабель, 2900 серебряной монеты, 5800 разного товару по цене серебряной монеты, 1420 арб проса, убито Куденетовой и Тамбиевой фамилий узденей и прочих 31 человек, позжено домов 9585, панцирных шишаков 34, мечетей 111, хуторов 1000, в плен взята 41 душа» [41, 116].

Говоря об итогах карательной экспедиции, Булгаков указывал, что «кабардинский народ доселе никогда таковой чувствительной не имел потери, и никогда еще войска не доходили туда, где ныне чинили поиски, и что они потеряли много имущества, которое сожжено с двумястами селений» [42, 178].

Помимо того, что во время карательной экспедиции благосостояние Кабарды было основательно подорвано, еще в довесок ко всем

страданиям кабардинцев Кавказская администрация использовала методы экономических ограничений. Несмотря на высочайшую грамоту кабардинскому народу, подписанную императором Александром 20 января 1812 г., где начальнику Кавказской линии предписывалось «расследовать вопрос о свободных землях и можно ли их будет отвести кабардинскому народу без стеснения других жителей» [43,334], царская администрация на Кавказе не решала этот вопрос положительно. Грамота 1812 года — уникальный документ, определяющий кабардино-русские отношения с 1812 по 1818 годы. Грамота является взаимовыгодным мирным договором между Кабардой и Россией, дипломатическим успехом не только Каспулата Кильчукина Мухамеда Докшукина и других влиятельных кабардинских князей, но и Александра I. Российский император путем мирного договора с самым влиятельным народом Кавказа сумел предотвратить попытки французских властей использовать кавказские народы в войне с Россией [44, 160].

Генерал-майор Дельпоццо в 1814 году в обращении к императору писал о разрешении кабардинскому народу производить хлебопашество в Кавказской губернии: «Кабардинский народ просит меня позволить оному произвести хлебопашество в Кавказской губернии на пусторожных местах по установленному в карантин… Я покорно прошу Вашего Превосходительства почтить меня своим уведомлением, могут ли кабардинцы быть удовлетворены в их просьбе, в чем я не нахожу препятствий, ибо через ее будем иметь в руках своих некоторую собственность этого народа» [45, 102].

Дельпоццо пытался закрепить вопросы хлебопашества в сферу надзора и регулирования администрации. Однако такая постановка вопроса не нашла должного понимания в полном объеме. Это объяснялось прежде всего вопросами, которые носили политический характер: «…честь имею уведомить, что табуны сего народа, которые составляют их собственность, впущены в губернии и сами творят шалости и грабежи… здешние народы поддерживают у себя горцев, снабжают их оружием и скрывают их при обратном возвращении, а поэтому считаю отклонить намерение кабардинцев пахать на сей стороне и держать табуны внутри губернии, т. к. этого требуют необходимые политические виды, принять также обезоружив и другие благонадежные способы, которые могли бы обеспечить губернии от грабежей» [46, 102].

Несмотря на столь жесткие меры, царским властям не удалось

усмирить Кабарду. Даже после карательных экспедиций кабардинцы нападали на крепости Кавказской линии, вызывая тем самым переполох и тревогу у царской администрации из-за неустойчивого положения как в Кабарде, так и за ее пределами [47].

Подводя итог политическим событиям в Кабарде в конце XVIII — начале XIX века, необходимо отметить, что царские власти исходили не из мирных, договорных отношений, а из принципа военной силы. Методы покорения, используемые властями Российской империи, естественным образом, вызвали серьезное противостояние со стороны всех слоев кабардинского общества.

Примечания

1. Кажаров В. Х. Столкновение цивилизаций и первые поражения Кабарды в 60-х — 90-х годах XVIII века //Исторический вестник КБИГИ. Нальчик, 2006.

2. Дзамихов К. Ф. Адыги: вехи истории. Нальчик, 2008.

3. Адыги, балкарцы, карачаевцы в известиях европейских авторов XIII-XIX вв./Сост. В. К. Гарданов. — Нальчик, 1974.

4. Кажаров В. Х. Традиционные общественные институты и их кризис в конце XVIII — первой половине XIX века. Нальчик. 1994.

5. Боров А. Х., Думанов Х. М., Кажаров В. Х. Современная государственность Кабардино-Балкарии: истоки, пути становления, проблемы. Нальчик, 1999.

6. Маремшаова И. И. Северный Кавказ: проблемы этнокультурного взаимодействия. // Научная мысль Кавказа. 2002. № 4.

7. Туганов Р. У. Страницы прошлого. Нальчик, 1989.

8. Там же.

9. Кумыков Т. Х. Общественно-политические взгляды Измаил-бея. // Вопросы истории и историографии Северного Кавказа (дореволюционный период). Нальчик, 1989.

10. Бутков П. Г. Материалы для новой истории Кавказа с 1722- го по 1803 год. СПб., 1869. Ч. 2.

11. Дзамихов К. Ф. Указ. соч.

12. Акты, собранные Кавказской Археографической Комиссии (АКАК). Тифлис, 1869. Т. 2.

13. Там же.

14. Там же.

15. Там же.

16. Трахо Р. Черкесы. Мюнхен. 1956.

17. Касумов А.Х., Касумов Х.А. Освободительная борьба адыгских народов в XIX в. // Черкесия в XIX веке. Майкоп, 1991.

18. Кудашев В.Н. Исторические сведения о кабардинском народе. Нальчик, 2001.

19. Кумыков Т.Х. Экономическое и культурное развитие Кабарды и Балкарии в XIX веке. Нальчик, 1965.

20. Из документальной истории кабардино-русских отношений. Нальчик. 2000.

21. Маремкулов А.Н. Основы геополитики Российского государства на Северном Кавазе в XVIII- начале XIX века. Политико-правовой аспект. Нальчик, 2003.

22. Трахо Р. Указ. соч.

23. АКАК. Т. 3. Док. 1096.

24. Туганов Р.У. Шариатское движение против царизма 1799-1807 годов. //Живая старина. 1991. №1.

25. Ляушева С, Яхиев С. Объединит ли адыгов зеленое знамя? // Электронная версия «Независимой газеты».

26. Сборник сведений о Северном Кавказе. Ставрополь, 1990. Т. 6.

27. Мальбахов Б.К. Кабарда в период от Петра I до Ермолова. Нальчик, 1998.

28. Кумыков Т.Х. О характере движения в Кабарде в 1804, 1809-1810 гг. // Ученые записки КЕНИИ. Нальчик, 1957. Т. 11.

29. АКАК. Т. 3. Док. 1121.

30. Кумыков Т.Х. Экономическое и культурное развитие Кабарды и Балкарии в XIX веке. Нальчик, 1965.

31. Киняпина Н.С., Блиев М.М., Дегоев В.В. Кавказ и Средняя Азия во внешней политике России. Вторая половина XVIII- 80-е гг. XIX в. М., 1984.

32. Кумыков Т.Х. О характере движения в Кабарде…

33. Касумов А.Х., Касумов Х.А. Освободительная борьба адыгских народов в XIX в. // Черкесия в XIX веке. Майкоп, 1991.

34. Там же.

35. Маремкулов А.Н. Основы геополитики Российского государства на Северном Кавазе в XVIII- начале XIX века. Политико-правовой аспект. Нальчик, 2003.

36. Матвеев М. Исторические особенности утверждения геополитических позиций России на Северном Кавказе. // Россия XXI. 2002. № 2. С. 29.

37. Маремкулов А. Н. Указ. соч.
38. Там же.
39. Там же.
40. АКАК. Т. 3.
41. Дзамихов К. Ф. Национально-освободительная борьба Кабарды в конце XVIII — первой половине XIX в. // Национально-освободительная борьба народов Северного Кавказа и проблемы мухаджирства. Нальчик, 1994.
42. Кумыков Т. Х. Экономическое и культурное развитие Кабарды…
43. Из документальной истории кабардино-русских отношений. Нальчик. 2000.
44. Жемухов Ср. Н. Кабардино-русская война. 1810-1812 гг. Нальчик, 2000.
45. Маремкулов А. Н. Указ. соч.
46. Там же.
47. Чеджемов С. Р. Развитие государственно-правовых отношений и правовой культуры на юге России (XYIII — начало XIX веков). Государство и право. 2009. № 7. С. 77-82.

А. Х. КАСКУЛОВ,
магистрант КБГУ им Х. М. Бербекова,
(г. Нальчик)

ЗНАЧЕНИЕ ГОРОДОВ И КРЕПОСТЕЙ В РАЗВИТИИ ТОРГОВЫХ ОТНОШЕНИЙ В СЕВЕРОКАВКАЗСКОМ РЕГИОНЕ В XVIII — НАЧАЛЕ XIX ВВ.

В статье рассматриваются вопрос о роли городов и крепостей в развитии торговых связей у народов Центрального Кавказа в XVIII — начале XIX вв. Проанализированы характерные особенности развития торговых отношений в регионе. В статье рассматривается опыт государственной экономической политики в северокавказском регионе, направленный на привлечения купечества. Отмечены причины, оказывавшие негативное воздействие на развитие торговых отношений.

Ключевые слова: *Северный Кавказ, Центральный Кавказ, торговля, натуральное хозяйство, крепости, город, Кизляр, Моздок, Кабарда, внутренняя торговля, внешняя торговля.*

The article considers the question of the role of cities and fortresses in the development of trade relations among the nations of the Central Caucasus in XVIII — early XIX centuries. Characteristics of the development of trade relations in this region are analyzed. The article reviews the experience the government's economic policy in the North Caucasus region, aimed at attracting merchants. Noted reasons have a negative influence on the development of trade relations.

Keywords: *Northern Caucasus, Central Caucasus, trading, natural economy, fortress, city, Kizlyar, Mozdok, Kabarda, domestic trade, foreign trade.*

В таком многонациональном регионе, как Северный Кавказ, торговые связи выступали серьезным фактором мирного сосуществования разных народов, содействовали развитию экономических взаимоотношений и культурному обмену.

Господство натурального хозяйства у местных народов, удовлетворявшего лишь собственные потребности, обусловило слабое развитие внутренней торговли горских обществ в предшествующие столетия, что, в свою очередь, определяло отсутствие собственной денежной системы [1, 15]. Внешний рынок был более развит отчасти за счет активной работорговли, то есть формы обмена, державше-

гося не на производстве, а на разбое и насильственном присвоении чужой рабочей силы. Но данной формой торговли занимались представители не всех социальных групп горского общества. Его использовали, преимущественно, представители феодальной верхушки.

К концу XVIII столетия торговые связи между российским государством и народами Северного Кавказа приобрели постоянный характер. Организуя торговлю с Востоком и народами Северного Кавказа, российское правительство активно привлекало к этому армянских купцов.

В конце XVIII — начале XIX вв. развивались и приобрели постоянный характер торговые связи и между самими народами Северного Кавказа. Однако уровень развития хозяйства не позволял покрыть существующий на нее спрос, что в свою очередь вело к удорожанию ее стоимости.

При отсутствии благоустроенных дорог самым удобным видом сухопутного сообщения был вьючный транспорт. За прошедшие века в дорожном хозяйстве мало что изменилось, хотя на многих реках появились мосты, а кое-где даже можно было проехать на повозке.

Первоначально торговыми центрами, в силу местных обстоятельств, становились крепости, при которых со временем вырастали города. Ярким примером такого центра, стал Кизляр, основанный в 1735 г. Он был расположен на древней торговой магистрали, которая соединяла страны Востока с Европой. Здесь было сконцентрировано купечество, которое специализировалось на восточной торговле. Кизляр сразу приобрел многонациональные черты, явив пример того, как империя создает условия для совместного проживания самых разных этносов. Для приезжих негоциантов выстроили караван-сараи. В городе начали действовать три крупных рынка, условно обозначаемые как армянский, русский и татарский. «Кизляр долгое время, — пишет А. В. Фадеев, — оставался единственным во всем Предкавказье городом» [2, 93].

Кизляр имел торговые связи не только с Россией, но и с Закавказьем и Ираном, являясь посредником между горцами и указанными странами. Обычно большая часть не громоздких товаров, предназначенных для Кавказа и Ирана, отправлялась во второй половине XVIII в. с Нижегородской ярмарки водою до Астрахани, а оттуда сухим путем через Кизляр, Владикавказ и Тифлис [3, 82].

До начала XIX в. Кизляр сосредотачивал до 90% всей торговли Предкавказья. Широкую предпринимательскую и коммерческую деятельность в городе развернули местные армянские купцы. Известны многочисленные сведения о коммерческих сделках торговцев армян в известных экономических центрах Дагестана: Дербент, Тарки, Эндирей, Аксай, Аиди. Формы торгово-экономических отношений между армянским купечеством и народами Дагестана были весьма разнообразны: как откупная система, использование векселей в качестве платежного документа, кредитно-ростовщические сделки между феодальными владетелями Дагестана, в частности Казикумухским ханом, и армянскими купцами. Использование крупными российскими купцами и предпринимателями из Москвы широкой сети скупщиков, армянских купцов Кизляра, закупавших в Кайтаге, Башлы, Эндирее, Тарках марену — ценную техническую культуру, шелк-сырец, хлопок для нарождавшейся текстильной промышленности России. Армянские купцы являлись торговыми поверенными крупных феодальных владетелей, в частности шамхала Тарковского [4].

Большое значение для развития торговли имела постройка Моздока. Удобное расположение Моздока вблизи горских поселений сделало его своеобразным центром культурного, политический и торгового общения местных народов. Постепенно начал складываться известный не только на Северном Кавказе, но и в России торговый центр в Моздоке, куда приезжали купцы из Грузии, Центральной России, Кизляра и других мест. По данным за 1797 г. в городе было более 100 торговых лавок, где продавались привозные товары и скупались добротные изделия местного производства. Обычно приезжие горцы вели меновую торговлю и многие из них «в больших торгах и деньгах даже знания не имели» [5, 48].

С целью вовлечения жителей Моздока в торговлю им предоставлялось право торговать во всех городах России без всяких ограничений и без уплаты пошлины. Если же из числа поселенцев «сыщутся такие, которые и за границу торги свои производить» пожелают, то с тех взыскивать пошлину на общих основаниях, с товаров же, привозимых из-за границы, «какие для здешних обывателей потребны будут», пошлину не брать [5, 49].

В рассматриваемый период русские товары в северокавказском регионе не имели серьезной конкуренции со стороны иностранцев, т.к. их ассортимент был необычайно популярен среди горцев

Центрального Кавказа. Взаимный экономический интерес, в свою очередь, стимулировал пророссийские настроения среди местного населения, обеспечивал их политическую лояльность.

Для горского населения внешняя торговля, в частности с Россией, играла большую роль в обеспеченности жизненными припасами, так как экономические реалии, существовавшие в горском жизненном уклада и сама специфика хозяйственной деятельности в горных условиях не позволяли обеспечить население должным количеством продукции, необходимой для длительного нормального существования. Наибольший дефицит, к концу XVIII — началу XIX веков сложился в обеспеченности промышленными товарами, которые большей частью можно было получить только посредством внешней торговли. Первоначально лидерами среди основных торговых партнеров горских народов попеременно являлись Оттоманская Порта и Крым — для центральных горских обществ, а так же Грузия и Персия — для северо-восточных районов Кавказа. Однако постепенно Российская империя добилась экономического преобладания в северокавказском регионе вместе с достижением доминирования в военно-политической сфере. В итоге это позволило ей вытеснить своих основных конкурентов на периферию кавказских коммуникационных потоков уже к началу XIX века.

Для продажи и обмена местное население привозило бурки, сукно, шитые кафтаны, шаровары, шапки, овчинные шубы, мед, воск, арбы и арбные колёса. Сохранилась «Ведомость о числе и звании товаров» с 28 февраля по 1 ноября 1800 г. доставленных в Моздок, где значится: «бурмети разноцветной на 32 руб., выбойки разноцветной на 48 руб., выдры неделанной на 95 руб. 70 коп., волков неделанных на 20 руб., кумача красного на 25 руб., куниц неделанных на 80 руб., кошек на 22 руб., лисьих мехов на 18 руб., лоскутов куньих на 1 руб., лис недё- данных на 48 руб., бязи белой простой на 16 руб., бурмети на 59 руб., бобров на 4 руб., выдр на 15 руб., хвостов куньих на 50 руб». Всего за этот период в Моздок было доставлено товаров на 1915 руб. [5, 49].

Ассортимент товаров на местных рынках не отличался большим разнообразием. Стабильными были цены на продукцию сельскохозяйственного производства [6, 91]. Так, в феврале 1799 г. цены в Моздоке были следующие: четверть пшеницы — 4 руб. 40 коп., овса — 1 руб. 50 коп., 1 пуд сена — 12 коп., муки пшеничной — 60 коп., муки ржаной — 1 руб. 35 коп., 1 четверть крупы пшенной — 3 руб. 20 коп.,

1 фунт сорочинского пшена — 7 коп., хлеба пшеничного — 2 коп., хлеба ситного — 2 коп., хлеба ржаного — 1 коп., сахара — 1 руб. 20 коп., говядины свежей — 3,5 коп., свинины — 5 коп., баранины — 5 коп., сала топленого — 12 коп., сала нетопленое — 10 коп., свечи — 2 коп., рыбы свежей — 35 коп., рыбы соленой –4 коп., икры свежей — 15 коп., икры соленой — 12 коп., масла коровьего –14 коп., масла конопляного — 12 коп., соли — 1 коп., ведро капусты белой — 50 коп., капусты серой — 20 коп., 1 фунт меда — 14 коп., мыла — 15 коп., бутылка уксуса — 25 коп., фунт клея рыбьего — 1 руб., клея шубного — 40 коп. [5, 48].

Уже к началу XIX в. торговые операции жителей Моздока представляют собой часть торговых связей регионов метрополии России и сопредельных стран Юга. Усилению этих связей способствовало и восстановление после присоединения Грузии к России Александровской (Военно-Грузинской) дороги Тифлис — Моздок. Сухопутная торговля подразделилась на две части: производимая в районах, прилежащих к западным берегам Каспийского моря и Дагестана, торговля по-прежнему ориентировалась на Кизляр. А торговые караваны из Грузии и сопредельных с нею Кабарды, Балкарии, Осетии, Ингушетии шли главным образом через Моздок. При этом суммарная стоимость товаров, отправляемых в Россию из Моздока и обратно, превысила стоимость торговых сделок через Кизляр. Моздок постепенно вовлекался в сферу международного экономического обмена. Однако, на наш взгляд, не правомерно преувеличивать роль Моздока в этой торговле. Моздоку в тот период отводилась сугубо посредническая роль, а посредническая торговля обычно не нуждается в хорошо развитой промышленности.

В начале XIX века в Моздоке побывал ученый Ю. Клапрот. Посетив гостиный двор, где торговали армянские и осетинские купцы, он отметил, что торг шел в основном мелочными товарами и продуктами. Действительно, это было время упадка ранее значительной торговли и причиной тому стали нестабильная обстановка на Кавказской линии, и вспышки чумы среди горцев.

Вместе с тем ученый не преминул отметить, что среди владельцев лавок были и нахичеванские армяне, предлагавшие покупателям европейские товары [7, 235]. Однако, по мнению Ш. Беланже, торговля в Моздоке в первой четверти века уступала по объему торговле в XVIII в. [8, 209].

В январе 1811 г. было принято решение об учреждении в Моздоке карантина и предписано продавать в Моздоке соль. По счетным документам этого карантина можно представить картину торговли в Моздоке. По данным 16-недельных ведомостей Моздокской карантинной заставы за указанный период из Грузии в Моздок доставлено: выбойки — 7125 концов, шелка-сырца — 801 батман), ситца — 1326 концов, кумача — 383, бурмета — 13321, бязи — 9829, шали — 12540, концов, бумажных одеял — 2224, шкур лисьих и куньих — 14939. Кроме этого перечень товаров включает до 60 названий (носки, ковры, скатерти, сапоги, башмаки, клей, нитки, сученый шелк, имеретинскую тафтуг), пестрядьд) и др.) [9, 38].

В Моздок везли товары купцы из отдаленных районов Северного Кавказа и Закавказья. Так, в ведомости Моздокской карантинной заставы «о числе пропущенных из-за границы разного звания людей и товаров» с 22 по 29 мая 1815 г. записаны два нахичеванских купца, два тифлисских, один горийский. Ими были привезены такие товары: одеяла — 21, выбойка — 466 концов, бязь — 375 концов, шалип) — 462 конца, бурметь — 350 концов, много пушнины. Часть этих товаров реализовалась в Моздоке, часть отправлялась за пределы Северного Кавказа.

Развивалась и торговля народов Северного Кавказа с Закавказьем. В 1815 г. из Грузии было привезено и зарегистрировано в Моздокской карантинной заставе 60 наименований товаров: выбойки — 7125 концов, шелка-сырца — 801 батман, ситца — 1326 концов, бурмета — 13321 конец, одеял — 2224 и т. д. Всевозможные товары из Закавказья привозились и в другие торгово-ремесленные центры Северного Кавказа. В свою очередь горцы с Северного Кавказа ездили по торговым делам в Закавказье. Горцы Дагестана чаще всего прибывали в Кубу, Нуху, Баку, Телави, Тифлис и другие города, куда привозились для продажи продукты скотоводства и изделия кустарных промыслов [10, 58].

Постепенно товарно-денежные отношения все глубже проникают в повседневную жизнь горских народов. В первой четверти XIX века мы уже можем наблюдать картину, когда выходцы из Кабарды селились в осетинских, чеченских аулах по Тереку, в Шали и Герменчике. Известны случаи, когда и осетины с вайнахами, уходили на кабардинские земли для ведения торговой деятельности.

Таким образом, из приведенного материала видно, что Моздок и Кизляр в конце XVIII — начале XIX вв. являлись главными торговыми

центрами в регионе, через которые осуществлялась основная доля всех торговых операций. Здесь можно было встретить московских, астраханских, грузинских, персидских купцов.

Начиная с этого периода, горские народы постепенно приобщаются к торговой деятельности. Важно было то, что горцы не только приобретали российские товары и реализовывали собственную продукцию, но и постепенно привыкали к тем выгодам, которые давала мирная жизнь и возможность заниматься коммерцией. Формировался экономический симбиоз и в своей системе жизнеобеспечения народы начинали зависеть друг от друга. По мере расширения российского культурного воздействия на автохтонное население менялись и их взгляды на торговое предпринимательство, которое долгие столетия считалось у местных народов делом не достойным. Постепенно в торговле начинали участвовать даже представители княжеской верхушки, которые заводили собственный транспорт для перевозки товара и являлись крупными, по местным меркам, предпринимателями.

В рассматриваемый период русские товары в северокавказском регионе не имели серьезной конкуренции со стороны иностранцев, т.к. их ассортимент был необычайно популярен среди горцев Центрального Кавказа. Взаимный экономический интерес, в свою очередь, стимулировал пророссийские настроения среди местного населения, обеспечивал их политическую лояльность.

Можно утверждать, что политическая целесообразность, а не экономический расчет доминировали в русско-горской торговле на протяжении всего XVIII века. Вопреки экономической выгоде со стороны российского правительства вводились таможенные льготы, упразднялись пошлины для тех северокавказских торговцев, которые стремились побывать на рынках русских городов. В то же время активно использовались запретительные меры, по отношению к нелояльным владельцам, которые занимали антироссийскую позицию.

Примечания

1. Илясова А. А. Торговый фактор в системе политико-экономического развития Северного Кавказа в XVIII — первой половине XIX века. Автореф. дис. на соискание уч. ст. к.и.н. Владикавказ, 2012.

2. Фадеев А. В. Очерки экономического развития степного Предкавказья в дореформенный период. М., 1957.

3. Ахмадов Ш. Б. Экономические связи чеченцев и ингушей с Россией и народами Северного Кавказав XVIII веке // Взаимоотношения народов Чечено -Ингушетии с Россией и народами Кавказа в XVI — начале XX в. Грозный, 1981.

4. Иноземцова Е. И. Роль армянского купечества в торгово-экономических взаимоотношениях Дагестана с Россией в XVIII — первой половине XIX в. Автореф. дис. на соискание уч. ст. к.и.н. Махачкала, 2010.

5. Город Моздок: исторический очерк. Владикавказ, 1993.

6. Шнайдер В. Г. Россия и Северный Кавказа в дореволюционный период: особенности интеграционных процессов. М., 2005.

7. Клапрот Ю. Путешествие по Кавказу и Грузии, предпринятое в 1807-1808 гг. // Адыги, балкарцы, карачаевцы в известиях европейских авторов XIII-XIX вв. Нальчик, 1974.

8. Беланже Ш Путешествие в Восточную индию в 1825-1829 годы // Осетины глазами русских и иностранных путешественников. Владикавказ, 1967.

9. Кумыков Т. Х. Вовлечение Северного Кавказа во всероссийский рынок. Нальчик, 1962.

10. История народов Северного Кавказа./Отв. ред. Нарочницкий А. Л. М., Т. II. 1988.

Л. Б. САЛИХОВА,
КИН ИИАЭ ДНЦ РАН
(г. Махачкала)

О СОСТОЯНИИ ЗДРАВООХРАНЕНИЯ В ГОРОДАХ ДАГЕСТАНСКОЙ ОБЛАСТИ (КОНЕЦ XIX — НАЧАЛО XX ВЕКА)

В статье рассматривается состояние здравоохранения в городах Дагестанской области в конце XIX — начале XX века. Показано, что в этот период в городах в основном были военные лазареты. Однако отмечено, что в начале XX в. наметилась тенденция к открытию городских лечебных заведений. В работе уделено внимание и санитарному состоянию городов, мерам предпринимавшимся властями по предотвращению распространения заразных заболеваний.

Ключевые слова: *Дагестанская область, город, Темир-Хан-Шура, Дербент, Петровск, здравоохранение, санитарное состояние городов, городская больница, военный местный лазарет.*

The article reviews the state of healthcare in the towns of Dagestan region in the end of the XIX — the beginning of XX century. It is shown that in this period in the towns were mostly military hospitals. There was a tendency to opening the urban hospitals at the beginning of the XX century Attention is paid to the towns' sanitary condition, the measures taken by the authorities to prevent the spread of infectious diseases.

Key words: *Daghestan region, town, Temir-Khan-Shura, Derbent, Petrovsk, healthcare, towns' sanitary condition, urban hospital, local military hospital.*

Рассматривая вопрос здравоохранения населения, следует обратить внимание на такие моменты как обеспечение горожан медицинской помощью и санитарное состояние городов. «В Дагестанской области во второй половине XIX — начале XX в. здравоохранение находилось в плачевном состоянии. Существовавшие здесь лечебные учреждения создавались прежде всего военными ведомствами. В течение длительного периода в 60-е — 80-е гг. XIX в. они оставались единственными в городах. Количество лечебных учреждений, медицинского персонала было ограничено. Городское население было вынуждено обращаться за помощью к врачам при

военных частях (госпиталях). Среди медицинского персонала не было женщин, что в итоге неблагополучно сказывалось на здравоохранении, так как женское население городов из-за религиозных убеждений, исповедуемых коренным населением, было лишено возможности получения медицинских услуг» [1, 148].

Единственным лечебным заведением, до середины 1903 г. в Темир-Хан-Шуре (ныне Буйнакске) был военный местный лазарет на 200 кроватей. Городское население также обращалось сюда, при наличии свободного места. В Темир-Хан-Шуре действовала лечебница для амбулаторного лечения, которая содержалась на средства Темир-Хан-Шуринского благотворительного общества. С марта 1903 г. она была передана в ведение и содержание городского общественного управления. В лечебнице был открыт приемный покой вначале на 4 кровати, а через некоторое время их число в покое было «увеличено еще 4 кроватями» [2, 95].

В Дербенте, также единственным лечебным заведением был местный военный лазарет, в 1884 г. он был рассчитан на 60 мест. Здесь принималось и городское население при наличии свободных мест.

21 апреля 1890 г. Дербентский полицмейстер сообщал губернатору о том, что в городе наблюдалась значительная смертность среди мусульманского населения. Одну из причин подобного явления он видел в отсутствии медицинской помощи. Для решения этого вопроса городское полицейское управление договорилось с проживающими в городе врачами (городовой врач, врач Кайтаго-Табасаранского округа, врач Ширванского батальона, врач местного лазарета) о том, что они по очереди будут дежурить в течение часа при городском полицейском лазарете для оказания бесплатной медицинской помощи бедному населению города.

Дербентский полицмейстер Чекунов просил губернатора об открытии приемного покоя при полиции. Расход на его устройство требовал до 173 руб., а ежегодный расход — не меньше 400 руб.

1 июня 1890 г. был открыт приемный покой для приходящих больных, а в декабре было постановлено учредить при нем собственную аптеку для бесплатного отпуска лекарств бедным больным под ведением городового врача [3, 289].

В 1891 г. в г. Дербенте кроме военного местного лазарета существовала бесплатная лечебница для приходящих бедных больных, в которой дежурили все врачи, живущие в Дербенте, городская акушерка и вольнопрактикующаяся женщина врач [4].

В августе 1896 г. полицмейстер Чекунов в связи со своим отъездом на долгий срок просил городское управление принять в свое заведование организованную им бесплатную лечебницу-амбулаторию, приносившую огромную пользу городскому населению. 7 сентября 1896 г. эта лечебница была принята городом в свое заведование [5; 3, 415].

25 мая 1902 г. в Дербенте была открыта Александринская городская больница. В городе была больница и на железнодорожной станции на 30 мест, которая принимала железнодорожных служащих и пассажиров [2, 105].

Что касается Александринской городской больницы, то к 1913 г. в ней было 22 штатных кроватей, в то время как в 1912 г. не было ни одного дня, когда в больнице лежало не меньше 30, а иногда 40 больных. Подобная ситуация требовала дополнительных доходов [6].

В 1914 г., с началом Первой мировой войны, в Дербенте открылось 5 госпиталей для лечения раненых.

«В 1915 году медицинское обслуживание населения города осуществляли 2 больницы — городская Александринская на 34 койки и больница Владикавказской железной дороги на 50 коек» [7, 288].

В Петровске (ныне Махачкале) в 1895 г. была основана «амбулатория для недостаточных больных» [2, 121], которая с июля 1904 г. была принята городом под свое заведование. Она содержалась на средства городского попечительства о бедных и с 1903 г. в ней был устроен покой на 10 кроватей. Помимо городского покоя горожане могли воспользоваться и услугами местного лазарета на 100 мест. В городе также была больница при исправительном арестантском отделении на 40 мест и приемный покой железной дороги на 5 мест [2, 121-122].

В 1906 г. в Петровске открыли первую городскую больницу. Кроме того, в городе были открыты и другие медицинские учреждения — больница бондарного завода, на рыбных промыслах, где был устроен приемный покой на 10 кроватей; частная больница для рабочих на 16 кроватей при заводе «Заморозка»; больница на 20 кроватей при текстильной фабрике «Каспийская мануфактура», с отделением для родильниц на 3 кровати.

Промышленные предприятия Петровска, не имевшие собственных больниц, оплачивали лечение своих служащих в городской больнице [8, 78, 79].

Таким образом, для городских жителей больничные учреждения были предоставлены в небольшом количестве, они не могли полностью удовлетворить потребности людей. Горожане также могли пользоваться услугами местных военных лазаретов при условии наличия свободных мест.

Количество аптек в каждом из городов было представлено в одном экземпляре, ощущалась нехватка медицинских работников, все они в основном были представителями других, но в меньшей мере местных народностей.

Антисанитарное состояние городов, в особенности его окраин, грязь, царившая на улицах города, плохое обеспечение водой и канализацией, отсутствие элементарных знаний по улучшению своего быта приводили к вспышкам тех или иных заразных заболеваний в городах Дагестанской области приводившей к смертельному исходу.

Для улучшения быта горожан предпринимались меры по борьбе с малярией, холерой, чумой, сифилисом и другими заболеваниями.

В 1912 г. состоялось совещание врачей по организации противомалярийных мероприятий в Дагестанской области. Было отмечено, что наибольшее количество заболеваемости малярией среди городов в 1911 г. приходилось на Петровск — 3096 человек, Дербент — 1407 и Темир-Хан-Шуру — 1038. Заболевание малярией наблюдалось в основном в низменной части Дагестанской области, где происходило образование болот, застаивающихся водостоком, производились посевы чалтыка (риса), т.е. имелись благоприятные условия для разложения органических веществ и размножения комаров [9].

Наибольшее количество случаев заболевания малярией наблюдалось в Петровске. Город находился в малярийной местности, с юга и северо-запада его окружали болота, которые являлись источниками малярии. С северной и северо-западной части город был защищен возвышенностью. Юго-восточные ветра, господствующие в Петровске приносили всю заразу малярии с болот. Начиная с 1875 г. в Петровске через каждые 4-6 лет наблюдались эпидемии малярии, которая была связана с метеорологическими явлениями. Если зима и весна были влажные, с большим количеством атмосферных осадков, а в мае или в начале июня наступала жаркая погода, то обычно в июле, августе и сентябре бывали эпидемии малярии [10].

Для борьбы с малярией на совещании врачей предлагалось выработать меры по предупреждению малярии, для этого организо-

вывались областные комитеты под председательством военного губернатора, городские комитеты под председательством городских старост. Окружные и городские комитеты должны были выявить наиболее малярийные места, предлагалось организовать правильный санитарный надзор, проводить популяризацию сведений о малярии, т.е. организовывать народные чтения, раздачу листков, плакатов по профилактике малярии и т.п., периодически отправлять врачей области на малярийные курсы и малярийную станцию в Тифлисе, после ее учреждения; организовывать периодические съезды врачей [11].

Один из аспектов улучшения санитарного состояния городов был связан с проведением мер по борьбе с малярией. После работ проведенных врачами по выяснению причин и мер распространения малярии было выявлено 3 главных условия, способствующие развитию малярии: 1) постоянные болота; 2) заболоченные оросительными канавами места; 3) чалтыки. В соответствии с этим, военным губернатором Вольским и областным врачом Ветвинским были предложены мероприятия против распространения малярии в городах Дагестанской области. В Петровске городскому общественному управлению предлагалось осушить почву города и окрестностей, для этого необходимо было провести магистраль от Шуринского шоссе к заболоченному месту на юго-восточном конце города и оттуда в море, предлагалось провести второстепенные канавы к этой магистрали, засыпать все имеющиеся на окраинах города ямы и болота, а влажные места засадить эвкалиптовыми деревьями, коноплей и подсолнечником.

В Дербенте предлагалось урегулировать орошение садов и виноградников, в Темир-Хан-Шуре — садов и огородов, а также принять меры к осушению восточной окраины города и прилегающей равнины [12].

Все эти меры необходимо было организовать как можно быстрее, но некоторые из них требовали финансовых средств, которые не всегда были у городов.

В городах Дагестанской области предпринимались меры и по борьбе с холерой. В 1904 г. было организовано совещание врачей г. Дербента по вопросу о санитарных мероприятиях для борьбы с холерой. Они предусматривали оборудование барака для заразных больных на 30 человек, для его заведования приглашался врач, городом приобретались дезинфекционные средства. Борьба с холе-

рой предусматривала два периода: подготовительный (до того как в городе появлялись случаи заболевания холерой) и эпидемический. Город делился на 8 участков, за каждым из них назначался участковый врач, который был обязан совершать ежедневный санитарный обход своих участков. В распоряжении каждого врача находилось по одному санитару — дезинфектору. Город также нанимал 8 повозок служивших для вывоза мусора с дворов.

В эпидемический период нанимался специальный врач с жалованьем в 300 руб. в месяц для лечения населения мусульманской части. Все остальные меры в этот период усиливались [13].

Таким образом, в период эпидемий холеры в городах Дагестанской области организовывались комиссии, следившие за санитарным состоянием помещений, качеством продаваемых продуктов.

В 1910 г. удалось избежать распространения холеры в Темир-Хан-Шуре, были немедленно приняты антихолерные меры. По распоряжению губернатора город был разделен на участки с закреплением за каждым из них санитарного попечителя, подготовкой специального экипажа для перевозки больных холерой. Было обращено внимание на доброкачественность питьевой воды и учреждено строгое наблюдение за вновь прибывающими рабочими. Основным способом борьбы с холерой была чистота [14]. Это осознавали врачи и власти городов, которые с привлечением населения участвовали в работе по улучшению санитарного состояния города и распространения санитарных и медицинских знаний.

Подобные меры свидетельствовали о росте культурного сознания людей. Санитарное состояние городов также было связано с мерами, предпринимаемыми не только городскими властями, но и врачами.

К таким мерам можно отнести материалы о кладбищах и погребении умерших в городе Дербенте. Мусульманские кладбища также как христианские и еврейские должны были быть обнесены оградой и рвом, погребение вне ограды строго воспрещалось. Запрещалось хоронить умерших до истечения 3-х суток, за исключением трупов лиц погибших от заразных болезней и умерших во время сильной жары. Вводился учет смертности, согласно которому нельзя было хоронить людей без удостоверения врача [15]. Если в Темир-Хан-Шуре и Петровске подобные меры соблюдались, то в Дербенте погребение умерших в татарской части совершалось без свидетельства врачей [16; 17], в виду того, что «туземное население,

строго храня обычаи старины и опасаясь вмешательства властей в их семейные нравы и обычаи» [18] хоронили умерших без выдачи требуемых свидетельств.

Таким образом, рассматривая вопрос здравоохранения населения, следует отметить, что количество лечебных заведений в городах Дагестанской области было ограничено, в основном здесь были военные лазареты, обслуживавшие и местное население при условии свободных мест. К началу XX в. в городах появились лечебные заведения, содержащиеся на средства различных учреждений, как благотворительных, так и городских. Кроме того, в городах существовали больницы различных предприятий, такие как больница для рабочих при заводе «Заморозка», больница при текстильной фабрике «Каспийская мануфактура» и т.д.

Для городов Дагестанской области были характерны вспышки заразных заболеваний одной из причин, которых являлось антисанитарное состояние городов. Для улучшения быта горожан предпринимались меры по борьбе с малярией, холерой, чумой, сифилисом и другими заболеваниями. Организовывались совещания врачей по противомалярным мероприятиям, вырабатывались меры по предупреждению малярии и т.д.

Примечания

1. Салихова Л. Б. Городское самоуправление в Дагестане во второй половине XIX — начале XX века: дис. … канд. ист. наук. Махачкала, 2013.

2. Дагестанский сборник. Вып. 2/Сост. Е. И. Козубский. Темир-Хан-Шура, 1904.

3. Козубский Е. И. История города Дербента. Темир-Хан-Шура, 1906.

4. Центральный государственный архив Республики Дагестан (далее — ЦГА РД). Ф. 2. Оп. 1. Д. 8. Л. 16.

5. ЦГА РД. Ф. 14. Оп. 2. Д. 1. Л. 30 об.

6. ЦГА РД. Ф. 2. Оп. 3. Д. 217. Л. 6.

7. Гусейнов Г.-Б. Я. Краткая энциклопедия города Дербента. Махачкала, 2005.

8. Суздальцева И. А. О создании системы здравоохранения города Порт-Петровска во второй половине 19 — начале 20 века // Вторые Васильевские чтения. Материалы региональной научно-практической конференции. Кизляр, 2010.

9. ЦГА РД. Ф. 32. Оп. 1. Д. 8. Л. 51–51об.
10. ЦГА РД. Ф. 32. Оп. 1. Д. 8. Л. 84–84об.
11. ЦГА РД. Ф. 32. Оп. 1. Д. 8. Л. 51-52.
12. ЦГА РД. Ф. 32. Оп. 1. Д. 8. Л. 106-107.
13. ЦГА РД. Ф. 14. Оп. 2. Д. 9. Л. 1-2.
14. ЦГА РД. Ф. 7. Оп. 1. Д. 21. Л. 24.
15. ЦГА РД. Ф. 7. Оп. 1. Д. 3. Л. 90–90об.
16. ЦГА РД. Ф. 7. Оп. 1. Д. 3. Л. 136.
17. ЦГА РД. Ф. 7. Оп. 1. Д. 11. Л. 17.
18. ЦГА РД. Ф. 7. Оп. 1. Д. 11. Л. 9.

А. Ж. ШЕРЕУЖЕВ,
студент КБГУ им. Х. М. Бербекова
(г. Нальчик)

ЗАМЕНА ПРИСТАВСКИХ УПРАВЛЕНИЙ СИСТЕМОЙ ВОЕННО-НАРОДНЫХ ОКРУГОВ У НАРОДОВ ЦЕНТРАЛЬНОГО КАВКАЗА В 50-70-Е ГГ. XIX ВЕКА

Статья посвящена замене приставских органов правления системой военно-народного управления на Центральном Кавказе в 50-70-е гг. XIX века. Выявлены причины отмены приставского управления и введения новой системы администрирования. В статье показаны первые попытки введения военно-народного управления и результаты их функционирования. На основе проведенного исследования выявлена специфика деятельности системы военно-народного управления у народов Центрального Кавказа в 50-70-е гг. XIX века.

Ключевые слова: *приставское управление, военно-народные округа, российская администрация, Центральный Кавказ.*

The article is devoted to the replacement of the board of the national system of military control in the Central Caucasus in 50-70th. XIX century. Identified the causes of cancellation governance of bailiff and introduction of a new system of administration. The article shows the first attempts to introduce military-national governance and the results of their operations. On the basis of the study revealed the specificity of the activities of the national system of military control of the nations of the Central Caucasus in 50-70th. XIX century.

Key words: *governance of bailiff, military-national regions, Russian administration, the Central Caucasus.*

Формирование и эволюция системы управления Центральным Кавказом были вызваны, главным образом, геополитическими интересами Российской империи в северокавказском регионе, определившие ее активную политику на Кавказе со второй половины XVIII века.

Основные тенденции, повлиявшие на развития системы административного управления в Центральном Кавказе: переход в имперской политике России на Кавказе к жесткой централизации вла-

сти, склонность подчиненности гражданской формы управления военной, обеспечение лояльности со стороны горской феодальной знати; изменения административно-территориальных границ и этнического состава края [1, 12].

В 60-е годы XVIII в. началось администрирование региона. На низовом уровне была создана система приставств для управления коренным населением. Приставские правления вводились у народов, вошедших в состав России для наблюдения за выполнением распоряжений правительства [1, 13].

Административные преобразования на Кавказе были направлены на вовлечение северокавказского региона в общеимперскую политику [19-21]. Общинное управление заменялось государственно-административным, что явилось началом администрирования Северного Кавказа. Система приставств имела определенные положительные черты в организации управления народами: была подготовлена почва для дальнейших трансформаций; ликвидировали старые институты; установилась некая административная определенность, постепенно вовлекалось местное население в общеимперскую систему управления и права [20, 21].

В 50-е гг. XIX в. А. И. Барятинский подверг некоторым изменениям приставскую систему управления. Причинами, побудившими его на это называют: чрезмерное увеличение их числа, разделение одного и того же народа на несколько приставств, управлявшихся по-разному, трудности, связанные с их проверкой, отсутствие возможности назначить приставу приличное жалованье, невозможность участия приставов в судебном разбирательстве из-за устройства местных судов. Предвестником будущего военно-народного управления можно считать разделения на отделы, округа, участки [2, 35].

Наместник Кавказский генерал-адъютант граф И. И. Воронцов-Дашков, определил сущность военно-народной администрации, которая заключается в сосредоточении в руках отдельных офицеров административной власти, под высшим руководством главнокомандующего Кавказской армией, и на предоставлении населению решать свои внутренние дела по адатам [3, 4]. М. Н. Рейнке видит сущность военно-народного управления в том, что в округах управление вверялось военачальникам, с привлечением к участию как к низшей администрации, так и в суде, местного, отчасти выборного элемента [4, 7]. Элементы военно-народного управления внедрялись с самого начала Кавказской войны. Завершение Кавказской

войны выявила необходимость изменения структуры управления регионом, которая построена была на существовании территориальных районов военных действий отрядов Кавказской армии.

Преобразования, связанные с введением на Центральном Кавказе военно-народных округов, проводились осторожно, чтобы не вызывать недовольства со стороны местного населения [5, 664].

И. Г. Гайдабура пишет так, что в середине 50-х гг. Петербург пришел к решению ужесточить административные меры и усилить военный элемент в управлении, обусловленные затянувшимися военными мероприятиями освободительного движения под предводительством Шамиля. Данная задача возложена была на князя А. И. Барятинского, который Высочайшим указом от 26 августа 1856 г. был назначен главнокомандующим Отдельным Кавказским корпусом и утвержден в звании наместника [1, 17].

В 1852 году в качестве эксперимента в плоскостной части Чечни было создано самостоятельное военно-административное управление — Чеченское управление [5, 664]. «Положение о Кавказской армии», принятое 1 апреля 1858 г., явилось первым законодательным актом, где излагались основы военно-народного управления. Оно включало в себя отдельную часть «По управлению горскими народами, не вошедшими и состав гражданского управления». Основные принципы и порядок управления горцами по новой системе определялись в инструкции для окружных начальников Левого крыла Кавказской линии. Ее утвердил Барятинский 23 марта I860 г.

Согласно § 28 «Положения…» I860 г., горцам-мусульманам было «даровано право управляться по адату и шариату, и по особым правилам, постепенно составляемым на основании опыта и развивающихся в них потребностей» [5, 435].

З. М. Блиева выделяет основные элементы административной системы: во главе народного суда и милиции были представители военной администрации; действовало народное право, кровная месть была ограничена; предусматривались новые экономические мероприятия; горцы приобщались к культурной сфере общества России [6, 98-99, 187-188].

Российская администрация попыталась убрать некоторые нормы адата, противоречащие российскому законодательству [7, 190-194]. Отходы от общеимперского судопроизводства пресекались, т.е. не приветствовали и насколько это возможно не допуска-

ли применения норм адата и шариата при разрешении важных дел. Даже выборные представители суда зависели от правительства, что подтверждает наличие особого контроля российского правительства в судопроизводстве местных народов [9, 31].

Ж. А. Калмыков отметил, что главной задачей военно-народных управлений являлась подготовка местного населения к дальнейшим, более глубоким реформам, призванным приспособить общественно-политический строй горцев Северного Кавказа к существовавшему тогда в России социально-экономическому и политическому строю [9, 63]. В. Г. Шнайдер связывает пореформенный период освоения Россией Северного Кавказа с так называемой, «народной колонизацией пришедшей на смену военно-казачьей» [10, 116].

П. А. Кузьминов отмечает, что приходилось привлекать к управлению горцами местную элиту, чтобы через них вовлекать горцев в российскую систему, а их работа проводилась под присмотром российских офицеров. Этим обстоятельством было осложнено установление российской администрации [11, 27-29].

Так, согласно проекту, прежние многочисленные приставские правления упразднялись и вместо них создавались четыре округа: Кабардинский, Осетинский, Чеченский и Кумыкский. В состав Кабардинского округа должны были войти приставства Большой и Малой Кабарды и балкарских обществ. Вначале в состав Кабардинского округа вошли Большая Кабарда и балкарские общества. Малая Кабарда до 1862 года входила в состав Осетинского округа. В первые годы существования Терской области, кроме вошедших в нее четырех ранее созданных округов (Кабардинский, Кумыкский, Осетинский, Чеченский), были образованы два округа: Аргунский и Ичкеринский [12, 12].

Кабардинский округ с 1858-го по 1862 год состоял из двух участков. Кабардинские селения и балкарские общества (Балакарское, Хуламское, Безенгиевское), лежавшие по правой стороне реки Шалушки, составляли Черекский, а кабардинские селения и балкарские общества (Чегемское и Урусбиевское), лежавшие по левой стороне, — Баксанский административные участки. Малая Кабарда лишь в 1862 году была воссоединена с Большой Кабардой и стала третьим администратиным участком. В 1866 году из балкарских обществ Черекского и Баксанского участков образован новый, четвертый по счету, административный участок — Горский.

Э. Эсадзе дополняет, что в 60-х годах Терская область состояла из восьми военно-административных округов: Кабардинский (Большая и малая Кабарда и Горские общества), Кумыкский, Ингушский, Чеченский, Аргунский, Ичкеринский, Осетинский и Нагорный [13, 198]. Во главе округов стояли офицеры царской армии в чине генерала. Округа делились на участки, а участки, в свою очередь, на сельские общества [5, 1192]. Во главе участков стояли приставы, которые назначались тоже из числа офицеров Кавказской военной администрации.

Во главе областного правления стоял начальник Терской области, который подчинялся непосредственно Наместнику Кавказа и осуществлял военные и гражданские функции управления. В управлении регионом наместнику помогали начальники военно-народных округов, которые выполняли его поручения [9, 62].

Права и обязанности начальников округов и участков, а также сельских старшин были определены в «Инструкции для окружных начальников Левого крыла Кавказской линии», утвержденной в 1860 году [14, 25]. По инструкции начальники округов и участков должны были всеми возможными средствами поддерживать порядок и мир на управляемой территории и четко выполнять все указания от российского правительства.

По словам П. А. Кузьминова, А. И. Барятинский развивал на Северном Кавказе адат в ущерб шариату, потому что в последнем он видел опасность, направленную против России. Другой опорой российской политики на Кавказе он видел сельскую общину [11, 191].

Власти, упорно работая над вопросами усовершенствования системы управления, исходили не только из самого факта военной победы, но и из учета того положительного опыта, который накапливался военно-управленческой школой в отдельных районах кавказского края [15, 208].

Со второй половины XIX века, под влиянием зарубежных и российских убеждений о силе национальных государств, царское правительство стало проводить политику активного вовлечения окраин в общероссийскую систему управления. Приходится согласиться с тем, что данная задача не была целиком реализована: не удалось построить отношения между социальными слоями государства, основанного на диалоге учета всех интересов [16, 618-619].

М. А. Батукаев отмечает, что военно-народное управление носило лишь частично прогрессивный характер. Казалось, что перво-

начально население защищено было от произвола чиновников [17, 15]. Военно-народное управление на Кавказе функционировало до революции 1917 года [18, 11].

Таким образом, деятельность системы военно-народного управления носила сложный и противоречивый характер, основанный на переплетении интересов местного населения и российской администрации.

Примечания

1. Гайдабура И.Г. Становление системы административного управления на Северном Кавказе (конец XVIII — начало XX вв.). Автореферат… канд. юрид. наук. Краснодар, 2007.

2. Мужухоева Э.Д. Административная политика царизма в Чечено-Ингушетии во второй половине XIX — начале XX в. Автореферат… канд. ист. наук. М., 1989.

3. Воронцов-Дашков И.И. Всеподданнейшая записка по управлению кавказским краем. СПб., 1907.

4. Рейнке М.Н. Горские и народные суды Кавказского края // Журнал министерства юстиции. СПб., 1912. № 2.

5. АКАК. Т. 12. Тифлис, 1904.

6. Блиева З.М. Российский бюрократический аппарат и народы Центрального Кавказа в конце XVIII — 80-е годы XIX века. Владикавказ, 2005.

7. Северный Кавказ в составе Российской империи/Отв. ред. В.О. Бобровников, И.Л. Бабич. М., 2007.

8. Мачукаева Л.Ш. Система управления Северным Кавказом в конце XIX — начале XX века (на материалах Терской области). Автореферат… канд. ист. наук. М., 2004.

9. Калмыков Ж.А. Интеграция Кабарды и Балкарии в общероссийскую систему управления (вторая половина XVIII — начало XX в.). Нальчик, 2007.

10. Шнайдер В.Г. Россия и Северный Кавказ в дореволюционный период: особенности интеграционных процессов. М., 2005.

11. Кузьминов П.А. Причины и подготовка преобразований у народов Северного Кавказа в 50-70-е годы XIX века // Известия СОИГСИ. 2011. Вып. 5 (44).

12. Калмыков Ж.А. Установление русской администрации в Кабарде и Балкарии. Нальчик, 1995.

13. Эсадзе. Э. Историческая записка об управлении Кавказом. Тифлис, 1907. Т. 1.

14. Цуциев А. Атлас этнополитической истории Кавказа (1774-2004). М., 2006.

15. Берозов Б. П. Путь равный столетию. Орджоникидзе, 1986.

16. Административные реформы в России: история и современность. М., 2006.

17. Батукаев М. Э. Особенности исторического развития Чечни и Ингушетии в пореформенный период. Автореферат.…канд. ист. наук. Пятигорск, 2006.

18. Пляскин В. П. Система военно-народного управления на Кавказе (вторая половина XIX — начало XX в.) // Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. 2002. №2.

Д. А. ОГУЗОВА
магистрант КБГУ им. Х. М. Бербекова
(г. Нальчик)

ПОЛОЖЕНИЕ АДЫГСКОГО КРЕСТЬЯНСТВА В НАЧАЛЕ 60-Х ГГ. XIX ВЕКА

В данной статье освещается положение адыгского крестьянства в начале 1860-х годов. Хронологические рамки указывают на завершение Кавказской войны, окончательное покорение адыгов и начало преобразований. Описываются сложности проведения реформ и восприятие их местным населением.

Ключевые слова: *Адыги в XIX веке, адыгское крестьянство, западные адыги, народы кавказа, завершение Кавказской войны, итоги войны на Кавказе, покорение адыгов, стратификация адыгского крестьянства, реформы 1860-х гг. на Северном Кавказе.*

In this article highlights the position of the Adygs peasantry in the early 1860s. Chronological framework Indicates the end of the Caucasian War, the final conquest of the Circassians and the beginning of transformation. Describes the complexity of the reform and their perception of the local population.

Kewords: *Circassians in the XIX century, adyg peasantry, western Circassians, peoples of the Caucasus, completion of the Caucasian War, the outcome of the war in the Caucasus, conquest of the Circassians, stratification of the adyg peasantry, reforms of the 1860s. in the North Caucasus*

Ко второй половине XIX века особенностью развития адыгского общества оставались традиционализм, отсутствие письменной речи и большая роль устной, способствовавшая социализации личности, своеобразие социальной жизни сформировали особую систему взаимоотношений и особую психологию. Во всех сферах роль традиций была очень велика. Трансформационные процессы шли в медленном темпе до конца Кавказской войны, что собственно и обусловило выбор таких хронологических рамок. Кроме того, большинство работ, касающихся второй половины XIX века, посвящены либо проблемам изгнания, переселения, геноцида адыгов, либо отмене крепостного права и проведению реформ. Актуальность данной статьи заключается в том, что в ней мы попытаемся показать общую картину происходивших изменений.

Вторая половина XIX века для народов Северного Кавказа знаменуется завершением долгой и кровопролитной войны с Российским государством. Этот период один из самых сложных в истории России, в том числе и для адыгов, поскольку связан с глубоким реформированием края. Изменение традиционного для адыгских народов образа жизни началось намного раньше, но теперь эти перемены носили глобальный, системный характер и отразились на судьбах всех слоев общества. Исключением не стало и крестьянство, которое в рассматриваемый период оставалось самым многочисленным классом. «Народы Кавказа — потомки старых культурных народов, знавших столетия культурного расцвета» — говорил в апреле 1927 года на торжественном заседании деятелей кавказской эмиграции в Праге украинский профессор Славинский. Трагедия многих кавказских народов заключается в том, что «старая культура», о которой он говорит, входила и входит в конфликт с новыми политическими реалиями меняющегося внешнего мира, не всегда и не для всех удобными.

Следует сразу отметить, что адыгские народы по-разному восприняли поражение в войне. И интеграция в общероссийское пространство затронула больше, так называемые «аристократические» народы.

Дихотомия «демократические — аристократические», скорее всего, является идеологическим конструктом, созданным не без вмешательства европейских схем, полагает А. В. Сивер. Однако этот конструкт основывался все-таки на реалиях социальной организации шапсугов и натухайцев, менее жесткой в сословном отношении, чем у остальных адыгов [1, 153]. «Демократический» статус некоторых народов стал основанием для образования двух политических и этнокультурных полюсов — «аристократического» во главе с Кабардой и «демократического», в лице натухайцев, шапсугов и абадзехов [2, 113].

Положение в Западной Черкесии было несколько иным. Поскольку для них характерно свободомыслие, граничащее с анархией, большинство из западных адыгских народов оказались не готовы подчиниться, даже после окончательного завершения Войны в 1864 году.

Кроме того, слишком велико было военно-стратегическое и политическое значение Черноморского побережья в имперских планах России, поэтому именно эти народы подлежали полному унич-

тожению, а в случае их согласия выселению [3, 115]. Таким образом, многотысячное население, не принявшее российскую власть, покинуло родные места и переселилось в Турцию и на Ближний Восток.

Кабардинцев осталось больше, возможно потому, что жесткая иерархия характерная для этого народа, более подчиненное положение одних слоев общества другим помогло в дальнейшем принять и следовать законам государства, частью которого теперь они становились окончательно.

Одним из важнейших событий XIX столетия стало освобождение зависимых сословий у народов Северного Кавказа. Отмена крепостного права естественно была связана с капиталистическим развитием России. Экономическое завоевание окраин было возможно только после социально-экономического преобразования ее по типу метрополии. Россия не стала бы терпеть прежних порядков и политическую власть местной элиты. [4, 615].

Чтобы поколебать положение правящей элиты было необходимо изменить статус крестьян, в первую очередь зависимых. Адыгское крестьянство не являлось единым слоем общества ни в экономическом, ни в социальном плане. Каждая из его категорий — тфокотли, азаты, пшитли или другие — находилась в различной степени зависимости от господствующих классов [5, 1]. Наряду с тфокотлями, наиболее свободной категорией крестьянства были азаты (вольноотпущенники), обязанности которого ограничивались тем, что они брали к себе на воспитание детей своих прежних владельцев. Постепенно эти две семьи сближались и азат пользовался поддержкой и покровительством.

Наряду с многочисленными представителями свободного крестьянства, такими как тфокотли и вольноотпущенники, существовало сословие пшитлей (холопов). Сюда относятся: логанауты, оги и унауты. Логонаут — крепостной человек, живущий во дворе своего хозяина своим домом и обязан исполнять разного рода сельские и хозяйственные работы. Если господин занимает все его время, то затем обязан снабжать его семью всем необходимым. Уклонением от логонаут являются хабзанша. Это те, кто лишен прав быть со своими родными. То есть, причинив сильное оскорбление своему господину можно было получить такого рода наказание [6, 679]. Унаут — мужчина или женщина, лишенные прав семейственного состояния за дурное поведение и осужденные на безусловное служение воле хозяев.

Ог происходит от логонаута. Он получает такое наименование вместе с правом работать на себя и наживать имущество. Вскоре такие крестьяне могли даже сами оказывать материальную поддержку своему хозяину.

Обязанности логонаутов: Мужчины исполняют все полевые и домашние работы, возят и рубят дрова, косят и убирают сено, смотрят за скотом, лошадьми, баранами, пчелами, строят дома: в общем исполняю все нужные по хозяйству работы.

Женщины носят воду, доят коров, готовят, моют белье и утварь, во время родов жены владельца исполняют по очереди обязанности сиделок.

Но у них были и права: лечить холопа за свой счет, выкупить в случае пленения, обязан кормить и одевать и прочее. Более того, в случае несоблюдения хозяином этих правил Народный суд предоставлял холопу свободу [6, 678].

Сложность проведения реформы состояла в том, что владельцы не представляли себе совершенно жизнь без холопов. Вследствие нравов ни одна свободная женщина, ни за какую плату не согласилась бы выполнять обязанности унаутки, мужчину работника еще можно было как-то найти [7, 662]. При всей симпатии к личной равноправности людей следовало бы признать трудности освобождения, как для владельцев, так и для крестьян. Быстрота, с которой наступали перемены, ставила в недоумение и тех и других. Возникал целый ряд вопросов: могут ли холопы существовать без посторонней помощи? Что делать со свободой? Одинаково сложно было удовлетворить желания владельцев и устроить положение крестьян.

Слухи о проведении реформы доходили до горцев еще за несколько лет до ее осуществления, главным образом из Грузии, где реформа завершилась в 1864 году. К концу 1866 года Кабарда в поземельном отношении, основанном на принципе общинного права владения землей, получила окончательное землеустройство, после чего царское правительство приобрело возможность приступить к освобождению зависимых сословий с наделом их землею. Запутанность отношений между зависимыми сословиями и классом владельцев усугубляла сложность обстановки, в которой проходила реформа. В результате крестьянской реформы 1867 года зависимые сословия свободы не получили [6, 899].

Но, результаты, вполне удовлетворяющие желания российского правительства дала земельная реформа. Полный вариант концеп-

ции земельной реформы в Северо-Кавказском регионе сформулировал и.д. главнокомандующего Кавказской армией Г.Д. Орбелиани. Подчеркнув импульсивность, хаотичность, непоследовательность всех предшествующих мероприятий военной администрации на Кавказе в земельном вопросе, он предложил военному министру установить общинную систему землепользования для крестьян, способную защитить их от разорения и обнищания, а из горской элиты создать слой крупных землевладельцев, наделив их участками земли на правах частной собственности. Главным моментом в обоих случаях должно быть наделение горцев постоянными землями [8, 431].

Акт от 20 августа 1863 года, принятый под давлением Д.С. Кодзокова, «развязал» руки кавказской администрации в решении земельного вопроса, поскольку признание земли общинной разрушало основы, закреплявшие власть высших сословий над низшими [8, 448]. Князья потеряли контроль за земельными ресурсами, управление перешло в руки российской администрации. Местное население облагалось государственной податью. В ноябре 1866 года началось массовое освобождение крестьян. Вскоре возникла проблема нежелания временнообязанных расплатиться с бывшими владельцами, по причине своей лени и упрямства [9, 1].

Таким образом, 60-е годы 19 века у народов Северного Кавказа связаны с серьезными изменениями во всех сферах жизнедеятельности. Создав юридически узаконенный класс землевладельцев, администрация края получила возможность жесткого контроля горской элиты. Крестьяне избавились от административной и социальной власти феодалов и получили более высокий статус крестьян-общинников обязанных только государству. Сохранялось традиционное общинное устройство, более того община из института обычного права превратилась в институт государственного права, в административную ячейку.

Примечания

1. Сивер А.В. Автореф. дисс.: Этническая идентификация черноморских адыгов-шапсугов, XVIII-XX вв. URL http: //www. disserCat.ru (дата обращения: 7.02.2013)

2. Гутнов Ф.Х. Горский феодализм. Владикавказ, 2008. Ч. II.

3. Хафизова М.Г. Убыхи: ушедшие во имя свободы. Нальчик: Изд-во М. и В. Котляровых, 2010. 160 с.

4. История Кабардино-Балкарии в трудах Г. А. Кокиева. Сборник документов и статей. Нальчик, изд-во «Эль-фа». 2005. 905 с.

5. Покровский М. В. Из истории адыгов в конце XVIII — первой половине XIX века. Очерк первый. Социально-экономическое положение адыгов в конце XVIII — первой половине XIX в. [Электронный ресурс] URL http: // www. budetinteresno.info (дата обращения: 26. 04. 2013)

6. Докладная записка о зависимых сословиях в Кабардинском округе и об их обязанностях в отношении владельцев, приложенная к рапорту начальника Терской области от 8 сентября 1866 г. за № 2823 на имя помощника Главнокомандующего Кавказской армией // История Кабардино-Балкарии в трудах Г. А. Кокиева. Сборник документов и статей. Нальчик, изд-во «Эль-фа». 2005. 905 с.

7. Докладная записка выборных Большой и Малой Кабарды и горских обществ от 8 августа 1866 г. начальнику Терской области об освобождении зависимых сословий в Кабарде за выкуп на основании взаимных между феодалами и зависимыми крестьянами соглашений// История Кабардино-Балкарии в трудах Г. А. Кокиева. Сборник документов и статей. Нальчик, изд-во «Эль-фа». 2005. 905 с.

8. Кузьминов П. А. От военного покорения к поиску путей интеграции: замыслы и начало осуществления аграрных преобразований у народов Северного Кавказа в 60-х гг. XIX века // Аграрные отношения у народов Северного Кавказа в Российской политике XVIII — начала XX века. 1 том. Нальчик, «Эль-фа», 2006. 472 с.

9. Тамазов М. С. Автореф. Дисс. Модернизация России и крестьянский вопрос в Кабарде и Балкарии в 60-70-х годах XIX века. Нальчик, 2002. URL http: //www. dissercat.com (дата обращения: 7.11.2014)

С. Т. МЗОКОВ
аспирант СОИГСИ им. В. И. Абаева
(г.Владикавказ)

К ВОПРОСУ О ЗЕМЕЛЬНО-ПРАВОВЫХ ОТНОШЕНИЯХ В ОСЕТИИ НАКАНУНЕ ЗЕМЕЛЬНОЙ РЕФОРМЫ

В статье автор охарактеризовал зарождение и развитие земельных отношений, их роль и место в хозяйственной деятельности в Осетии. Была дана краткая характеристика многообразия форм владения (собственности) на исследуемой территории, выявлены особенности земельных отношений различных осетинских обществ.

Ключевые слова: *владение, собственность, земельные отношения, пожизненное наследуемое владение, аренда, землепользование.*

The article characterizes the origin and development of the land relations and their role and place in the economic activity in Ossetia. The brief characteristic of the variety of form of ownership in the area under research was given, the peculiarities of the land relations in the different Ossetian societies were revealed.

Keywords: *Possession, property, land relations, lifetime heritable possession, rent, land use.*

Земельные правоотношения представляют собой одну из древнейших форм права, фиксируемую практически у всех народов мира и прошедшую долгий путь эволюционного развития. Особенности земельных правоотношений определяются конкретными социально-историческими и хозяйственно-экономическими обстоятельствами, в которых протекает жизнь того или иного народа. Несмотря на различия в формах земельных правоотношений, существовавших в разное время в разных частях планеты, можно выделить их общие черты, позволяющие говорить о существовании отдельной (обособленной) формы права, регулирующей правоотношения по поводу одного из важнейших средств производства.

Прежде чем говорить о видах земельных правоотношений в XIX веке, необходимо указать на их содержание на современном этапе развития государства и общества. В соответствии с ЗК 2001 г. «земельные правоотношения — это отношения по использованию

и охране земель в Российской Федерации как основы жизни и деятельности народов, проживающих на соответствующей территории». Имущественные отношения по владению, пользованию и распоряжению земельными участками, а также по совершению сделок с ними регулируются гражданским законодательством, если иное не предусмотрено природоохранным законодательством.

Как мы видим из указанной дефиниции, земельными отношениями называется большой круг общественных отношений, неоднородный по характеру и неоднообразный по содержанию.

В соответствии с гражданским законодательством, под вещным правом понимается «обеспеченное законом субъективное право лица удовлетворять свои гражданские интересы путем совершения непосредственных действий направленных на объект находящийся в его хозяйственном господстве».

Наиболее полным и универсальным вещным правом является право собственности, без которого немыслимо существование других вещных прав, так как они производны от него.

Одним из ограниченных вещных прав является право пожизненного наследуемого владения, которое в соответствии с ч.1 ст.266 ГК РФ включает в себя права владения и пользования земельным участком, передаваемые по наследству.

Также следует отметить, что наиболее распространенным вещным правом является аренда. Согласно абз.1 ст. 606 ГК РФ, по договору аренды (имущественного найма) арендодатель (наймодатель) обязуется предоставить арендатору (нанимателю) имущество за плату во временное владение и пользование или во временное пользование.

Сегодняшнее понимание вещного права и всего комплекса прав, связанных с земельными правоотношениями, значительно отличается от того, которое было выработано российским законодательством второй половины XIX в., и, тем более, от того, которое подразумевалось в обычном праве горских народов Центрального Кавказа.

Обращаясь к вопросу о древнейших формах поземельной собственности, необходимо, прежде всего, отметить, что по данному вопросу существует три различные точки зрения. Н. Д. Фюстель-де-Куланж и так называемые «романисты» полагают, что первоначальное землевладение было частно-подворным [7]. Наоборот, «германисты», например, Георг Маурер [6], считали исходным общинное

землевладение. К. М. Тахтарев полагал, что «первоначальное вольно-захватное землепользование, происходящее внутри племенной или родовой области, имеет весьма неопределенный характер. Строго говоря, его нельзя назвать ни частно-наследственными, ни сельско-общинным, так как первоначальная частная собственность на землю бывает в это время не так уж неразвита, как и общинное землевладение» [9]. Затем в зависимости от местных земельных условий (количества и качества земли) развивается у одних народов сперва общинное землевладение, а у других — частное.

Кавказский, в частности осетинский, материал дает основания признать верной общинную теорию. Хотя здесь дома и приусадебные участки уже являлись большесемейной (подворной) собственностью, пастбищная земля оставалась общинной собственностью и была непередельной.

Осетинский материал дает все основания считать первоначальным источником семейно-индивидуальной собственности только заимку. Никаких чисто религиозных источников создания такой собственности, на которых настаивал Фюстель-де-Куланж, на Кавказе мы не встречаем. Семейно-индивидуальная собственность зародилась в процессе хозяйствования. Основанием для нее была расчистка участков от деревьев и камней, а также нанесение земли на скалы. Она возникла из трудовой заимки, причем первоначально эта заимка давала право владения только на период пользования участком. Тахтарев указывал, что «первоначальное захватное землепользование было своего рода условным владением, основанном на трудовом начале захватного права. Сущность его заключалась в следующем: кто первый захватил данный земельный участок и пользуется им, тот и владеет им, пока им пользуется; кто перестал пользоваться захваченным участком, тот теряет свои права на него. Захваты же участков происходили при этом, конечно, не отдельными лицами, а большими многолюдными семейными общинами, которые первоначально являются мельчайшими хозяйственными единицами данного рода и могут захватывать земли в границах области, занимаемой данным родом, находящиеся в ведении общего схода полноправных родичей» [9].

Основные начала захватно-общинного и захватно-частного землевладения отчетливо сформулировал Н. Харузин [8]. Он указывал, что в основе этого процесса лежат четыре принципа: 1. Община родовая или сельская считала себя собственником захваченной ею

тем или другим путем территории; 2. В пределах этой территории она разрешала отдельным лицам или хозяйствам право индивидуального владения отдельными участками, если на приведение их в культурное состояние был затрачен известный труд; 3. Право заимок распространялось только на угодья, не нужные общине как целому; 4. Право заимок приводило только к праву владения более или менее долговременному и обеспеченному гласным или молчаливым согласием собственника земли, т.е. родовой или сельской общины. Так как один труд обеспечивал за лицом или семьей право владения на участок, то право заимок не распространялось на угодья, заимка которых и эксплуатация не требовала труда по приведению участка в культурное состояние.

При самом широком применении заимочного права леса, покосы и пастбища продолжали находиться в общем пользовании, и на них право индивидуального владения распространилось крайне поздно. Пока свободных земель на Кавказе было много, заимки происходили почти совершенно свободно при единственным условии, чтобы они делались, не выходя из границ данной родовой или поземельной общины. Как указывал К. М. Тахтарев, «с уменьшением количества свободных удобных земель и с началом некоторого земельного стеснения, право свободного захвата земли и тут начало ограничиваться и обусловливаться согласием общины» [9]. Произвольная заимка, произведенная на общинной земле какого-нибудь аула, могла быть отнята, сделанная на ней городьба и строения разрушены, срубленные деревья присвоены общиной. Такие случаи чаще всего бывали у осетин, кабардинцев, ингушей и других кавказских народностей [6].

В Осетии четко прослеживается развитие индивидуального землевладения из трудовой заимки. Мы видим переплетение общности владения, основанного на кровном родстве, с общностью владения, основанного на соседстве.

Кроме общей собственности существовала и индивидуально-семейная собственность (не путать с индивидуальной — таковой не было вообще) на пахотные участки, но эта последняя сохраняла пережитки родовой собственности. Как указывал М. М. Ковалевский, при продаже или сдаче в аренду частновладельческих участков сородичи имели преимущественное право приобрести данный участок. При переходе к земледелию постепенно образовалась частная собственность и на землю. Из общеродового имущества стали вы-

деляться пахотные участки, которые расчищались и возделывались трудом отдельных семей. Старозаимочные участки стали принадлежать семьям на правах отдельной от общинной собственности [7].

В 60-х гг. XIX в. Осетия переживала экономический подъем. К этому времени ряды алдарской аристократии пополнились новыми землевладельцами из числа фарсаглагских фамилий и осетинских офицеров, превышая 380 человек [4]. Высокий процент земельных собственников, имевших зависимых крестьян, свидетельствовал о динамичном развитии экономики Осетии. Однако общий уровень развития земельных отношений в Осетии явно не достигал того, на котором находилась Россия в 60-х гг. XIX в. по причине либо ненаделения земельными участками освобожденных зависимых сословий, либо же наделения их незначительными земельными участками, которые не могли их прокормить. Кроме того, в Осетии не сложился тот тип феодальных отношений, какой существовал в Центральной России. Осетинский феодализм не представлял собой систему общественных отношений, мешавшую поступательному развитию общества. Осетия не была подвержена таким кризисным потрясениям, которые пришлось пережить России.

Российское правительство, тем не менее, настойчиво готовилось к проведению земельной реформы и освобождению зависимых сословий в Осетии. Оно стремилось унифицировать социально-политическую жизнь осетинского общества с теми преобразованиями, которые происходили в России в 60-70-е гг. XIX в. Как справедливо отмечает профессор С. Р. Чеджемов так поступало российское правительство и в отношении других регионов Кавказа [13-15].

К подготовке земельной реформы в Осетии приступили в самом начале 60-х гг. XIX в. На этот раз российская администрация решила придерживаться более жесткой, чем раньше, политики в отношении алдаро-баделиатских землевладельцев. Основным способом их подавления российская администрация считала объявление земли в Осетии общинной собственностью. При такой форме собственности все сословия осетинского общества как бы уравнивались в отношении права собственности на землю. Свою позицию администрация пыталась «подкрепить» историческим прошлым, в котором осетинские феодалы якобы не являлись владельцами земель на равнине. Российское правительство требовало от аристократии добровольного согласия на обобществление всей равнинной земли. Понимая, что феодальная знать не даст своего согласия

и может оказать сопротивление задуманной реформе, российское правительство было готово к насильственным мерам введения общинной собственности на землю.

Весной 1865 г. граф М.Т. Лорис-Меликов, начальник Терской области, собрал тагаурских алдар и объявил им о предстоящей земельной реформе, по которой они приравнивались к рядовым сельским общинникам. Вместе с тем, алдарам, не пожелавшим становиться рядовыми общинниками, было предложено навсегда переехать в Кубанскую область, где они смогли бы получить до 300 десятин земли на каждый двор [4]. Российское правительство свою главную задачу видело в том, чтобы земельной реформой подтолкнуть осетинское общество к равномерному развитию хозяйственных отношений для последующей опоры на это население при проведении других реформ на Северном Кавказе.

На предложение Лорис-Меликова о переселении в Кубанскую область тагаурские алдары ответили категорическим отказом. Начальник Терской области, однако, продолжал надеяться, что ему удастся «избавить» Осетию от тагаурских алдар. Он распорядился подселить в алдарские села новых поселенцев, чтобы уменьшить таким образом наделы общинных земель. Из 16 равнинных сел Лорис-Меликов создал 10, доведя алдарский общинный надел до 39 десятин вместо прежних 255. Алдарские фамилии были непреклонны, они предпочли остаться на родине.

Упорное сопротивление российской администрации оказали дигорские баделиата. Они сразу отвергли саму идею об обобществлении земли и принцип ее равного распределения. В земельной реформе, проводимой в Осетии, они видели репрессивную меру в отношении феодального сословия.

В 1863 г. дигорские баделиата, воспользовавшись пребыванием во Владикавказе наместника Кавказа великого князя Михаила Николаевича, обратились к нему с челобитной и просили сохранить за ними земли в размерах, в свое время определенных им наместником М.С. Воронцовым. Великий князь поддержал их просьбу. Несмотря на это в 1864 г. Лорис-Меликов вновь попытался убедить баделиат в том, что они во имя «дигорского народа» должны согласиться на общинный передел земли. Не добившись согласия баделиат, российская администрация отменила «навсегда» повинности, взимаемые ими с крестьян. Она также отобрала излишки земельных наделов баделиат и передала их дигорским селам Христиановско-

му и Магометановскому. Земельная реформа среди куртатинцев и алагирцев свелась к обобществлению земли и новому ее распределению. Легкость решения этой задачи объяснялась традиционной слабостью и малочисленностью феодальной знати в Куртатинском и Алагирском обществах [4].

Помимо индивидуальной и общинной собственности осетинам в то время были известны также такие виды землевладения, как пожизненно-наследуемое владение, аренда и пользование земельным участком. Подтверждение этому можно обнаружить при ознакомлении с Тагаурскими адатами в записи 1844 года. В частности, в пункте 13 читаем: «Одни только узданьлаги были первоначально владельцами земли, занятой этим народом в тагаурском ущелье, но впоследствии 8 фамилий… продали фарсаглагам в полное потомственное владение участки земли, ими занимаемые». В пункте 14: «Как фамилии Дударе и Канукое не продавали фарсаглагам принадлежащих им в тагаурском ущелье участков земли, то эти последние и поныне платят этим двум фамилиям за пользование землями в горах» [8].

Наделение фарсаглагов и их селений земельными участками, которые они не имели права продавать, подтверждает следующую точку зрения, что в Осетии XIX века уже были известны следующие титулы на землю: право собственности и его виды, указанные выше; пожизненно-наследуемое владение, следующее из текста Тагаурских адатов; аренда и право землепользования.

Примечания

1. Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть 1 от 30 ноября 1994 г. №51-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 1994. №32. Ст. 3301; Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть 2 от 26 января 1996 г. №14-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. №5. Ст. 410.

2. Земельный кодекс Российской Федерации от 25 октября 2001 г. № 136-ФЗ // «Российская газета». 30 октября 2001 г.

3. Бзаров Р. С. Социально-политические структуры горной Алании-Осетии в XV-XVIII вв. // Устойчивое развитие горных территорий. № 2 (4), 2010. С. 5-9.

4. Блиев М. М., Бзаров Р. С. История Осетии с древнейших времен до конца XIX в. Владикавказ, 2000.

5. Дзодзиев А. А. Земельная реформа и освобождение зависимых

сословий в Северной Осетии (вторая половина XIX века) // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики: в 2-х ч. Ч. I. 2012. № 10 (24). С. 77-82.

6. История народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIII в. В двух томах. М., Наука, 1988; Т. II. Конец XVIII — 1917 г.

7. Ладыженский А. М. Адаты горцев Северного Кавказа. Ростов н/Д, 2003.

8. Леонтович Ф. И. Адаты кавказских горцев. В 2-х т. Одесса, 1882-1883.

9. Маурер Г. Л. Введение в историю общинного, подворного, сельского и городского устройства и общественной власти. М., 1880.

10. Тахтарев К. М. Сравнительная история развития человеческого общества и общественных форм. Л., Ч.2. 1924 г.

11. Фюстель де Куланж Н. Д. Гражданская община древнего мира. СПб., 1906.

12. Харузин Н. Н. Очерки первобытного права. М., 1898.

Ф. Б. ШАХАЛИЕВА,
аспирант КБГУ им. Х. М. Бербекова.
(г. Нальчик)

ПРИЧИНЫ ПОБЕДЫ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ В ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЕ НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ

Статья посвящена изучению причин победы Советской власти в гражданской войне на Северном Кавказе. В статье рассматриваются национальный вопрос, аграрный вопрос, религиозный фактор, актуализировавшиеся в ходе гражданской войны в регионе, решение которых стало основными причинами победы Советской власти в гражданской войне на Северном Кавказе.

Ключевые слова: *Советская власть, Горское правительство, национальный вопрос, земельный вопрос, этническая территория, красные и белые, Гражданская война, казаки.*

Article is devoted to studying of the reasons of victory of the Soviet power in civil war in the North Caucasus. The ethnic and agrarian problems, a religious factor that became actual during civil war in this region are examined in this article. Their solutions became the main reasons for a victory of the Soviet power in civil war in the North Caucasus.

Key words: *Soviet power, Highlander government, ethnic problem, land question, ethnic territory, Reds and Whites, Civil war, Cossacks.*

Гражданская война на Северном Кавказе продолжавшаяся в период с 1918 начала 1920 гг. закончилась победой большевиков. 24 марта 1920 г. в Кабардино-Балкарии и по всему Северному Кавказу была окончательно восстановлена Советская власть [1]. По ряду причин советская власть в Кабарде и Балкарии была установлена позже всех народов Северного Кавказа.

Гражданская война на Северном Кавказе имела свои особенности. В оппозиции к большевикам в гражданской войне в крае были иностранные державы (Турция, Германия, Англия), белая армия А. Деникина в союзе с казачеством, самопровозглашенное правительство Союз горцев Северного Кавказа и Дагестана.

По воспоминаниям личного адъютанта командующего Кабардинским конным полком З. Даутокова-Серебрякова К. А. Чхеидзе, в 1918-1920-х гг. на Северном Кавказе боролись местные, наци-

ональные органы власти, создаваемые самим населением и его национальными лидерами (имеется в виду Союз горцев Северного Кавказа и Дагестана). Которые при всей поддержке населения оказались слабы и разобщены; Белая армия во главе с генералом А. Деникиным, которая ратовала за «единую и неделимую Россию», но не пользовавшаяся симпатией населения; большевики, которых не понимали и не поддерживали. Однако, именно большевики одержали победу, так как были единой сплоченной организацией [2, 36].

Боевые действия в регионе носили упорный и затяжной характер. На протяжении длительного времени ни одна из сторон не могла добиться решительного перевеса, что было продиктовано во многом индифферентностью основной массы горского населения к агитации большевиков и Добровольческой армии и уклонением от участия в боевых действиях. Большевики на подвластных им территориях проводили мобилизацию всадников в Красную армию, а неподчинившихся объявляли контрреволюционерами.

Чтобы утвердить на Северном Кавказе советскую власть и окончательно похоронить идею независимой Горской республики, большевики уже в ходе гражданской войны спешили предоставить горцам хоть какую-нибудь автономию в составе РСФСР. Через месяц после начала гражданской войны, 6 июля 1918 г. Чрезвычайный комиссар на Юге России Г. К. Орджоникидзе объявил о создании Северо-Кавказской Советской Республики [3, 193].

В ходе открытого вооруженного противостояния гражданской войны 23 июля 1918 г. во Владикавказе начал работу четвертый съезд горских народов, сыгравший важную роль в мобилизации горской бедноты на борьбу против «врагов» Советской власти. На этом съезде обсуждали и решение аграрного вопроса, который был ключом к сердцу горцев — земледельцев и пастухов. Беднота, поддержавшая власть Советов потребовала перераспределения земли и получила ее. Земли и пастбища помещиков и князей переходили в руки крестьян. Практические действия в решении земельного вопроса в пользу бедноты обеспечило большевикам поддержку большинства населения.

Решающую роль в победе Советской власти в кровопролитной гражданской войне, сыграло численное превосходство Красной Армии и революционных повстанческих отрядов в тылу белых войск, сказалась во многом и активная большевистская пропаганда по

разложению белогвардейских частей, вызывавшая массовое дезертирство солдат.

Советская власть заручилась поддержкой большинства населения в городах Северного Кавказа, где шел процесс формирования пролетариата, а также в районах преобладания русских крестьян. Прежде всего, это население Ростова, Екатеринодара, Новороссийска, Майкопа, Ставрополя, Владикавказа. В городах сосредоточена вся коммуникация и промышленная инфраструктура, что было тактическим преимуществом большевиков. В городах было значительное рабочее население и в отличие от сельской местности установление советской власти здесь, происходило более быстрыми темпами. В среде крестьянства этот процесс происходил намного сложнее. Им были свойственны определенные колебания, поэтому все усилия представителей партии большевиков были направлены на завоевание поддержки партии среди крестьянства и на пропаганду ее идей в сельской местности. Одним из решающих факторов победы в гражданской войне был «военно-политический союз рабочего класса и трудового крестьянства» [4, 38]. Именно из этих слоев вышли самые активные сторонники большевистской власти, не только разделявшие ее идеи, но и фанатично преданные ей, сражавшиеся за установление новой власти по всему Северному Кавказу. Примером этого может служить жизненный путь одного из организаторов и руководителей борьбы горцев за Советскую власть на Северном Кавказе — Б. Э. Калмыкова, выходца из крестьян, фанатичного, преданного новой власти, но до конца сохранившего свое собственное понимание ее сущности, целей и задач, понимание, характерное впрочем, для сознания самых широких масс населения края.

Существенную роль в регионе играл исламский фактор. На Северном Кавказе существовали политические и военные шариатские объединения, выступавшие против «неверных». Большевики, контактируя с мусульманским населением региона, проявляли показную доброжелательность в отношении ислама. Выделялись средства на работу шариатских отделов и судов при окружных народных советах. Окружные военно-революционные Советы были переименованы в военно-революционные шариатские Советы. Революционные отряды объединялись в шариатские полки [5, 348]. Политический альянс большевиков с провозглашенным в сентябре 1919 г. Северо-Кавказским эмиратом во главе с шейхом Узун-Хаджи, их подчеркнутое внимание к религиозным чувствам

горцев позволили им заключить временный союз с эмиратом против деникинской армии. Большевики вошли в состав его правительства, чтобы не допустить выступления эмирства против революционных сил. Так, министром внутренних дел Северо-Кавказского эмирства стал большевик, генерал-майор Хабала Бесланеев. Подобные действия убеждали мусульман в совместимости советской власти и ислама [6].

По мнению А. Х. Борова, политическая линия большевиков оказалась в наименьшей степени подверженной догматизму. Установление советской власти на Северном Кавказе вылилось в растянутый во времени поэтапный процесс не только в связи с оказанным ей сопротивлением и перипетиями гражданской войны. Большевики сумели учесть сложность обстановки и проводили здесь очень осторожную и гибкую политику, но не могли в силу определенных обстоятельств революционной обстановки установить здесь жесткий административный контроль силовым образом «сверху» [7, 92-93].

У А. И. Деникина сложился твердый взгляд на национальное, религиозное и культурное единство русского — российского народа. Игнорирование национального вопроса стало серьезным стратегическим просчетом с их стороны.

С захватом власти на Тереке в феврале 1919 г. генерал А. Деникин, под лозунгом «великой неделимой России» приступил к реставрации старых царских порядков [8, 341], с чем категорически не могли согласиться горские народы и особенно большевики. По мнению Н. И. Сухановой, деникинский режим натолкнулся на упорное сопротивление местного населения, и в 1919 г. в регионе сложился широкий фронт антиденикинских сил, выступавших на социальной, национальной и религиозной основе [9].

Сам А. Деникин, анализируя ошибки белого движения, одной из важнейших называет отсутствие сильного аппарата центральной власти, объединенного в своем составе единым пониманием задач, стоящих перед властью, единством методов действий. «Дело не в правой и левой политике, — считал А. Деникин, — а в том, что мы не справились с тылом» [10].

Жалованье в Добровольческой армии были мизерными, участники белого движения должны были выбирать «между героическим голоданием и денежными злоупотреблениями». Мероприятия, проводимые администрацией А. Деникина, были осложнены условия-

ми военного времени, что негативно сказывалось на их реализации. Реквизиции на нужды армии, мобилизация, различного рода налоги, вызывали недовольство значительной части населения белой властью [11, 110]. Грабежи стали повсеместным явлением. «О войсках, сформированных из горцев Кавказа, не хочется и говорить», — писал А. Деникин. Грабили казачьи части. Грабеж для них, по его мнению, был «исторической традицией» [12, 55].

Таким образом, деникинская политика восстановления «единой и неделимой России» и неприятия каких-либо форм автономии народов Северного Кавказа оказалась провальной и «нежизнеспособной», противоречащей «духу» революции. Все это лишило его поддержки местного населения и вследствие — поражение «на всех фронтах» гражданской войны на Северном Кавказе.

Еще одной из причин победы советской власти в гражданской войне стали неудачи формирования молодой Горской Республики (Республики Союза горцев Северного Кавказа и Дагестана), связанное главным образом с внешним противодействием ей Добровольческой армии. А. Деникин отказался признать Горское правительство и вести какие либо переговоры с ними. Пойдя на компромисс с казачеством для борьбы с общим врагом — большевиками, А. Деникин подчинил себе дополнительные вооруженные силы. Добровольческая армия вступив в начале февраля 1919 г. в пределы Горской Республики, Терскую область и Дагестан положила конец существованию здесь всех органов самоуправления. На политическое и военное поражение Горской Республики повлияло также, отсутствие поддержки со стороны Турции и Германии, которые обещали Горскому правительству военную помощь [13, 76-77]. Эти страны, поддерживая экономически и политически Добровольческую армию, по отношению к Горскому правительству, вели двусмысленную политику.

Сыграло свою отрицательную роль разобщенность в самом Горском правительстве из-за разных представлений о проблемах и задачах стоявших перед народами Северного Кавказа. Еще на втором горском съезде в сентябре 1917 г. в ауле Анди (Дагестан) между духовенством и интеллигенцией Горского правительства произошел раскол, вследствие серьезных противоречий в политических взглядах. Взгляды духовенства были устремлены на восстановление Северо-Кавказского имамата, интеллигенция выступила против установления на Северном Кавказе шариатского правления, выразив

приверженность светскому государству [14, 80]. А. Деникин в своих воспоминаниях пишет: «Тот разброд задач и целей, которые преследовали горские народы, лишал всякой почвы «союзное правительство» (имеется в виду Горское правительство). Совершенно чуждое одним (абхазцы и черкесы), враждебное другим (осетины), оно установило некоторую внешнюю связь с Ингушетией и Чечней, откуда изредка и случайно получались небольшие суммы на содержание самого правительства» [15].

Военно-политическому поражению Горского правительства способствовало отсутствие достаточных военных сил и финансовых средств, чтобы противостоять Красной армии и Добровольческой армии А. Деникина, не признавших ни статуса автономии горцев в составе России, ни их самостоятельности вне рамок Российского государства. Сыграло свою негативную роль и затягивание решения земельного вопроса, актуального для горской бедноты, а также условия анархий и хаоса, характерные для того переходного времени.

Таким образом, переплетение сложных политических, экономических, национальных и религиозных проблем стало важным фактором ограничившим возможности Горского правительства воздействовать на этнополитическую ситуацию в регионе.

Завершение гражданской войны и политическая победа партии большевиков явились теми знаковыми событиями, которые свидетельствовали о начавшемся процессе централизации во всех областях жизни советского общества. Не стало исключением в этом отношении и национально-государственное обустройство народов Северного Кавказа.

Таким образом, причинами победы Советской власти в гражданской войне были: во-первых, единство большевистской партии, практическое воплощение в жизнь октябрьских идейных установок уже в ходе гражданской войны, приспособленные к особенностям Северо-Кавказского региона; во-вторых, неприязнь горцев к главным врагам большевиков — белой армии А. Деникина, как к наследникам и продолжателям политики царской России; в-третьих, «политическая несостоятельность» Горского правительства, затягивание решений актуальных вопросов Северо-Кавказского социума.

Примечания

1. Щербинин С. А. Власть и население Северного Кавказа в период революции и гражданской войны (1917-1920 гг.). Электронный ресурс. URL: http://revolution.allbest.ru/history/00265079_0.html (дата обращения: 11.07.2013).

2. Чхеидзе К. А. Генерал Заур-бек Даутоков-Серебряков Гражданская война в Кабарде/Сост. Жанситов О. А. Нальчик: КБИГИ, 2008. 120 с.

3. Доклад Орджоникидзе на первом Северо-Кавказском съезде Советов об объединении всех областей Северного Кавказа в единую Северо-Кавказскую республику, 6 июля 1918 г. // Документы по истории борьбы за Советскую власть и образования автономии Кабардино-Балкарии (1917-1922 гг.)/Сост. Гугов Р. Х., Татарокова Л. Б. и др. Нальчик: Эльбрус, 1983. С. 193.

4. Воззвание Нальчикского Совета рабочих и солдатских депутатов, не позднее 20 июля (2 августа) 1917 г. // Документы по истории борьбы за Советскую власть и образования автономии Кабардино-Балкарии (1917-1922 гг.)/Сост. Гугов Р. Х., Татарокова Л. Б. и др. Нальчик: Эльбрус, 1983. С. 38.

5. Жанситов О. А. Гражданская война в Кабарде: национально-религиозный аспект/Актуальные проблемы истории и этнографии народов Кавказа: Сб. статей к 60-летию В. Х. Кажарова. Нальчик: КБИГИ, 2009. С. 347-357.

6. Мукожев А. Х. Ислам в новейшей истории кабардинцев. Ислам в Кабарде и Балкарии в период революционных событий 1917 года и Гражданской войны на Тереке // Архивы и общество. № 15. URL: http://archivesjournal.ru/?p=3221php (дата обращения: 12.03.2013).

7. Боров А. Х. Северный Кавказ в российском цивилизационном процессе (Проблема социально-культурного синтеза). Нальчик: Каб.-Балк. ун-т, 2007. 298 с.

8. Кокиев Г. А. Борьба кабардинской бедноты за Советскую власть (1917-1921 гг.). Нальчик: Эльбрус, 1946. 318 с.

9. Суханова Н. И. Гражданская война 1917-1920 гг. на Северном Кавказе: социально-политический аспект. Автореферат дис. Ставрополь: СГУ, 2004. URL:http://netess.ru/3istoriya/82184-1-grazhdanskaya-voyna-1917-1920 severnom-kavkaze-socialno-politicheskiy-aspekt.php (дата обращения: 10.10.2012).

10. Деникин А. И. Очерки Русской Смуты Т. 2. Борьба Генера-

ла Корнилова, август 1917 г. — апрель 1918 г. М.: Наука, 1991. URL: http://klib.ru/www.hist.msu.ru/mht (дата обращения: 10.03.2013).

11. Жанситов О. А. Антибольшевистское движение и деникинский режим в Кабарде и Балкарии (1917-1920 гг.). Нальчик: КБИГИ, 2009. 151 с.

12. История Дона и Северного Кавказа (1917-2000 гг.)/Под ред. Афанасенко В. И., Венков А. В. и др. Нальчик: Изд. Ростовского университета, 2004. 381 с.

13. Договор об установлении дружественных отношений между Императорским Германским правительством и правительством Горской Республики, не ранее 11 мая 1918 г. // Союз объединенных горцев Северного Кавказа и Дагестана (1917-1918 гг.) и Горская Республика (1918-1920 гг.) (Документы и материалы)/Сост. Г. И. Какагасанов, Л. Г. Каймаразов. Изд-е второе. Махачкала: ИИАЭ ДНЦ РАН, АЛЕФ, 2013. С. 76-77.

14. Даудов А. Х., Месхидзе Д. И. Национальная государственность горских народов Северного Кавказа (1917-1924 гг.). СПб.: Изд.-во С.-Петерб. ун-та, 2009. 224 с.

15. Деникин А. И. Очерки Русской Смуты Т. 2. Борьба Генерала Корнилова, август 1917 г. — апрель 1918 г. М.: Наука, 1991. URL: http://klib.ru/www.hist.msu.ru/mht (дата обращения: 10.03.2013).

А. А. ТАТАРОВ,
аспирант КБГУ им. Х. М. Бербекова
(г. Нальчик)

ГЕОГРАФИЧЕСКИЙ ФАКТОР В БИТВЕ ЗА КАВКАЗ В 1942 Г.: НА ПРИМЕРЕ КАБАРДИНО-БАЛКАРИИ И СЕВЕРНОЙ ОСЕТИИ

Статья рассматривает события битвы за Кавказ через призму влияния географического фактора на успех советской обороны речных рубежей, предгорной и горной местности Кабардино-Балкарии и Северной Осетии.

Ключевые слова: *географический фактор, терская оборонительная линия, оборона предгорий, горный фронт.*

The article considers the events of the Battle of the Caucasus through the prism of the impact of geographical factor on the success of the Soviet defense of river boundaries, foothill and mountain areas in Kabardino-Balkaria and North Ossetia.

Keywords: *geographical factor, the Terek defensive line, foothills' defense, mountain front.*

Победа СССР в Великой Отечественной войне основывалась на различных факторах. Немалое значение в успешных действиях Красной Армии приобрели географические и климатические условия боевой местности. В частности, не последнюю роль географический фактор сыграл в обороне предгорной и горной части Северного Кавказа в 1942 г. Однако, этот сюжет еще не являлся объектом отдельного изучения. В данной статье исследуется роль географического фактора в оборонительных боях Красной Армии в 1942 г. на примере Кабардино-Балкарии и Северной Осетии.

Конец лета 1942 г. стал настоящей катастрофой для войск Северо-Кавказского фронта. К числу причин, повлиявших на неудачу попытки наших войск сорвать прорыв противника вглубь Кавказа, относились как недостаточная готовность оборонительных рубежей, так и невыгодная для обороны местность на Дону и Кубани. В связи с таким положением дел вставал вопрос о скорейшем укреплении

терской оборонительной линии, последней на пути к главным нефтяным месторождениям Кавказа.

8 августа 1942 г. в оборону на реке Терек заняла Северная группа войск Закавказского фронта. Так как скорость продвижения вражеской армейской группы «А» на подступах к Кавказскому хребту значительно снизилась, наши войска, наконец, получили возможность позиционной обороны.

Кабардино-Балкария и Северная Осетия располагались на участке наступления 1-й танковой армии Э. фон Клейста. Обе республики, несмотря на относительно небольшую площадь, имели разнообразный ландшафт — от высокогорной местности, местами превышающей 5000 м над уровнем моря, до равнинных плоскостей. Через эту территорию протекали река Терек и ее крупные притоки — Малка, Баксан, Чегем в Кабардино-Балкарии и Урух, Ардон, Гизельдон в Северной Осетии.

Тактические и стратегические преимущества терской оборонительной линии признавалось и советскими, и немецкими военачальниками. И. В. Тюленев, командующий Закавказским фронтом в период битвы за Кавказ, вспоминал: «Занимая позиции за водной преградой — на южном берегу Терека, наши войска получили возможность вести наблюдение за действиями врага в долинах» [1, 34].

Бывший генерал-майор вермахта Г. Дерр отмечал в своих мемуарах, что с приближением немецко-фашистских войск к предгорьям Северного Кавказа, «*каждый шаг вперед проходил в борьбе не только с противником, но и с природой* (выделено нами — А. Т.). Сил немцев, которых было достаточно для преследования по широким, открытым степям, не хватало для наступления на противника, который за это время значительно усилился…и использовал благоприятные для него условия местности» [2, 53].

9 сентября 1942 г. командующий группы армии «А» генерал-фельдмаршал В. Лист был снят со своей должности. Не последнюю роль в этом решении сыграли неудачные попытки немецко-фашистских войск прорвать оборону 37-й и 9-й советских армий на речных рубежах Кабардино-Балкарии и Северной Осетии.

10 сентября 1942 г. ставка немецкого Верховного главнокомандования была вынуждена признать, что Терек, достигающий в районе боевых действий 500 м ширины и 2 м глубины, стал «серьезным препятствием, для преодоления которого требуется некоторый промежуток времени» [3, с. 109].

В своих мемуарах бывший работник структур третьего рейха П. Карель, рассуждая о причинах неудачи немецко-фашистского наступления на Кавказе, отмечал, что «Терек оказался весьма трудной для преодоления и хорошо укрепленной водной преградой» [4, 377].

По мнению С. И. Линца оборонительные сооружения, возведенные гражданами Дагестана, Кабардино-Балкарии, Северной Осетии и республик Закавказья в полосе ответственности Закавказского фронта, «были использованы, как показали последующие события, значительно эффективнее и с большей пользой, чем это имело место на Кубани и на Ставрополье. И проблема здесь заключается не в качестве или количестве построенных оборонительных линий, а в выборе нашим командованием реки Терек как наиболее благоприятного в военно-инженерном отношении рубежа для создания прочной обороны» [5, 52].

Е. Е. Мальцев, занимавший с августа 1942 г. должность члена Военного совета 47-й армии Закавказского фронта, вспоминал, что хотя «к началу боевых действий в предгорьях Кавказа, оборонительные сооружения еще не полностью обеспечивали войска, они все же в значительной мере способствовали тому, что усилиями частей и соединений фронта противник был остановлен» [6, 132].

Местность в предгорьях Северного Кавказа способствовала успешной обороне даже в условиях отсутствия искусственных защитных сооружений. В Кабардино-Балкарии передний край линии обороны 37-й армии в октябре 1942 г. на большинстве участков проходил по водным рубежам, которые уже сами по себе являлись серьезными противопехотными, а в некоторых местах и противотанковыми препятствиями [7, 37].

Поначалу специфические условия обстановки и особенности театра военных действий обусловили недостаточную целеустремленность использования инженерных сил. В ходе упорной практики недостатки в применении советских инженерных соединений и частей последовательно устранялись. Личный состав инженерных частей обогащался навыками вооруженной борьбы с сильным противником в сложных ландшафтных условиях [8, 137].

Положительный опыт обороны Северного Кавказа накапливался и для частей Красной армии, оборонявших предгорья Северного Кавказа. В частности, на рубеже августа-сентября 1942 г. частям 2-й гвардейской дивизии генерал-майора Ф. В. Захарова, входившей в

состав 37-й армии и занимавшей оборону на склонах высоты «910» у селения Кызбырун I (Баксанский район, Кабардино-Балкария), удалось сорвать намерение 2-й румынской горнострелковой дивизии генерал-майора Иона Думитраче захватить эту важную стратегическую точку. Успех румынской дивизии мог бы позволить немецко-фашистским войскам напрямую выйти к г. Нальчику и Баксанскому ущелью. Однако, после одиннадцать дней боев части Думитраче вынуждены были отступить, потеряв, согласно воспоминаниям Ф. В. Захарова, около 3500 солдат и офицеров [9, 60].

По румынским данным решение об отступлении было принято в связи с неудачей немецких частей в районе еще одной «природной крепости», Заюковских высот (Баксанский район), откуда исходила угроза непосредственного удара советских войск в тыл дивизии Думитраче [10].

Не менее ярким примером может служить оборона Эльхотовских ворот в Северной Осетии. Местные ландшафтные условия и трудовой героизм строителей оборонительных сооружений превратили этот стратегический проход в прекрасно укрепленный и неприступный для противника опорный пункт. Бывший начальник штаба инженерных войск Северо-Кавказского фронта Б. В. Баданин вспоминал: «Тысячи противотанковых мин, танковых ловушек и огневых фугасов, противотанковые рвы, полосы металлических ежей и проволочных заграждений в несколько рядов перегородили узкую долину…, зажатую двумя грядами гор, тянущихся с юга на север вдоль Терека. Установленные инженерными частями заграждения не позволили танкам противника с ходу прорваться через эту долину, затруднили им маневрирование на поле боя и в значительной степени облегчили нашим войскам борьбу с ними» [7, 35].

Отдельной страницей истории битвы за Кавказ является высокогорный фронт Северного Кавказа. Для региональных партийных органов и инженерных войск Закавказского фронта укрепление обороны горных ущелий и проходов являлось принципиально новым и исключительно сложными вызовом. Труднодоступность местности препятствовала подвозу инженерных средств, непривычные географические условия требовали принципиальных корректив оборонительной и наступательной тактики.

Учитывая тип местности, необходимо было передвигаться небольшими группами, использовать технику зигзагообразного передвижения, чтобы минимизировать убытки в случае схода лавины.

Гористая местность нередко блокировала радиосигналы и, следовательно, требовала более высокие навыки в обеспечении связи между войсками.

А. М. Гусев отмечал в своих мемуарах, что при обучении советских горных стрелков стрельба была одним из самых сложных упражнений, так как «в горах … под большим углом к горизонту траектория полета пули изменялась, становилась более пологой. Однако в наставлениях для стрельб об этом ничего не говорилось». Поэтому на сборах по горной подготовке для снайперских команд проводились специальные стрельбы с поправками углов до 90 градусов выше и ниже горизонта [11, 18].

С августа 1942 г. элитные немецкие части 49-го горнострелкового корпуса стремились преодолеть высокогорные перевалы Кабардино-Балкарии и Северной Осетии, а также Военно-Грузинскую и Военно-Осетинскую дороги. Хорошо обученный противник использовал богатый арсенал приемов: продвижение вперед небольшими самостоятельно действующими отрядами (взвод, рота, редко батальон); активная разведка на широком фронте; многоярусная и подковообразная оборона; продуманное оборудование огневых позиций на внешних скатах и т.д. [12, 208].

Первоначальные успехи немецких горных стрелков были сопряжены с тактическими просчетами советской обороны. По мнению А. А. Гречко, это стало результатом того, что некоторые наши командиры не придали «должного значения подготовке перевалов к обороне, считая Главный Кавказский хребет непреодолимой преградой для противника» [3, 137].

Постепенно, приобретая ценный опыт, тактические приемы и методы ведения боевых действий, советские части действовали все более успешно на горном фронте. Бывший командующий Закавказским фронтом И. В. Тюленев вспоминал: «Мы поняли, что успех наступления зависит от скрытности и внезапности действий, что в горных условиях удар надо наносить не в лоб, а в обход, и только там, где его меньше всего ожидает противник. Мы перестали верить в кажущуюся неприступность гор» [12, 209]. К декабрю 1942 г. части противника были вынуждены окончательно перейти к обороне.

Осенью 1942 г. предгорная и горная местность Северного Кавказа стала непреодолимым участком для немецко-фашистского наступления. Советские части, обороняя речные рубежи, стратегические высоты и проходы, горные ущелья и перевалы Кабардино-Балкарии

и Северной Осетии преуспели в адаптации к географии местности и использовании ее выгод. В ходе боевых действий на этой территории наши войска приобрели ценный военный опыт.

Примечания

1. Тюленев И. В. Крах операции «Эдельвейс». Орджоникидзе, 1975.

2. Дёрр Г. Поход на Сталинград. М., 1957.

3. Гречко А. А. Битва за Кавказ. М., 1967.

4. Карель П. Дорога в никуда: Вермахт и Восточный фронт в 1942 г. Смоленск, 2003.

5. Линец С. И. Северный Кавказ накануне и в период немецко-фашистской оккупации: Состояние и особенности развития, июль 1942 — октябрь 1943 г.: дис…. д-ра ист. наук. Пятигорск, 2003.

6. Мальцев Е. Е. В годы испытаний. М., 1979.

7. Баданин Б. В. На боевых рубежах Кавказа: Очерки по инженерному обеспечению битвы за Кавказ в Великой Отечественной войне. М., 1962.

8. Цирлин А. Д., Бирюков П. И., Истомин В. П., Федосеев Е. Н. Инженерные войска в боях за Советскую Родину. М., 1970.

9. Захаров Ф. В., Романов И. В. Плечом к плечу. Нальчик, 1962.

10. WorldWar2.ro. Romanian Armed Forces in the Second World War. The 3rd Army in the Caucasus — 1942. URL: http://www.worldwar2.ro/arr/?article=11 (Дата доступа — 2.04.14.)

11. Гусев А. М. Эльбрус в огне. М., 1980.

12. Тюленев И. В. Через три войны. М., 1972.

М. А. ТЕМИРАЕВА,
студентка СОГУ им. К. Л. Хетагурова
(г. Владикавказ)

РАБОТА ЭВАКОГОСПИТАЛЕЙ Г. ВЛАДИКАВКАЗА (ОРДЖОНИКИДЗЕ) В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

В статье рассматривается деятельность молодежи, комсомольцев по оказанию помощи в работе эвакогоспиталей, которые функционировали в городе Орджоникидзе (Владикавказе) в годы Великой Отечественной войны. На основе архивных материалов показаны основные направления деятельности молодежи в этой работе, трудности, с которыми пришлось столкнуться.

Ключевые слова: *комсомол, мобилизационный план, общественные организации, шефство, эвакогоспиталь.*

The article discusses the work of youth, Komsomol members to aid in the evacuation hospitals, which functioned in Ordzhonikidze (Vladikavkaz) in the great Patriotic war. On the basis of archival materials the basic directions of activity of youth in this work, the difficulties encountered.

Keywords: *komsomol, mobilization plan, public organizations, patronage, the evacuation hospital.*

Составной частью государственной политики в области здравоохранения в годы Великой Отечественной войны стало создание сети эвакогоспиталей (эвакуационный госпиталь — ЭГ, тыловые лечебные учреждения, созданные в годы Великой Отечественной войны для оказания квалифицированной и специализированной медицинской помощи раненым и больным, прибывающим с фронта, оказания первоочередной медицинской помощи рабочим крупных промышленных предприятий, дислоцировавшихся в городе, а также для оказания помощи женщинам, детям, инвалидам войны и труда) [1].

Начавшаяся война потребовала перестройки системы здравоохранения на нужды войны. Началось формирование тыловых эвакуационных госпиталей, основная масса которых была сформирована

органами НКЗ СССР. Районы размещения и коечная емкость определялись потребностями действующей армии, а также — ресурсами гражданского здравоохранения и возможностями материально-технической базы.

В годы Великой Отечественной войны вернулись в строй более 72% раненых и чуть более 90% больных. При этом, переходя на абсолютные величины санитарных потерь более 10 млн. человек было возвращено в строй из 14,5 млн. Таких успехов ни одна из воюющих стран Второй мировой войны не знала, главным образом, данная ситуация была достигнута путем неимоверного труда работников советского гражданского здравоохранения.

На фронтах Второй мировой войны, главным образом, на советско-германском, каждые сутки выбывало из строя более 20 тысяч человек, при этом среднесуточные людские потери наблюдались в летне-осенних кампаниях 1941 года (24 тыс.). Однако если бы не усилия военного и гражданского здравоохранения Советского Союза потери были бы еще больше.

Каждый эвакуационный госпиталь состоял из управления, лечебно-диагностических отделений, аптеки, подразделений обслуживания и материального обеспечения. Важнейшими задачами эвакуационного госпиталя были приём, размещение, специальная (санитарная) обработка раненых и больных; оказание им специализированной медицинской помощи и последующее их лечение; медицинская сортировка, подготовка к эвакуации раненых и больных, требующих долгосрочного специализированного лечения [2].

Уже в начальный период войны в Северной Осетии была развернута крупная сеть эвакогоспиталей. Подавляющее их большинство в 1941-1945 гг. было сосредоточено в г. Орджоникидзе. В основе организации лечебной работы тыловых эвакогоспиталей, в том числе размещенных в г. Орджоникидзе, лежали принципы комплексного лечения, т. е. динамического объединения вспомогательных лечебных средств и приемов (трудотерапии, механотерапии, аэротерапии, талассотерапии, лечебного питания, лечебной физкультуры и т. д.) с элементами хирургического или медикаментозного специфического вмешательства [3].

Во время войны г. Орджоникидзе (Владикавказ) был крупной госпитальной базой. В Постановлении СНК СОАССР от 13 октября 1941 г. для организации госпитальной базы в Северной Осетии были определены следующие меры: «1. Утвердить республикан-

ский комитет помощи по обслуживанию больных и раненых бойцов и командиров Красной Армии; 2. Возложить на комитет помощи: а) организацию широкой общественной помощи органам здравоохранения в деле обслуживания больных и раненных бойцов и командиров; б) организовать шефство предприятий, учреждений над госпиталями; в) оказание помощи органам здравоохранения в приеме на вокзале прибывающих в госпитали больных и раненых» [8]. Был организован отдел по руководству эвакуированными в республику. Начальником отдела была назначена В. В. Епхиева [7].

В первый месяц Великой Отечественной войны в городе было развернуто два госпиталя Народного комиссариата здравоохранения (первой очереди): госпиталь №1620 (начальник госпиталя Езеев А. А.) и №1621 (начальник госпиталя Миронович В. В.). Госпиталь №1620 (общехирургический) был рассчитан на 500 коек и госпиталь 31621 (100 коек — инфекционных и 200 коек — общехирургических) — на 200 коек. Для этих госпиталей, создание которых было предусмотрено мобилизационным планом, городской и районные комитеты партии совместно с советами народных депутатов выделяли лучшие здания, которые соответствовали необходимым требованиям. Но в результате бомбежек города в 1942 г., например, здание госпиталя №1620 было разрушено и пришлось госпиталь передислоцировать [11].

Развернувшиеся военные действия на обширном фронте вскоре потребовали значительного увеличения госпитальной базы.Во второй половине 1941 г. в Северной Осетии было развернута работа по формированию госпиталей второй очереди еще на 3000 коек, а в апреле 1942 г. госпиталей третьей очереди тоже на 3000 коек. С развертыванием битвы за Кавказ к ним добавилось значительное количество армейских и полевых подвижных госпиталей [5].

При этом молодежь делала многое для того, чтобы создать наилучшие условия для лечения и отдыха раненых воинов, чтобы обеспечить скорейшее их выздоровление и возвращение в строй действующей армии [4].

Развертывание новых формирований проходило за счет увеличения количества коек действующих госпиталей, а также за счет вновь формируемых госпиталей и передислоцированных госпиталей.

Таким образом, госпитальная сеть Наркомздрава республики в первой половине 1942 уже имела 13 госпиталей со штатной числен-

ностью коек 6700. Кроме того, в г. Орджоникидзе был развернут госпиталь ВЦСПС №4129 с количеством коек 150 на базе дома отдыха ЦК Союза полиметаллической промышленности и 2 госпиталя НКО: №376 (гарнизонный) на 300 коек и №377 — на 500 коек, выполнявший функции сортировочного госпиталя [6].

В трудной работе госпиталям неоценимую помощь оказывали комсомольцы и несоюзная молодежь. В конце июля 1941 г. согласно постановлению ЦК ВЛКСМ в краях, областях и республиках Северного Кавказа были собраны пункты, предназначенные для остановки эшелонов с ранеными бойцами и командирами, комсомольские санитарные дружины. В них отбирали комсомольцев, имеющих навыки организаторской работы и подготовленных в медицинском отношении. Комсомольские дружины разбивались на три отряда, которые поочередно дежурили в пунктах остановки эшелонов с ранеными воинами. Члены комсомольских санитарных дружин, выполняя свою работу во внеурочное время на общественных началах, оказывали помощь медицинским работникам в обслуживании раненых, организации их питания, раздаче подарков, проведении культурно-массовых мероприятий.

С началом Великой Отечественной войны общественные организации г.Орджоникидзе развернули всестороннюю помощь раненым красноармейцам, включающую оборудование и материальное обеспечение госпиталей; партийно-политическую работу в них; 3) культурно-воспитательные мероприятия среди раненых воинов.

Силами комсомольцев и молодежи велась большая культурно-просветительская работа среди раненых фронтовиков. В Северной Осетии в эвакогоспитале №1620 с 1941 по 1945 гг. было прочитано 875 лекций, 520 докладов, проведено 2196 бесед, 2378 информаций, 39 митингов. В этой работе госпиталю много помогали музей им. С.М. Кирова, студенты госпедуниверситета, Дом Красной Армии. Библиотека госпиталя зафиксировала в своей картотеке 19495 читателей и 40136 прочитанных ими книг. За эти годы в госпитале состоялся 2321 киносеанс, причем 1389 — в палатках для лежачих больных. 299 концертов провели здесь артисты Госэстрады, шефы организовали 131 концерт и 127 вечеров самодеятельности провел сам госпиталь [12].

По мере отступления линии фронта на запад функционирование многих госпиталей стало ненужным и в 1944 г. госпиталь №1621 из эвакогоспиталя превратился в гарнизонный, а 9 августа 1945 г. го-

спиталь №1620 был расформирован. Так как война нанесла множество незаживающих ран, в том числе сделала инвалидами многих фронтовиков (только по городу их число равнялось 323, по республике — 759) примерно 35% их нуждались в госпитальном лечении, в 1946 г. на его базе был создан госпиталь инвалидов Великой Отечественной войны на 200 коек [9].

Значительную помощь ранбольным оказали комсомольские и пионерские организации. Учащиеся городских школ за годы войны дали свыше 3 тыс. концертов художественной самодеятельности в госпиталях, собрали 175 тонн дикорастущей зелени, 15 тонн ягод и 400 кг грибов. В Северной Осетии для госпиталей в 1941-1945 гг. было собрано 4 тонны шиповника, 2 тонны горицвета, 2 валерьянового корня [10]. Широкий размах приобрело культурное шефство. Например, Орджоникидзевская шефская комиссия организовала в 1942 г. 48 концертных бригад, которые выступали в клубах, красных уголках и в палатах тяжелораненых. При помощи шефствующих организаций в госпиталях в военные годы образовали до 30 драматических, художественных и музыкальных кружков. Силами художественной самодеятельности в 1941-1945 гг. провели 7465 выступлений. Актеры драмтеатра, Дома Красной Армии, дали за годы войны 77 концертов и 22 спектакля для раненых солдат и офицеров [8].

Проводили читки газет и книг, пересказывали содержание сообщений Совинформбюро Выполняя постановление ЦК ВКП (б) от 12 января 1942 года «О партийно- политической работе в госпиталях Наркомздрава СССР», партийные организации выделили из числа наиболее подготовленных командиров и комиссаров пропагандистов, агитаторов докладчиков, создали бригады художественной самодеятельности. Агитаторы и других важнейших материалов, беседовали с ранеными, помогали им писать письма родным и товарищам на фронт.

В 1941-1944 гг. комсомольцы и молодежь области собрали и передали раненым более 5 тысячи подарков и 5 тысяч книг [6].

Подводя итоги, мы говорим о том, что в условиях острой нехватки кадров важно было рационально распорядиться имевшимися людскими ресурсами. При этом, молодежь, как специфическая социально-демографическая группа в условиях военного времени была одной из самых подвижных слоев общества, которая способна была восполнить ряды людских ресурсов. Их массовое участие в сборе для военных медицинских учреждений различного инвен-

таря способствовало ускорению открытия на местах госпиталей, более успешной их работе. Значительную помощь они оказывали на добровольных началах по уходу за ранеными и больными. У постелей больных в годы войны ежедневно дежурили комсомольцы и молодежь, главным образом девушки. Это не только помогало решить проблему кадров младших медицинских работников, но и способствовало высвобождению для фронта значительной части медицинского персонала.

Примечания

1. Большой медицинский словарь. М., 2000.
2. Советская военная энциклопедия: в 8 т. 2-е изд. М.: Воениздат, 1990.
3. Ростоцкий И. Б. Тыловые эвакогоспитали. М., 1967.
4. Магометов А. А. Разгром немцев под Владикавказом. Владикавказ, 2008.
5. Салбиева С. З. Здравоохранение республик Северного Кавказа в годы Великой Отечественной войны 1941-1945 гг. Автореф. дисс… канд. ист. наук. М., 2009.
6. Хубулова С. А., Хаблиева Л. Ч., Батыров А. Е. Орджоникидзевский (Владикавказский) комитет обороны. 1941-1944 гг. Владикавказ, 2012.
7. ЦГА РСО-А. Ф.1. Оп.1. Д. 6. Л.9.
8. ЦГА РСО-А. ФР. 580. Оп.1. Д. 2. Л. 30.
9. ЦГА РСО-А. ФР. 580. Оп.1. Д. 79. Л. 32.
10. ЦГА РСО-А. ФР. 580. Оп.1. Д. 83. Л. 11.
11. ЦГА РСО-А. ФР. 580. Оп.1. Д. 83. Л. 2-13.
12. ЦГА РСО-А. ФР.580. Оп. 1. Д. 86. Л. 56.

А. С. ХАЛИЛОВА,
кин ИИАЭ ДНЦ РАН
(г. Махачкала)

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ СОЮЗА СОВЕТСКИХ ОБЩЕСТВ ДРУЖБЫ И КУЛЬТУРНЫХ СВЯЗЕЙ С ЗАРУБЕЖНЫМИ СТРАНАМИ В 1960-1980 ГОДАХ: РЕГИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ (НА МАТЕРИАЛАХ РЕСПУБЛИКИ ДАГЕСТАН)

В статье на основе архивных данных, материалов периодической печати и сходных научных исследований впервые сделана попытка проследить деятельность советских обществ дружбы и культурных связей с зарубежными странами на территории Дагестана в 60-80-е годы XX века. Дана краткая характеристика основных вех исторического развития и формирования правовых основ деятельности ССОД в целом, выявлены региональные особенности. Также выделены характерные черты взаимодействия союзов СОД с республиканскими органами власти в процессе «обмена делегациями» и деятельности клубов интернациональной дружбы.

Ключевые слова и фразы: *общества дружбы, взаимодействие, Дагестан, зарубежные страны, культурные связи, туризм.*

The article based on of archival data, periodical materials and analogous research is made first attempt to trace the activities of Soviet Societies for Friendship and Cultural Relations with Foreign Countries in Dagestan in the 60-80 years of the twentieth century. Main milestones of the historical development and the formations of the legal framework for the USSF in general are briefly characterized, and regional features are revealed. Also allocated the characteristics of the interaction the USSF with the republican authorities in the process of «the exchange of delegations» and activity clubs of international friendship.

Key words and phrases: *Society of Friendship, interaction, Dagestan, foreign countries, cultural relations and tourism.*

В современный период, характеризующийся существенными изменениями в политическом и дипломатическом положении Российской Федерации, как и других стран мира, в том числе сменой направления ее взаимодействия с зарубежными странами, особую роль приобретает изучение исторического опыта формирования международных связей государства в целом, и каждого из

его регионов в частности. Особенностью современной ситуации в Дагестане стало то, что являясь важнейшим транспортным коридором — республика фактически превратилась в форпост России при взаимодействии со странами ближнего и дальнего зарубежья в этом регионе. Она уже более 20 лет в рамках деятельности Минната РД поддерживает различные направления сотрудничества со странами Каспийского бассейна, Большого Кавказа и Передней Азии. Постпреды Дагестана активно развивают взаимодействие в области науки и техники, расширяют контакты и партнерские связи между научно-исследовательскими организациями республики и сопредельных государств. Расширению обменов между жителями этих регионов способствуют и различные общественные организации Дагестана и дагестанских диаспор в зарубежных странах, благодаря которым сотрудничество приобретает так называемое «человеческое измерение». Дружественные связи дают возможность приблизить друг к другу потенциальных партнеров, ускорить проработку совместных проектов, эффективнее мобилизовать совместный потенциал, что в перспективе приведет к взаимовыгодному сотрудничеству и привлечению иностранных инвестиций в экономику Дагестана.

Повышает актуальность исследования постулат о необходимости формирования и развития институтов гражданского общества, выдвинутый Президентом РФ В. В. Путиным и ежегодно озвучиваемый им в посланиях к Федеральному собранию РФ [1, 5.]. Это придает изучению и обобщению опыта народной дипломатии, который аккумулировался в СССР в рамках деятельности ССОД, особенное значение и представляет значительный практический интерес для объединений современного периода. Так как многие достижения ССОД 1960-1980-е гг. постоянно расширявшего сеть общественных организаций дружбы и культурной связи с зарубежными странами, которые не только должны были подготовить «общественное мнение», духовно сблизить народы стран-партнеров, но сформировать проверенные практикой формы и методы совместной деятельности, в сложный постперестроечный период были позабыты.

Высокая степень новизны исследования вытекает из того, что на сегодняшний день учеными РД не было подготовлено ни одного научного труда раскрывающего данную тематику. Что делает данное исследование первой попыткой проанализировать деятельность Дагестана в рамках ССОД в 60-80-е годы XX века, объединявшего в

себе работу различных обществ дружбы, профессиональных ассоциаций, секции деятелей науки и культуры, молодежные организации, представителей советских городов, осуществлявших связи с зарубежными странам, практически реализовывавшего идеи КПСС и государственного руководства на местах.

Говоря о возникновении Союза советских обществ дружбы и культурных связей с зарубежными странами следует начать с небольшого исторического экскурса. Конечно, середина XX века не является отправной точкой идеи о международном научно-культурном сотрудничестве России с другими странами. Его предтечей было образованное в 1925 году Всесоюзное общество культурных связей с заграницей, предлагавшее достаточно широкое видовое разнообразие отношений между народами стран-партнеров [2, 6]. Однако, международная напряженность, возникшая в 30-е годы XX века, а затем и II Мировая война затормозили развитие официальных контактов между странами. В тоже время в 1940-1945 годах как проявление солидарности с советским народом в его борьбе против германского нацизма постепенно стали возникать общества друзей СССР. В 1941 г. они появились в Ливане, Сирии, Новой Зеландии, Австралии, Чили, Индии [1, 30]. В 1942 году в Мексике было создано общество «Друзья сражающегося Советского Союза» [3]. Через эти общества в СССР поступали медикаменты, оборудование для госпиталей, другая помощь, приобретенная на средства сочувствующей зарубежной общественности. К 1957 г. общества дружбы действовали уже в 47 странах мира. В ответ на инициативы зарубежной общественности в Советском Союзе также создавались общества дружбы. К концу 50-х годов XX века были организованы СОД с Китаем, Чехословакией, Германией, Польшей, Финляндией, Италией, Индией. Массовое возникновение обществ привело к их объединению в 1958 году в Союз советских обществ дружбы и культурных связей с зарубежными странами [4, 250].

Организационно союз был оформлен в виде добровольного объединения обществ, ассоциаций, институтов, комитетов дружбы и культурной связи с отдельными странами, республиканских обществ культурной связи с заграницей и секции по различным отраслям советской культуры, науки и техники. Высшим органом Союза… являлась Всесоюзная конференция, которая созывалась раз в пять-семь лет и за время деятельности союза была созвана трижды. На время между созывами конференций руководящим органом

Союза считался Совет союза, а исполнительную функцию выполнял его Президиум. На своей первой конференции, проходившей в 1958 году в Москве Союз СОД поручил Совету организовать в Москве Дом дружбы с народами зарубежных стран, который должен был явиться базой для деятельности советских обществ дружбы.

Основополагающей причиной для возникновения ССОД стали, конечно же, изменения в социально-политическом положении страны, так называемая «оттепель». В этот период в основу политики СССР был заложен принцип мирного сосуществования государств с различным общественным строем. В связи с чем, в последней четверти XX века в Советский Союз устремились многочисленные западные туристы, ученые, деятели культуры, укреплявшие и расширявшие связи между советскими людьми и народами зарубежья. Увеличивалось число поездок из СССР за рубеж, хотя, в основном, это были сотрудники дипломатических служб, журналисты, ученые, гораздо реже деловые люди и туристы. Вплоть до 1986 года основная роль по пропаганде мира во всем мире в Союзе принадлежала именно ССОД, имевшему специальную международную направленность. Так в приветствии генсека ЦК КПСС II Всесоюзной конференции ССОД говорится о том, что Союз «призван способствовать осуществлению принципа мирного сосуществования государств с различным общественным строем, расширению взаимопонимания и сотрудничества советского народа с народами всех континентов земного шара» [5]. Однако, не следует полагать, что деятельность обществ дружбы была абсолютно самостоятельной. Международные связи советских общественных организаций, по сути, предопределялись целями внешней политики СССР. В их деятельности ключевым было политическое содержание, реализуемое на международной арене. Как отмечалось в документах того периода: «В социалистическом обществе не может быть организации, которая бы не имела частично или полностью, в том или ином отношении политического содержания, политической стороны, или грани» [6, 154] …«наши общественные организации составляют неотъемлемую часть советской политической системы и являются одним из важных каналов участия граждан в управлении делами общества» [7, 109]. КПСС не только нацеливала деятельность ССОД, но и обеспечивала активное участие в его работе государственных организаций, средств массовой информации, привлекала многие общественные орга-

низации страны. В то же время, руководящая роль партии в данном случае не привела к полной подмене ею массовых организаций. Все вопросы, связанные с формами и методами своей работы, организационным устройством и течением внутренней жизни в ССОД решали преимущественно самостоятельно. Единственным условием было — не противоречить общей концепции интернациональной работы в стране.

Что касается регионального уровня, то здесь, как и в большинстве других случаев, методы интернациональной работы в значительной степени копировали деятельность центрального руководства. Основная работа на местах проводилась в рамках первичных партийных коллективов, существовавших на всех организациях, предприятиях и учреждениях республики. и роль их была весьма значительной. Ограниченные рамками трудового коллектива, они все же имели возможность вмешиваться во все сферы жизни каждого человека. Устанавливая прямые связи со своими коллегами из братских стран, они организовывали обмен делегациями, знакомились с производственными успехами друг друга, делились опытом коммунистического и социалистического строительства. Уточним лишь то, что устанавливались подобные связи все же «по разнарядке» сверху [1, 35]

Характер деятельности коллективных членов предполагал широкое участие в их работе профсоюзных и комсомольских организаций, активное использование средств массовой информации и культурно-просветительских учреждений (многотиражной и стенной печати, местного радио, библиотек, домов культуры, музеев и т.д.). В целом, региональные первичные организации по видам деятельности в рамках обществ дружбы можно разделить на 4 группы: 1) партячейки промышленных предприятий, 2) парторги учреждений, в том числе науки и культуры, 3) комсомольские и пионерские отряды учебных заведений, 4) партотделы совхозов и колхозов. Отметим, что полное раскрытие их роли и участия в деятельности ССОД на сегодня представляет собой большую трудность вследствие отсутствия единого учета их интернациональной деятельности, а также многочисленности коллективных членов. Например, в составе обществ дружбы, осуществлявших свою деятельность на территории Дагестана в начале 1970-х гг. находилось примерно 120 первичных организаций, а к середине 1980-х гг. уже около 300.

Основные цели первичных организаций состояли в следующем: «Советские общества дружбы и культурной связи с зарубежными странами призваны осуществлять благородные задачи: укрепления дружбы, взаимопонимания, доверия и культурного сотрудничества народов СССР со всеми народами мира путем взаимного ознакомления с историей, экономикой, культурой, наукой, жизнью и бытом, установления тесных контактов между представителями широких общественных кругов и обмена опытом в различных областях творческой деятельности народов» [8, л.6]. С одной стороны, этот декларативный лозунг являлся основой для проведения работы по развитию международных связей, подготовке общественного мнения к отношениям с другими народами, идеологической «обработке» населения в соответствии с задачами и концепцией внешнеполитического курса партии, с другой — именно через общества дружбы партия стремилась контролировать и направлять в нужное ей русло развитие международных связей, пресекать появление мнений и позиций, противоречащих партийной идеологии.

В целом, к концу 50-х — началу 60-х годов XX века международные связи дагестанцев постепенно расширялись, а к началу 1970-х годов уже можно было смело говорить о налаженной сети международных контактов. Являясь одним из интересных с историко-культурной точки зрения регионов страны, Дагестан стал местом для туристических поездок делегаций журналистов, культурной и научной интеллигенции зарубежных стран. Это послужило стимулом для расширения деятельности в Дагестане целого ряда отделений обществ дружбы. Так, в 60-е годы XX века в республике действовали общества: советско-чехословацкой, советско-болгарской, советско-индийской и советско-венгерской дружбы. Спустя 10 лет география обществ значительно расширилась. В число СОД действовавших в ДАССР также вошли общества дружбы с ГДР, советско-арабской дружбы, советско-йеменской дружбы (с народной демократической республикой Йемен), общество дружбы со странами Африки.

Вся деятельность отделений ССОД в Дагестане, осуществлялась в соответствии с его уставом, в рамках которой они координировали работу членов обществ дружбы и культурной связи с отдельными странами, направленную на укрепление связей дагестанской общественности с общественными и культурными организациями, отдельными деятелями зарубежных стран, а также содействовали

в ознакомлении общественности республики с жизнью, трудом, экономикой и культурой зарубежных стран. Основными задачами, которые стояли перед дагестанскими членами ССОД являлись: координация деятельности обществ дружбы и других организаций, участвующих в развитии народной дипломатии; поддержка демократического движения общественности ДАССР в процессе формирования и реализации внешнеполитического курса советского государства; углубление сотрудничества с зарубежными обществами дружбы; поиск новых форм общественных международных связей для укрепления взаимопонимания и доверия между народами; содействие широкому информационному обмену с зарубежной общественностью; ознакомление жителей республики с историей, культурой и жизнью зарубежных стран, а жителей зарубежья с историей и культурой Дагестана. Помимо этого они (члены СОД в ДАССР) работали в тесном контакте с советскими органами, реализовывавшими связи и отношения между породненными городами и районами ДАССР и зарубежных стран.

У истоков организации деятельности в Дагестане советских обществ дружбы и культурных связей с зарубежными странами стояли выдающиеся люди республики: Р. Г. Гамзатов, Ф. Г. Алиева, А. А. Абилов, А. О. Османов, С. Ш. Гаджиева и др. Неслучайно именно представители культурной и интеллектуальной элиты возглавили это направление. Они, с одной стороны, имея активную жизненную позицию, быстрее реагировали на вызов времени, с другой, — обладая высоким общественным авторитетом, становились лидерами движения за мир и дружбу.

К 1970 году ССОД в ДАССР осуществляло 4 вида деятельности: лекционной пропаганды, культурно-массовой работы, школьных и молодежных контактов и изучения иностранных языков. Так, лекционная и культурно-пропагандистская работа проводилась совместно с дагестанским отделением общества «Знание» и культотделами городов и районов республики. В частности во время лекций по странам Азии, Африки и Латинской Америки, ССОД в Дагестане проводили не только пропаганду успехов советского народа, но и обращали особое внимание на роль Советского Союза в освобождении трудящихся этих стран от колониального гнета, в завоевании национальной свободы, в защите и укреплении их политической и экономической независимости на активизацию работы по интернациональному воспитанию населения. Также проводились лек-

ции по ознакомлению дагестанцев с жизнью, историей, культурой, революционной и освободительной борьбой зарубежных стран. В работе с социалистическими странами основной перевес членами ССОД делался на осуществление непосредственных контактов с обществами дружбы в этих странах, оказание им всесторонней помощи в работе по пропаганде успехов коммунистического строительства в СССР, идей дружбы, сотрудничества и сплочения стран социалистического лагеря.

В исследуемый период достаточно большие усилия СОД также направлялись на усиление информационно-пропагандистской работы среди зарубежных делегаций, туристов, принимавшихся в республике, иностранных граждан, обучавшихся в вузах ДАССР в целях донесения до них политики КПСС и государства, направленной на укрепление мира, взаимопонимания, сотрудничества и безопасности народов во всем мире, а также всесторонний показ экономических, научно-технических и культурных достижений советских людей, и в особенности жителей Дагестана.

В своей работе с представителями зарубежных стран дагестанское руководство опиралось на отделения обществ дружбы, действовавших в республике и широкий круг общественности: актив трудящихся предприятий, ученых, творческую интеллигенцию и учащуюся молодежь. Активисты знакомили представителей зарубежных стран с внутренней и внешней политикой государства, советским образом жизни, задачами и перспективами развития страны, достижениями трудящихся Дагестана, самобытной культурой и искусством его народов. За активную и плодотворную работу по укреплению мира и дружбы между народами многие активисты и коллективные члены отделений обществ дружбы были награждены Почетными грамотами президиума ССОД. Первыми высшей награды — Почетного знака ССОД «За вклад в дело дружбы» — за многолетнюю работу были удостоены: известные поэты Дагестана Р. Г. Гамзатов, Ф. Г. Алиева и ректор ДГМИ [9, л.11]. На состоявшемся в 1971 г. пленуме Дагобкома КПСС в докладе I секретаря М.-С. И. Умаханова впервые было уделено внимание работе обществ дружбы в Дагестане и подчеркнута их роль в борьбе партии за мир и безопасность народов [9, л.45]. Было указано на расширившиеся возможности политического влияния на членов делегаций и туристских групп, в связи с их деятельностью. Актив отделений обществ дружбы организовывал в республике ежегодно около двухсот различных меро-

приятий, в которых участвовало по нескольку тысяч человек, в том числе и иностранцев. Подключались к ним в этой работе и отделение ВАО «Интурист», республиканский Совет профсоюзов, дагестанский Комитет защиты мира, республиканское отделение содействия Советскому фонду мира, представители бюро международного молодежного туризма (БММТ) «Спутник», дома пионеров, научно-исследовательские институты, городской отдел по работе с иностранными учащимися, комитет по физкультуре и спорту и другие. Конечно, эта работа была не так хорошо организована и скоординирована, как в областях, где были организованы собственно Дома дружбы с зарубежными странами (Москва, Ленинград, Иркутск), но все же ее уровень был достаточно высок.

Как уже упоминалось, дагестанские представители обществ дружбы тесно сотрудничали с другими общественными организациями. Так, Даготделение общества «Знание», снабжало их текстами лекций и докладов. В работе с иностранными делегациями и туристскими группами, приезжавшими в Дагестан, большую помощь оказывали факультеты иностранных языков ДГПИ и ДГУ, выделявшие переводчиков и проводившие различные мероприятия среди иностранных гостей. Комплектацией групп туристов, ехавших за границу из числа активистов, занимался республиканский Совет профсоюзов. Мероприятия, направленные на укрепление мира, сотрудничества и безопасности народов, осуществлялись совместно с республиканским областным Комитетом защиты мира, бессменным руководителем которого долгие годы оставалась Фазу Гамзатовна Алиева.

Используя средства массовой информации, представители обществ дружбы знакомили общественность городов и районов ДАССР со своей текущей работой. Освещали в печати пребывание в Дагестане делегаций и значительных туристских групп. Проводили пресс-конференции для корреспондентов центральной и районной республиканской прессы, пользуясь пребыванием в республике видных деятелей, ученых, писателей, режиссеров. В местных газетах: «Дагестанская правда», «Дербентские известия», «Кизлярская правда», «Дербент», «Красное знамя» и др. ежегодно публиковалось около ста-двухсот статей, очерков и информаций, связанных с деятельностью первичных организаций обществ дружбы, пребыванием иностранных делегаций и отдельных граждан. Все это расширяло кругозор дагестанцев, углубляло природное уважение к другим

народам, приобщало к интернационализму на вполне конкретном материале.

На основе фотоинформации Агентства печати и новостей, материалов дагестанских представителей ССОД, руководством столицы, дирекцией музея ИЗО, библиотеками организовывались фотовитрины, посвященные интернациональным связям дагестанцев с зарубежными странами. В целях облегчения адаптации в республике при ДГУ, ДГПИ и ДГМИ создавались подготовительные курсы для зарубежных студентов, желающих получить образование в стенах вузов республики. Также для них было организовано отдельное общежитие.

Для представителей зарубежных стран активисты также организовывали вечера дружбы, встречи по интересам, лекции и беседы, дискуссии и встречи за «круглым столом», просмотры кинофильмов о советском образе жизни, показы отдельных индустриальных и сельскохозяйственных объектов и другие мероприятия. Постоянно осуществлялся обмен литературой, информацией, художественными коллективами, фильмами.

Целям интернационального воспитания жителей республики служили разнообразные формы ознакомления их с историей, культурой, современной жизнью зарубежных стран. Традиционными стали месячники, декады, недели, вечера дружбы, посвященные памятным и юбилейным датам зарубежных стран, важным общественно-политическим и культурным событиям. Во время месячников, декад, дней дружбы в республике проводились торжественных собрания с участием представителей зарубежной общественности, митинги, лекции и беседы о зарубежных странах, научнопрактические конференций по общественно-политическим вопросам, различные выставки, изредка выступления зарубежных художественных коллективов, чаще кинопросмотры зарубежных фильмов, проведение викторин, международных спортивных соревнований. Дагестанские активисты ССОД постоянно использовали СМИ, выступали по радио и телевидению с информацией о международных связях ДАССР, делились своими впечатлениями о поездках в зарубежные страны. Одним из важных аспектов деятельности ССОД являлась работа по постоянному вовлечению в свой состав новых первичных членов.

Рассматривая деятельность организаций дружбы, необходимо отметить и некоторые недостатки, а также резервы и неиспользо-

ванные возможности в работе ССОД. Так, в Дагестане были слабо развиты связи с советскими культурными центрами и Домами советской науки и культуры за рубежом, что не позволяло эффективнее использовать эти каналы. Недостаточно изучалась эффективность использования направляемых за рубеж информационных материалов (выставок, фильмов и т.д.). Была ограничена тематика лекций, читаемых для иностранцев. Это происходило потому, что не каждый ученый, специалист соглашался читать лекции на иностранном языке и мог участвовать в дискуссиях, которые часто стихийно возникали после прочтения лекции. Не всегда закреплялись контакты, установившиеся в результате работы, проведенной республике с членами зарубежных делегаций и туристских групп, а также контакты, установленные выезжавшими за рубеж активистами. Кроме того, не все первичные организации ССОД, действовавшие в республике работали активно, иногда проявлялся формализм. Слабо привлекались к интернациональной работе и рабочие коллективы промышленных предприятий и учреждений, а в ряде случаев при отсутствии к ним постоянного внимания бездействовали.

Таким образом, в 1960-1980-е гг. общества дружбы с народами зарубежных стран в Дагестане проводили активную работу по развитию добрососедских связей ДАССР с народами зарубежных государств. Их деятельность осуществлялась в соответствии со спецификой страны и возможностями партнеров и имела сложную идеологическую основу. Соответственно, не всегда удавалось воплощать на практике лозунг о «расширении добрососедских связей». В целом, СОД, явившись ответом на вызов времени, вполне справлялись с возложенными на них задачами. Однако, перемены в стране, связанные с «перестройкой» привели к переходу СОД на новый этап развития, в корне изменив основу для их деятельности.

Примечания

1. Чижикова О.В. Деятельность советских обществ дружбы и культурной связи со странами Азии в 60-80-е гг. XX века (на материалах Приангарья). Дис.канд.ист.наук. Братск, 2009.

2. Гриднев Ю.А. Всесоюзное общество культурной связи с заграницей:1925-1929 гг. Дис.канд.ист.наук. М., 2006.

3. Историческая справка [электронный ресурс]// Официальный сайт «Россотрудничество»/URL: http://www.russiefrance.org/ru/nous/historique.html (дата обращения 12.07.2014.)

4. Сааков Р. Р. Союз советских обществ дружбы и культурной связи с зарубежными странами// Большая советская энциклопедия. В 30 т. Т. 18. М., 1978.

5. Комсомольская правда.27 января1967.

6. Кравченко В. В. Развитие международной деятельности советских общественных организаций// Вопросы теории и истории общественных организаций. М., 1971.

7. XXV съезд КПСС, 24 февр. — 5 марта 1976 г.: Стенографический отчет. М., 1976. Т. 1.

8. Государственный архив Российской Федерации (далее ГА РФ) Ф. Р-9651Документы Союза советских обществ дружбы и культурной связи с зарубежными странами. Оп.2. Д. 3.

9. Правда 3 декабря1974..

10. ГА РФ. Ф. Р-9651. Оп.2. Д. 78.

11. Центральный государственный архив Республики Дагестан. Ф. П-1 Документы Дагестанского областного комитета КПСС. Оп.2. Д.256.

II. ИСТОЧНИКИ. ИСТОРИОГРАФИЯ

Ф. Ф. БОГОТОВА,
магистр КБГУ им. Х. М. Бербекова
(г. Нальчик)

ПРОЕКТЫ ПРЕОБРАЗОВАНИЯ СИСТЕМЫ УПРАВЛЕНИЯ И СУДА В АРИСТОКРАТИЧЕСКИХ АДЫГСКИХ ОБЩЕСТВАХ В ТРУДАХ С. ХАН-ГИРЕЯ

Данная статья посвящена изучению проектов преобразования системы управления и суда в аристократических адыгских обществах в трудах С. Хан-Гирея. Автором систематизированы взгляды Султана Хан-Гирея по проблеме внутреннего преобразования в Черкесии по общеимперскому образцу, изучены политические и общественные взгляды Хан-Гирея в его записках и проектах об «улучшении гражданского устройства» адыгов, дана оценка проектам адыгского просветителя Хан-Гирея.

Ключевые слова: *адыгские просветители, аристократические адыгские общества, Султан Хан-Гирей, Черкесия, система управления, судебная система, обычное право, шариатский суд.*

This paper is devoted to the studying of executive and court systems transformation projects of the Adyghe aristocratic societies in the works by S. Khan-Giray. The author systematizes views of Sultan Khan-Giray on internal transformation in Circassia by empire-

wide sample, studies political and social views of Khan-Giray in his writings and projects on «civil structure improvement» of the Circassians, interpretates projects of the Adyghe enlightener Khan-Giray.

Keywords: *Circassian enlighteners, the Adyghe aristocratic societies, Sultan Khan-Giray, Circassia, executive system, court system, common law, Shariah court.*

Предлагаемые адыгскими просветителями проекты преобразования системы управления и суда в аристократических адыгских обществах, были направлены на мирное присоединение этих народов к Российской империи.

Хорошо зная характер, менталитет горцев, они провидчески предупреждали, что в случае присоединения Северного Кавказа к России военным, силовым путем удастся достигнуть только сиюминутного успеха, но прочного мира в крае не будет [10-12]. Нельзя с горцами говорить языком силы — вот то убеждение, которое просветители пытались донести до российского руководства.

Однако в российском обществе сложились ложные представления о горских, в том числе адыгских народах, что подталкивало царское правительство действовать иным путем, минуя предложения адыгских просветителей. В рукописи неизвестного автора «Мысли о делах наших на Кавказе» в 1800-1841 гг. написано: «Горцы по воспитанию своему, понятиям и обычаям в среди своих обществ непризнают ни какой власти, кроме сил оружия, никаких обязанностей, кроме тех, к исполнению коих можно принудить оружием, кои не смотря на множество прислуг, ни исполняют ни каких условий, коль скоро находят возможность нарушить оныя» [1]. К. Ф. Нейманн в работе «Россия и черкесы» (выписки о Ш. Ногмове) подчеркивал: «…и этим стремлением — сохранить свободу и самостоятельность, не допускать к себе никакого вида изнеженности — пронизана вся нация, ее язык, законы и обычаи, домашняя и гражданская жизнь» [2].

Среди просветителей, которые предлагали царской администрации свои проекты преобразования системы управления и суда в адыгских аристократических обществах, особое место занимает Султан Хан-Гирей. Его размышления над проблемой будущего политического статуса и внутреннего устройства адыгов демонстрируют взгляды убежденного государственника. По мнению Хан-Гирея, место адыгов — только в составе России, которая должна осуществить внутреннее преобразование в Черкесии по общеимперскому образцу, однако с учетом местной специфики края. Вместе с тем, следует обратить внимание на то, что он ошибочно считал, что эти

народы готовы к таким изменениям в условиях продолжавшейся Кавказской войны: «Устройство внутреннего управления мирных Племен зависит единственно от доброй воли Начальства: ибо местные обстоятельства не представляют слишком затруднительных препятствий» [3, 569]. Политические и общественные взгляды Хан-Гирея нашли отражение в его записках и проектах об «улучшении гражданского устройства» адыгов. Проекты Хан-Гирея имели целью «сохранить коренные обычаи горцев и утвердить над ними просвещенное влияние Русского Начальства, сколь можно непосредственнее, по современным обстоятельствам» [4, 559].

В вопросе о необходимости покорения Черкесии Россией Хан-Гирей придерживался официальной российской идеологии. Земли черкесов, в его представлении, это невозделанный государством участок, своего рода «политическая целина», и Хан-Гирей называл их «пространством, занимаемым на Кавказе племенами, так называемыми горцами» [5, 260]. По мнению просветителя, существующая система управления уже не отвечала требованиям времени. В сентябре 1837 г. Хан-Гирей представил командующему войсками на Кавказской линии А. А. Вельяминову «Проект положения об управлении горскими народами», в котором он выдвигает ряд важных вопросов, касающихся общественно-политической жизни адыгов.

Особое место в проекте занимает вопрос о системе судопроизводства. Предполагаемая судебная реформа предусматривала создание трех самостоятельных судов: духовного, третейского и окружного. Во введении духовного суда должны были находиться тяжебные дела до «совести и веры касающиеся», дела «по несогласию между мужем и женой», а также дела «между родителями и детьми». Таким образом, обязанности духовного суда были сильно ограничены, они сводились лишь к разбору семейных и религиозных вопросов. Уголовные дела были изъяты из ведения духовного суда и переданы военным властям.

Третейский суд должен был разбирать все прочие тяжебные дела в соответствии с неписаным законом — обычным правом. Тяжущиеся лица могли передать дело для разбора в шариатский суд. Решения шариатского и третейского судов могли быть обжалованы и переданы для вторичного рассмотрения в окружной суд, который учреждался в каждом округе, по примеру Временного кабардинского суда. Окружной суд должен был состоять из представителей князей, первостепенных дворян (тлокотлеши) и одного эфендия

или кадия, который назначался властями. Окружной суд обязывался действовать под непосредственным наблюдением местной военной администрации. Как видно, через судебные органы предполагалось осуществить административный контроль над населением [6, 47]. Приговоры окружного суда не являлись окончательными. Они подлежали утверждению со стороны начальника кордонной линии.

Хан-Гирей указывал в своем проекте, что местные власти не должны чинить препятствия в подаче апелляции на решения местного окружного суда. «Воспрещаются всякие насильственные самоуправства, за которые виновные подвергнутся суду», — сказано в 34-м пункте проекта.

Хан-Гирей был убежден в том, что духовенство имеет сильное влияние на умы народа: «Священник с книгой в руках и с буйным красноречием фанатизма в несколько месяцев более успеет в этой стране, нежели несколько тысяч воинов с оружием в несколько лет» [7, 272]. Именно, исходя из этих соображений, Хан-Гирей выдвинул проект о создании Муфтатства. Одно — для тех адыгских народов, которые имели князей, другое — для адыгских народов, имевших, так сказать, народное правление (натухайцы, шапсуги, абадзехи). Муфтий, как представитель высшего мусульманского духовенства, назначал бы для каждого народа кадиев. Последние обязывались осуществлять судебный надзор по шариату. Проект предусматривал также назначение в княжеских владениях закубанской Черкесии одного или двух и более валиев (правитель провинции). Под его председательством должен был функционировать создаваемый орган «Махчематство» (от слова «мехкеме»). Этот административно-судебный орган должен был руководствоваться шариатом и статьями обычного права. Эта сложная система управления, по мнению Хан-Гирея, должна была привести к укреплению позиции России в среде адыгского населения [8;56]. Хан-Гирей полагал, что «такое устройство не будет противно ни религии, ни обычаям черкесов и будет им удобопонятно». Далее он пишет: «Оно существовало в Кабарде, лучшей провинции Черкесии, и религией их совершенно одобряемо, оно одно только может оградить собственность народа безопасностью, в то же время, поддерживая высший класс, следовательно, легко может как высшим классом, а равно и народом торжественно быть принято; оно одно только может водворить тишину в этом крае. Этот же самый порядок, приводя общественные дела в благоустройство, направит и духовенство к вышеуказанной цели,

для общего блага обратив во власть то уважение, которое народ к нему ныне добровольно питает» [7, 275].

Проект Хан-Гирея предусматривал и ряд административных преобразований, в частности, создание округов и участков. Округа предполагалось образовать в границах существующих этнических групп. Окружной начальник именовался приставом, который должен был находиться в непосредственном подчинении начальника кордонной линии. Учреждалась также должность главного пристава, осуществлявшего руководство деятельностью окружных управлений. Округа в свою очередь делились на административные участки, объединявшие несколько деревень. Участковым начальником мог быть только князь или первостепенный уздень, пользующийся доверием со стороны правительства [6, 49].

В своем проекте Хан-Гирей поставил также вопрос о создании «попечителя горских племен Кавказа». 24 июня 1837 г. он писал военному министру: «Чтобы вести народ к благоденствию и обилию стезею гражданского устройства, столь благодетельно было бы назначение главного попечителя черкесских обществ» [6, 49].

Попечитель одновременно являлся и командующим войсками на Кавказской линии и в Черномории. Обязанности попечителя должны были состоять в следующем: «в наблюдении за точным исполнением Положения об управлении горскими народами, которое удостоится Высочайшего утверждения; в утверждении власти России над горцами, независимо от мер кротости и убеждения, посредством возведения крепостей; в прекращении внутренних раздоров Черкес, в особенности Владельцев; в постепенном развитии образованности народа; в смягчении его нравов; в сближении его с Русским населением края; в поощрении хлебопашества, промышленности и торговли» [4, 567]. Но мыслилось все это под эгидой царского правительства.

В дополнение к Проекту Положения об Управлении горцами, Хан-Гирей полагал необходимым «иметь при Главном Приставе или Воинском Начальнике несколько старшин наиболее в народе уважаемых и подчиненных почетнейшему из них», что, по его мнению, «способствовать будет к будущему соединению всех мирных Закубанских обществ в одно целое и должно облегчить приведение в исполнение вышеизложенных предположений» [4; 568]. По справедливому замечанию А. А. Вельяминова в этом предположении Хан-Гирей ошибается, т. к. соединение старшин, распорядительное

собрание кроме бесконечных споров и несогласий между старшинами ничего не принесет. Если, думает он, сделать из этого собрания место судебное, то оно не может быть согласовано ни с учреждением Третейского суда по народным обычаям, ни с шариатом.

Хан-Гирей считал, что Россия должна централизовать власть в черкесском обществе путем прямого подчинения российскому государственному аппарату всех политических партий и эшелонов власти в Черкесии и тем самым навести в них порядок. Для этого нужно почти невозможное — чтобы князья отказались от сословной власти над дворянами. Хан-Гирей советовал российскому правительству предложить князьям значительные земельные угодья в обмен на эту власть. Он был уверен, что они согласятся на этот обмен по той причине, что хотя не имели понятия о богатстве, поскольку черкесские князья не замечали своей бедности, но с наведением порядка обнажится их экономическая несостоятельность и они увидят опасность остаться без средств к существованию. Уничтожение же вассальной зависимости, скорее всего, сразу же расположит дворянство в пользу российского правительства [5, 263].

Конечно, Хан-Гирей, представляя на суд царской администрации все свои проекты, не считал их законченными. Тем не менее, он надеялся на поддержку кавказской военной администрации, на благоразумие российского императора, выказывая им свое доверие: «Заслужить хорошее внимание начальства я поставлял всегда первейшей целью моей жизни и буде не всегда успевал в том, то недостаток усердия к службе государя и нерадение к исполнению обязанностей, на меня начальством возлагаемых, не были тому причиной; душевное в этом убеждение будет оставаться величайшим для меня утешением» [9, 271]. Но эти предложения Хан-Гирея оказались неприемлемыми для существовавшего режима, так как они во многом противоречили колониальной политике Российской империи [13].

Таким образом, новая судебная система, предложенная Хан-Гиреем, несмотря на ее ограниченный характер, была шагом вперед по сравнению с действовавшей системой. Внедрение ее в практику привело бы к ликвидации феодальной раздробленности, к ограничению произвола князей и дворян, к сближению черкесов с русским населением Кавказа [6, 48].

В проектах преобразования системы управления и суда в адыгских обществах, Султан Хан-Гирей предусматривал некоторые из-

менения в их общественно-политическом строе. Они составлялись с учетом некоторых особенностей края и обычного права адыгов. Своими проектами преобразований внутреннего устройства он хотел улучшить общественные отношения в адыгских обществах, стремился приспособить новое управление «к образу мыслей» адыгских народов.

Примечания

1. Центральный государственный архив Кабардино-Балкарской республики (далее — ЦГА КБР). Ф. Р-1209. Оп. 12. Д. 4. Л. 14.

2. ЦГА КБР. Ф. Р-1209. Оп. 1. Д. 20. Л. 2.

3. Хан-Гирей. Краткое изложение о предварительных мерах к устройству закубанских мирных племен // Султан Хан-Гирей: Избранные труды и документы. Майкоп, 2009.

4. Хан-Гирей. Проект положения об управлении горскими народами // Султан Хан-Гирей: Избранные труды и документы. Майкоп, 2009.

5. Жемухов С. Н. Хан-Гирей об альтернативах русско-адыгских отношений // Кавказская война: уроки истории и современность (Материалы Всероссийской научно-практической конференции, состоявшейся 19-22 мая 2004 г.). Майкоп, 2006.

6. Кумыков Т. Х. Хан-Гирей (жизнь и деятельность). Нальчик, 1968.

7. Хан-Гирей. Некоторые мнения о мерах и средствах для приведения черкесского народа в гражданственное состояние кроткими мерами с возможным избежанием кровопролития // Нагоев М. Б. Общественно-политическая мысль адыгов в первой половине XIX века: исследования и материалы. Нальчик, 2007.

8. Кумыков Т. Х. Общественная мысль и просвещение адыгов и балкаро-карачаевцев в XIX — начале XX в. Нальчик, 2002.

9. Хан-Гирей. Записки о Черкесии, сочиненные Хан-Гиреем. Санкт-Петербург. 1836 г. // Нагоев М. Б. Общественно-политическая мысль адыгов в первой половине XIX века: исследования и материалы. Нальчик, 2007.

10. Чеджемов С. Р. Развитие государственно-правовых отношений и правовой культуры на юге России (XYIII — начало XIX веков). Государство и право. 2009. № 7. С. 77-82.

11. Чеджемов С. Р. Политика российского государства и православной церкви в области образования на юге России до 1917 г. (на примере осетинского народа). Религиоведение. 2013. № 1. С. 36-44

12. Чеджемов С. Р. История педагогики и образования осетинского народа XYIII-XX веках. Дисс. док-ра пед. наук. Владикавказ, 2003.

13. Емтыль Р. Х. Проблемы организации судопроизводства и судоустройства в адыгском обществе в творческом наследии Султана Хан-Гирея. URL: http://cyberleninka.ru/article/n/problemy-organizatsii-sudoproizvodstva-i-sudoustroystva-v-adygskom-obschestve-v-tvorcheskom-nasledii-sultana-hangireya (дата обращения: 01.11.2014).

Л. Х. МАМХЕГОВА,
магистр КБГУ им. Х. М. Бербекова
(г. Нальчик)

НОВЫЕ ПОДХОДЫ В ИССЛЕДОВАНИИ ЭТНОГЕНЕЗА АДЫГОВ И АВТОХТОННО-МИГРАЦИОННАЯ КОНЦЕПЦИЯ

Статья посвящена исследованию теории этногенеза адыгов. Автором рассматриваются основные методологические подходы в изучении этногенеза адыгов во второй половине XX века. Особое внимание уделяется версии о хаттском происхождении адыгов.

Ключевые слова: *этногенез, адыги, теория, концепция, подходы.*

The article investigates the theory of ethnogenesis Circassians. The author discusses the main methodological approaches in the study of ethnogenesis of the Circassians in the second half of the XX century. Particular attention is paid to the version of the origin of Huttese Circassians.

Keywords: *ethnogenesis, circassians, theory, concept, approaches.*

По мере накопления и систематизации исторических сведений о жизнедеятельности народов периодически возникает потребность в их переосмыслении. Она проявляется, как результат самого стадиального роста науки, так и стремления теоретически осмыслить традиционно сложившиеся подходы на основе имеющихся материалов, переосмыслить методологию исторических исследований [1, 25].

Характерной чертой современной исторической науки является широкое использование различных методологических подходов, как присущих предыдущим этапам ее развития, так и сформулированных в рамках отечественных и зарубежных научных направлений своего времени. [2, 30]. В 60-е гг. XX века в СССР происходит формирование новых научных подходов, как в исторических, так и в этногенетических исследованиях. Ученые стали руководствоваться принципами комплексного подхода в изучении этногенетиче-

ских проблем, которые были одобрены на всесоюзном совещании этнографов еще в 1951 году [3, 12-36].

Примерно с 1960-х гг. начинается новый этап в развитии естественнонаучных методов археологии. Его содержанием являлось переосмысливание под влиянием естественнонаучной информации целой серии фундаментальных археологических, культурно-исторических проблем на уровне методологии их разрешения (проблема хронологии, проблема происхождения древних изделий, проблема реконструкции природной среды в древности, проблема совершенствования полевых методов и проблема внедрения математических методов в археологию) [4, 85]. В это же время происходит перелом в подходе к индоевропейской проблематике. Расширенное изучение археологических памятников Центральной и Восточной Европы, а также исследования в области языкознания о соотношении между индоевропейской языковой семьей и другими семьями привели к выработке новых методологических основ для решения проблемы локализации прародины, как индоевропейцев, так и народов, относящихся к другим языковым семьям [5, 101].

Немаловажную роль также сыграл тот фактор, что тридцать лет (с 1957 по 1987 г.) во главе Института археологии АН СССР и, следовательно, всей современной структуры археологической науки в Советском Союзе стоял академик Б. А. Рыбаков. С достаточными основаниями это тридцатилетие можно назвать «рыбаковским периодом» развития отечественной археологии, который проходил под действием сложных и противоречивых тенденций. Размах археологических исследований, развитие проблематики, методических принципов привели к формированию в советской науке различных подходов, образующих достаточно богатый «спектр направлений». Для исследования древностей Кавказа особое значение имело появление «Археологической истории». На этой формуле воспитано было целое поколение учеников Б. А. Рыбакова, рассматривающих археологию, как специализированную историю, преследующую те же цели, что и основной корпус исторической науки: реконструкцию древнего прошлого через призму археологических артефактов. Поскольку вещественные древности, есть продукт жизнедеятельности общества, они, по мнению этих учёных, непременно несут в себе определенную историческую информацию, которую можно извлечь, пользуясь теоретическим аппаратом исторической науки. Создавая археологическую версию

истории, сторонники этого направления не считали необходимой специальную разработку какого-то особого понятийного аппарата археологии, методологически обособляющего её от основного ствола исторической науки. «Историзм в археологии» — типичное название сборников и коллективных трудов этого направления — его лозунг [6, 13].

Успехи и достижения «археологической истории» во многом определялись экстенсивным развитием археологии, особенно на бывших национальных окраинах — в Сибири, Средней Азии, на Кавказе, где первые же систематические исследования открыли новые исторические миры. В создании истории бесписьменных народов, в частности адыгов, появились новые возможности использования археологических данных, казавшиеся беспредельными.

Для этого периода характерны и некоторые качественные изменения: рост научных кадров в республиках, формирование археологической школы на Кавказе. [7, 19-21]. Эти изменения создали творческие условия для выдвижения и доказательства новых концепций происхождения народов населяющих СССР, в том числе и адыгов.

Со второй половины XX в. ученые начали рассматривать проблему этногенеза адыгов с позиции автохтонно-миграционной теории. Происхождение древнейших абхазо-адыгских племен ими рисовалось в виде длительных переселений малоазийских племен хаттов (а также касков) и их включения в состав местной автохтонной среды [8, 19].

Дальнейшему развитию этой теории способствовало то, что значительное внимание археологи стали уделять синдо-меотским погребениям, в которых ученые находили подтверждения генетических связей синдо-меотов с малоазийскими племенами, а также сравнения культуры погребения хаттов напоминало им более раннюю майкопскую культуру. О важности дальнейшего исследования этих находок, говорил известный археолог, сотрудник КБНИИ П. Г. Акритас. В предварительном отчете 1960 года об археологической экспедиции в Чегемском ущелье он писал: «Существует важнейший вопрос, касающийся населяющего нашу республику народа (адыгов). Этому вопросу, мы археологи и историки, совершенно не уделяем внимания. Я говорю о самом древнем государственном образовании на территории Европейской части СССР, о Синдике, которая образовалась на побережье Черного моря в середи-

не тысячелетия до н.э. Мне кажется, что в экспедиционном плане будущего года должны найти место археологические разыскания, как на территории Синдики, так и на Таманском полуострове и на побережье Азовского моря, где жили меоты, далекие, как и синды — предки адыгов» [9. Ф. 21 (Археология). Оп. 1, Д. 22, Л. 8-9].

Слова П. Г. Акритаса были услышаны. Были проведены дополнительные раскопки этих территорий, которые дали определенные результаты. В 1962-1963 годах Синдской экспедицией под руководством Ю. С. Крушкол проводились раскопки разрушающегося современной хозяйственной деятельностью курганного могильника на хуторе Рассвет. Совместно со студентами тамбовского пединститута исследовались курганы эпохи бронзы. На основании находок керамики и бронзового кинжала, курганы датировались второй половиной II тысячелетия до н.э., что свидетельствовало о связях синдов с племенами Малой Азии [10, 156].

Тезис об автохтонно-миграционной теории этногенеза В. Г стали отстаивать М. М. Трапш, Г. А. Меликишвили, З. В. Анчабадзе, Ш. Д. Инал-Ипа,. Ардзинба, Г. Г. Гиоргадзе, И. М. Дунаевская и др. Вместе с тем, необходимо отметить, что теоретические построения исследователей основывались в большей степени на лингвистических и топонимических данных, нежели археологических.

Еще в 1954 г. в Грузии вышла работа крупнейшего грузинского исследователя Г. А. Меликишвили «Наири-Урарту», где он обратил внимание на встречающиеся в Абхазии и южнее, на территории Западной Грузии, названия рек: Ахыпс, Хыпс, Лашыпс, Дагарыпш, Рапш, Супса и др. Эти названия черкесо-адыгского происхождения (в адыгском языке «псы» — вода), и все они были даны жившими когда-то у этих рек адыгскими племенами и сходны с топонимикой определенных территорий Малой Азии [11, 84].

Позднее З. В. Анчабадзе писал, что топонимические реалии в Северо-Восточной части Малой Азии — Синопэ, Акампсис, Арипса, Апсареа, Дуабзу и др. — с несомненной очевидностью свидетельствуют, что данная область в далеком прошлом была населена предками абхазо-адыгов [12, 19].

Наиболее решительным приверженцем данной концепции являлся Л. Н. Соловьев, который стал первооткрывателем и исследователем нескольких десятков важнейших археологических памятников, на основе изучения которых написана история Абхазии и Западного Кавказа.

В 1960 г. Л. Н. Соловьев попытался связать происхождение дольменов с миграцией касков на рубеже III-II тысячелетия до н.э. на Северо-Западный Кавказ [13, 94]. Однако эту мысль опроверг позднее Р. Ж. Бетрозов, который отмечал, что каски никогда не строили дольмены [14, 24].

К разряду автохтонно-миграционных можно отнести две гипотезы, выдвинутые в 1970-80-х гг. известными археологами В. И. Марковиным и Р. М. Мунчаевым.

Поразительное сходство раннемайкопского материала с памятниками Месопотамии, побудило дагестанского исследователя Р. М. Мунчаева выдвинуть предположение, что на Северный Кавказ проникли в III тыс. до н.э. и, возможно осели там отдельные группы людей из Месопотамии, которые и занесли сюда некоторые культурные достижения, в том числе и гончарный круг [15, 376]. Свои выводы по этому вопросу он изложил в труде «Кавказ на заре бронзового века», который считается одним из наиболее значимых по археологии Северного Кавказа.

Вторая гипотеза связана с западнокавказскими дольменами. Проблема очень сложная и неоднозначная, по которой и сегодня ведутся дискуссии. В 1974 г. вышла в свет работа известного исследователя В. И. Марковина «Дольменная культура и вопросы раннего этногенеза абхазо-адыгов», которая пролила свет на многие нерешенные проблемы по этой тематике. Путем соотнесения реконструируемых лингвистических данных с определенными по месту и времени археологическими комплексами, он создал концепцию о связи абхазо-адыгской мегалитической культуры с далеким миром Западного Средиземноморья и о происхождении абхазо-адыгского этнического массива путем синтеза культуры пришедших строителей дольменов с культурой аборигенного западнокавказского населения [16, 72].

Данная концепция заинтересовала многих исследователей и была оценена с положительной стороны. Так, Р. Ж. Бетрозов отмечал, что это мнение вызывает большой интерес в связи с тем, что в новейшей литературе (исторической и лингвистической) вновь обсуждается вопрос о возможной антропологической и языковой связи Малой Азии и Западного Кавказа с древнейшим Средиземноморским (доиндоевропейским) миром [17, 17].

На современном этапе развития исторической науки, в отечественной историографии по вопросу этногенеза адыгов доминиру-

ющим является автохтонно-миграционная теория этногенеза адыгов в основе которой лежит утверждение о связях адыгов со Средиземноморским миром.

Подводя итоги надо сказать, что период с 1960-х по 1980-е годы был достаточно плодотворным. Появление новой концепции позволило примирить и синтезировать взгляды исследователей дореволюционного периода и послевоенного времени. Новые внутри- и внешнеполитические реалии постепенно делали всё более возможным и необходимым объективное и внимательное освоение опыта зарубежной науки, а на его фоне — восстановление преемственности с российской дореволюционной археологией

Вместе с тем в исследовательской практике деятельность конкретного исследователя далеко не всегда или почти никогда не исчерпывается рамками одного научного подхода. Каждый исследователь, сознательно или неосознанно, применяет несколько подходов, меняя их в соответствии с характером решаемых задач. Профессиональный ученый должен владеть средствами многих подходов и разрабатывать новые и интересные гипотезы, теории, а не следовать утвержденным принципам. Только в этом случае, можно говорить о развитии науки. В этом отношении в изучении этногенеза адыгов мы сейчас наблюдаем определенный кризис, поскольку исследователи никак не могут перейти рубеж существующих концепций и предложить что-то новое.

Примечания

1. Научный архив КБИГИ. Ф. 21 (Археология). Оп. 1, д. 22, л. 8-9.

2. Пассек Т. С. Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института археологии. М., 1969.

3. Шерстова Л. И. Ментальность и этногенез:методологические подходы // Вестник Томского государственного университета. Томск, 2009. № 2.

4. Токарев С. А. К постановке проблем этногенеза // Советская этнография. 1949. № 3.

5. Пассек Т. С. Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института археологии. М., 1969.

6. История Европы. М., 1988.

7. Лебедев Г. С. История отечественной археологии. Спб., 1992.

8. Мартынов А. И. Археология. М., 2000.

9. Бетрозов Р. Ж. Адыги: возникновение и развитие этноса. Нальчик, 1998.

10. Крушкол Ю. С. К вопросу об этногенезе синдов // Античное общество. Труды конференции по изучению проблем античности. М., 1967.

11. Крушкол Ю. С. К вопросу об этногенезе синдов // Античное общество. Труды конференции по изучению проблем античности. М., 1967.

12. Меликишвили Г. А. Наири — Урарту. Тбилиси. 1954.

13. Анчабадзе З. В. Очерк этнической истории абхазского народа. Сухуми, 1976.

14. Соловьев Л. Н. Погребения дольменной культуры в Абхазии и прилегающей части Адлерского района // Труды АБИЯЛИ. Сухуми, 1960. Т. 31.

15. Бетрозов Р. Ж. Адыги: возникновение и развитие этноса. Нальчик, 1998.

16. Мунчаев Р. М. Кавказ на заре бронзового века. М., 1976.

17. Марковин В. И. Дольменная культура и вопросы раннего этногенеза абхазо-адыгов. Нальчик, 1974.

18. Бетрозов Р. Ж. Адыги: возникновение и развитие этноса. Нальчик, 1998.

III. АРХЕОЛОГИЯ. ЭТНОЛОГИЯ. КУЛЬТУРОЛОГИЯ

И. С-Х. ДАЧАЕВ, мнс ЦАИ АН ЧР,
М.Т. АХМАТОВА,студентка ЧГУ
(г. Грозный)

О КАМЕННЫХ ЖЕЛОБЧАТЫХ ТОПОРАХ ИЗ ЧЕЧНИ

В статье рассматриваются находки каменных желобчатых орудий — топоров (топоров — молотов) эпох раннего металла и железного века, обнаруженных на территории Чечни

Ключевые слова: *желобчатые топоры, случайные находки, эпохи ранней бронзы и раннего железа.*

In this article we consider findings of grooved tools (axes,axes-hammers), which are belong, basically, to Bronze Age and Early Iron Age found on the territory of Chechnya.

Keywords: *stone grooved tools, chance finds, excavations, Serzhen-Yurt, Alkhankalinskoe settlement.*

Среди археологических предметов, относящихся к древним культурам Северного Кавказа, в том числе и Чечни, выделяются находки так называемых желобчатых орудий — каменных изделий с характерным способом крепления к рукоятям, от которого они, собственного говоря, и получили в литературе такое название [1, 17].

Первые публикации [2, 58], а затем и специальные сводки таких артефактов с территории Чечни появились еще в 60-х гг. прошлого века [3, 120; 4, 9], однако последние, даже составлены одним автором — В. И. Марковиным, оказались неполными. Так, в работе, опубликованной в 1966 г., последний привел сведения о находках пяти подобных предметов — из Зандака, Сержень-Юрта, Грозненской области (из фондов ЧИРКМ), Гатын-Кале, Исти-Су, Дачу-Барзоя [2, 120-121]. Но в статье 1973 г., где, по словам автора, были учтены желобчатые орудия, известные к 1967 г. [3, 5], их оказалось всего 4 — из Сержень — Юрта (2 экз.), Грозненской области (из фондов ЧИРКМ) и Гатын-Калы (правда, отсутствие здесь дачу-барзойской находки было оговорено уже в статье 1966 г. [2, 121, сн. 1] — очевидно, это объяснялось тем, что материал для махачкалинской статьи 1973 г. был собран В. И. Марковиным значительно раньше; судя по ссылке самого В. И. Марковина, это имело место не позднее 1962 г. [5, 13].

К этому времени на территории Чечни уже было найдено еще, как минимум, 5 подобных предметов [6]. При этом следует иметь ввиду, что клиновидный топор «неолитическо-энеолитического вида» из ЧИРКМ, дважды, как отмечалось выше, упомянутый кавказоведом, как обнаруженный где-то в Грозненской области, происходил из коллекции А. А. Бобринского (собранной не позднее 1888 г. во время его работ и поездок по Чечне [7, 147] и был уже указан в материалах к археологической карте ЧИАССР как «643. Грозненская находка клиновидного топора» [8, 116].

Там же, кстати, был опубликован еще один своеобразный образец каменного остроконечного орудия (оружия?) «переходного» облика из Брагунов, сочетающего желобчатое оформление корпуса с конической втулкой для рукояти — очевидно, поэтому его не оказалось в указанных выше подборках [8, 107, рис. 1,2].

Что же касается находки желобчатого орудия в могильнике Исти-Су (погр. 6), указанной в статье 1966 г., то здесь, видимо, имела место какая-то неточность — в работе О. А. Артамоновой-Полтавцевой, рассмотревшей материалы всех погребений этого некрополя, такого предмета нет [9].

В дальнейшем подборки желобчатых орудий, выполненные В. И. Марковиным, стали пополнятся сведениями о новых каменных изделиях рассматриваемого типа. Так, М. Х. Ошаевым были опубликованы топоры из Беноя, Ножай-Юрта и Шуани [10, 21-22; 11, 17-19].

Наиболее серьезным пополнением фонда известных данных стала подборка таких предметов, выполненная В. Б. Виноградовым и Б. М. Хашегульговым, в которой приведены данные о находках из Каргалинской, Мартан-Чу (Грушового) и Сержень-Юрта [1, 17-21]. Относительно первой из них заметим, что сегодня такие каменные предметы считают возможным атрибутировать не в качестве рабочих топоров — молотов, а относить к предметам культового назначения, условно названным скипетрами [12, 120]. Кстати, к последним, на наш взгляд, едва ли не с большим основанием можно причислить и опубликованную там же находку из Малгобека (Ингушетия) (сравни: [13, рис. 1]).

Что касается Ножай-Юрта, то к упомянутым выше предметам можно добавить еще два, выявленных ныне в ходе продолжающейся разборки археологических фондов Национального музея Чеченской Республики. Судя по шифрам, это случайные находки из окрестностей указанного селения, переданные руководителю Предгорно-плоскостной экспедиции ЧИГУ В. Б. Виноградову в 1984 г. Они отличаются наличием широких желобов для крепления, но если одна из них при этом достаточно типична и близка, например, бенойской находке [10, рис. 1,1], то вторая, с округлой ударной частью, будучи к тому же изготовленной из более рыхлой (напоминающей туф) породы камня, аналогий среди известных в Чечне орудий не имеет.

Сержень-Юртовские топоры — молоты в подборке В. Б. Виноградова и Б. М. Хашегульгова, в отличие от находки 1960 г. происходят не из широко известного Сержень-Юртовского поселения [14], а из сборов на другом бытовом памятнике в окрестностях этого же селения — Сержень-Юртовском поселении № 5. Следует отметить, что топор-молот 1957 г. также связывался с иным объектом — по сведениям В. И. Марковина, он был найден в одном из четырех пунктов в окрестностях указанного селения, условно названных поселениями [8, 89]. Поэтому не исключено, что эта находка происходила с того же «пункта», только названного позднее у В. Б. Виноградова и Б. М. Хашегульгова поселением № 5 и, соответственно, обнаружена была значительно раньше.

Безусловно, приведенными фактами сведения о находках орудий с желобчатыми перехватами на территории Чечни не исчерпываются. Так, например, вне рассмотренных выше сводок остался каменный топор — молот, обнаруженный при раскопках в насыпи

одного из курганов Алхан-Калинского могильника [15, 53, рис.3,8]. Не попал ни в одну из последних и топор из Сары-Су [8, 109].

В целом назначение этих каменных предметов особых разночтений не вызывает — с мнением об их использовании в сферах хозяйственной деятельности (горное дело и т.д.), изложенным еще В. И. Марковиным [4, 17], согласны практически все. Правда, в одной из последних работ тот же В. И. Марковин счел возможным отнести некоторые из находок (типа каргалинской) к клевцам, подчеркнув, что они менее всего являлись орудием мирного труда, будучи боевым оружием [16, 18].

Сложнее представляется ситуация с определение временных рамок бытования желобчатых топоров (топоров- молотов), особенно их верхней хронологической грани. Подавляющее большинство находок имеет случайное происхождение и не связано с надежно датированными погребальными комплексами или стратифицированными бытовыми памятниками. В этих обстоятельствах единичные артефакты оставляют достаточно много вариантов для толкований. Однако в случае с находкой алхан-калинского орудия, как представляется, ситуация выглядит определеннее.

Необходимо отметить, что за все годы археологических исследований и наблюдений на этом памятнике материалов старше эпохи раннего железа найдено не было. Поэтому относить обломок желобчатого орудия, обнаруженного к тому же в очевидном хронологическом контексте (остатки переотложенного раннежелезного культурного слоя, использованного для насыпи значительно более позднего кургана) к эпохе бронзы, например, особых оснований нет. Предмет этот, очевидно, относился ко времени функционирования здесь кобанского поселения, существование которого ныне подтверждается также материалами раскопок 2014 г. на т.н. Бабушкиной горке, где, помимо характерных культурных остатков эпохи раннего железа (керамика, костяная проколка) было найдено еще одно каменное желобчатое орудие [17, 66].

Кстати, алхан- калинское «курганное» изделие, на наш взгляд, напоминает сержень-юртовский экземпляр, который В. И. Козенкова отнесла к молотам, если судить по описанию рис. 91 [14, рис.91, 7, 112]. Однако последний по какой-то причине среди каменных предметов из Сержень-Юрта вообще не упоминается [14, 64-73], являясь, между тем, обломанным, но типичным желобчатым орудием. Таким образом, получается, что на основном Сер-

жень-Юртовском поселении было найдено два каменных орудия рассматриваемого облика, причем одно из них, обнаруженное в помещении I [14, рис. 29,9], В. И. Козенкова сочла предметом, случайно попавшим в сооружение первого этапа существования кобанского поселка из слоя эпохи ранней бронзы [14, 13]. Однако в контексте изложенного выше становится очевидным, что количество подобных предметов в памятниках конца эпохи поздней бронзы — раннего железа на территории Чечни имеет тенденцию к увеличению и верхняя строка «Раннее железо» таблицы «Примерная датировка каменных орудий с перехватам» в статье В. И. Марковина [4, 19], положившей начало изучению этих предметов в северокавказской археологии, постепенно начинает заполняться.

Примечания

1. Виноградов В. Б., Хашегульгов Б. М. Некоторые находки IV-II тысячелетий до н.э. на Северо-Восточном Кавказе // Новые памятники эпохи бронзы в Чечено- Ингушетии. Грозный. 1982.

2. Мунчаев Р. М. Древнейшая культура Северо-Восточного Кавказа. МИА 100. 1961.

3. Марковин В. И. Материалы по археологии горной части Восточной Чечни // Археолого-этнографический сборник. Грозный, 1966.

4. Марковин В. И. Каменные орудия с желобчатыми перехватами на территории Дагестана и Северного Кавказа// Материалы по археологии Дагестана.Т. III. Махачкала. 1973.

5. Марковин В. И. Зандакский могильник эпохи раннего железа на реке Ярык-Су. Северо-Восточный Кавказ. М., 2002.

6. Виноградов В. Б., Мамаев Х. М. Рец.: Материалы по археологии Дагестана. Т. III. Махачкала, 1973 // Советская археология. 1. 1976.

7. Мамаев Х. М., Мамаев Р. Х. Н. С.Семенов — первый археолог и краевед Чечни // История науки и техники. 7.2012.

8. Виноградов В. Б., Марковин В. И. Археологические памятники Чечено-Ингушской АССР. Грозный, 1966.

9. Артамонова-Полтавцева О. А. Культура Северо-Восточного Кавказа в скифский период. Советская археология. XIV. 1950.

10. Ошаев М. Х. Новый археологический материал эпохи бронзы // Археолого-этнографический сборник. Т. III. Грозный.1969.

11. Ошаев М. Х. Материалы из Чечни по археологии бронзового века // Археолого-этнографический сборник. Т. IV. Грозный. 1976.

12. Мамаев Х. М., Мамаев Р. Х. Археологические памятники Шелковского района ЧР (материалы к археологической карте) // Вестник Академии наук Чеченской Республики. 2 (13). 2010.

13. Кореневский С. Н., Калмыков А. А. Энеолитический «скипетр-утюжок» из Ставрополья // Российская археология. № 4. 2010.

14. Козенкова В. И. Поселок — убежище кобанской культуры у аула Сержень-Юрт в Чечне как исторический источник (Северный Кавказ). М. 2001. 198 с.

15. Мамаев Х. М. Хронология катакомбных могильников Чечено-Ингушетии конца IV — первой половины VIII в. // Проблемы хронологии погребальных памятников Чечено- Ингушетии. Грозный.1986.

16. Марковин В. И. Древнейшие страницы в истории страны вайнахов// Северный Кавказ: историко- археологические очерки и заметки. М. 2001.

17. Малашев В. Ю., Мамаев Х. М. Раскопки Алхан-Калинского городища в 2014 году // Вестник Академии наук Чеченской Республики. 4 (25). 2014. Грозный, 2014.

М. Х. АМШОКОВА,
магистрант КБГУ им. Х. М. Бербекова
(г. Нальчик)

МУСУЛЬМАНСКИЕ МОТИВЫ В КУЛЬТУРЕ И ИСКУССТВЕ НАРОДОВ СЕВЕРОКАВКАЗСКОГО РЕГИОНА НА РУБЕЖЕ XX-XXI ВВ.

В данной статье рассматривается, как мусульманские мотивы находили свое отражение в культуре и искусстве северокавказского региона. Выделяются важнейшие элементы, которые способствовали развитию искусства. В статье отражается и влияние мусульманских черт на развитие традиционных обрядов и обычаев в современный период. Определена цель и проблемное поле исследования.

Ключевые слова: *джамал, джалал, сифат, арабская каллиграфия, джадидизм, мечеть, декоративно-прикладное искусство, архитектура, школы-медресе, мавлид.*

This article discusses how Muslim motifs found its reflection in the culture and art of the North Caucasus region. Highlights the most important elements that contributed to the development of art. The article reflects the influence of the Muslim hell on the development of traditional rites and customs in the modern period. Definite purpose and problem field of research.

Key words: *jamal, jalal, sifat, arabic calligraphy, jadidism, mosque, decorative and applied art, architecture, schools-madrassas, mawlid.*

Возникнув в условиях фольклорной становящейся культуры арабских племен, в условиях сложной социальной борьбы, ислам в первую очередь стремился сформулировать основные социальные принципы, вокруг которых можно было бы объединить всех мусульман. Поэтому ранний ислам очень мало уделял внимания проблемам культуры и искусства [1].

На ранних стадиях, когда складывались основные представления и категории мусульманской веры, в этой системе были слабо представлены понятия эстетического характера. Лишь значительно позже, в основном с развитием мусульманской архитектуры были выработаны такие эстетические понятия-символы, как: 1)

«джамал» — божественная, совершенная красота, это купол мечети, 2) «джалал» — божественное величие (величественное, возвышенное) — это минареты, 3) «сифат» — божественное имя — письмена на внешних стенах мечети. И все же позже в «Коране» мы находим массу поэтических образов — мусульманство стремилось придать догмам ислама эстетически привлекательный вид. И, тем не менее, в практике религиозной жизни мусульманство было нетерпимо к образной, изобразительной интерпретации основных понятий и представлений веры. Эта нетерпимость в практике религиозной жизни еще более проявилась в мусульманской обрядности (в особенности в ортодоксальном суннизме), которая строилась на принципах предельного аскетизма, экстатической экзальтации и жесткого соблюдения религиозной догмы. В свою очередь, представления и обрядность формировали и эмоциональный мир правоверного мусульманина, его настроения и чувства, из которых ислам стремился изъять все антропоморфное и наглядно-природное [1].

Мусульманство, так же как и всякая религия, не может обойтись без искусства, не может не обращаться к эстетической потребности — человека, к его естественному, органическому стремлению к прекрасному, возвышенному, совершенному. В исламе возникает и существует огромная апокрифическая литература, в которой с восточной пышностью и гиперболизмом прославляются Аллах, пророк Мухамет, Али и сонмы святых.

Возрождение ислама включает в себя и возрождение исламского искусства, и хотя ислам в отличие от ряда религий, функционирование которых невозможно вне храмовой архитектуры и без опоры на определенный круг художественных изображений, теоретически может развиваться в любых условиях (на основе принципа «мечеть — весь мир»), все же и его современная развитая религиозная практика требует определенного сакрального инвентаря, изготовление которого оказывается делом не только многих ветвей декоративно-прикладного искусства, но также графического (каллиграфического) и книгоиздательского искусства, нуждается в художественном воплощении важнейших символов и знаков веры, а утверждение престижа и нрава на существование среди других признанных в России конфессий ассоциируется с необходимостью закрепить это право и престиж в зримых образах величавых сооружений культового характера [2, 6-7].

Особенности развития всей художественной, артистической культуры, включая литературу, театр, музыку, зодчество, изобразительное и декоративно-прикладное искусство, в мусульманских регионах, оказавшихся в разные периоды — на длительном протяжении от середины XVI до конца XIX века — в составе Российской империи, определяются сложным сочетанием и взаимодействием различных религиозных движений и течений общественной мысли как внутри исламской теологии, так и с выходом за ее границы, обретающих различную окраску, интенсивность и направленность в разных регионах [2, 7].

Другим важнейшим элементом искусства слова являлась поэзия, в которой развивались как официальная линия од, касыд и панегириков в честь Аллаха, Мухаммеда, мусульманских правителей и знати, так и поэзия лирическая, воспевающая любовь и страдания возлюбленных [1].

Необходимо также выделить еще один важнейший принцип функционирования искусства слова в исламе стала арабская каллиграфия, скрепившая в некую художественно-религиозную целостность все элементы мусульманской культуры. Вместе с тем, само каллиграфическое письмо приобрело важное эстетическое и эмоциональное значение, выражающее «…эстетическое восприятие письма в глубоко прочувствованных эмоциональных терминах… Письмо сравнивается с объектами красоты и эмоциональной привлекательности, такими, как драгоценности, цветы, сады и ткани» [1].

Гораздо более существенным для искусства фактором является широкое распространение доисламских веровании, культов, обычаев и мировоззренческих представлений у многих народов — кавказских горцев, кочевников евразийских степей, жителей лесной полосы Урала и Сибири, приобщенных к исламу сравнительно недавно, а если и давно, то недостаточно глубоко и последовательно [2, 8].

В разных регионах, в разное историческое время происходило взаимодействие и взаимовлияние ислама и национальных культур народов, подвергавшихся его влиянию. И все же даже там, где ислам приближался к глубинам народно-мифологического художественного сознания, он не смог стереть, ассимилировать то своеобразное и неповторимое, что было свойственно культурам этих народов.

Ислам оказал еще меньшее влияние на искусство, чем буддизм или христианство, так как его неантропоморфность, жесткие запреты изображать все живое неизбежно сталкивались с коренными принципами искусства, которое немыслимо как форма общественного сознания без отношения к человеку. В особенно сложной ситуации ислам оказался в условиях современной культурной жизни [1].

С началом эпохи джадидизма — обновления, культурной модернизации, социального реформирования мусульманского мира России, обоснованного гуманистической программой великого просветителя Исмаила Гаспринского, — наступила пора приобщения российских мусульман к «западной», европейской культуре. В сфере искусства это было ознаменовано появлением «первых» художников из азербайджанской, татарской, башкирской мусульманской среды, из горских народов Северного Кавказа и среди казахов, киргизов, узбеков, таджиков, даже из полукочевых туркменских племен.

В новых условиях обозначился резкий крен к вторичной сакрализации искусства мусульманских регионов России. Уже не десятками, а сотнями и даже тысячами измеряется число сооруженных за последние 15-20 лет мечетей, обретающих пестрый и разностильный импортный и отечественный декор и художественный инвентарь. Возвращаясь к забытой, утраченной культуре арабского каллиграфического письма современные художники пытаются возродить ту декоративно-орнаментальную систему, которая составляла основу художественной выразительности классического исламского искусства, и в которой нет места ни формам, ни жанрам академической живописи или пластики. Мусульманское искусство снова становится особенным, принадлежащим мусульманской общине верующих и практически нужным в системе религиозного культа [2, 13-16].

Строительство мечетей уже с начала 1990-х годов — и далее по нарастающей — приобрело характер массового, стихийного, в эстетическом плане ничем не ограниченного и никем не контролируемого процесса, лавинообразного в численном измерении строящихся заново, реставрируемых и реконструируемых объектов, которые в соответствии с новой религиозной политикой, законами, распоряжениями и всеми демократическими реформами Российской Федерации возвращались общинам верующих [2, 177-178].

По данным ДУМ Карачаево-Черкесии и Ставропольского края, на территории, находящейся под контролем этого Духовного Управления, зарегистрировано 157 мечетей (мусульманских общин, каждая из которых группируется вокруг определенной мечети). Это не значит, однако, что существует такое количество мечетей в виде произведений современного зодчества или памятников старины, обладающих архитектурной выразительностью и историко-культурной ценностью [2, 181].

Культовое строительство в Балкарии ведется практически заново, ибо старых мечетей (в их традиционных формах каменных башен в горах) практически не сохранилось: все они были разрушены если не в первые годы советской власти, то в период депортации балкарского народа, и неизвестно ни одного случая восстановления старых памятников (хотя в некоторых, особенно трудно доступных горных районах уцелели их остатки или развалины). Одной из первых в годы перестройки была возведена мечеть в поселке Хабаз Зольского района.

Мечеть в Бабугенте построена с явной претензией на торжественный, парадный тип сооружения: высокий подиум, открытая лестница, подводящая к входу, трехчастный стрельчатый портал, декорированный кирпичной кладкой; три граненых купола с пластичным олемом над центральным куполом и тонкими шпилями, держащими полумесяц, над боковыми куполами; высокие многоярусные башни минаретов, также увенчанных куполами.

Очень редко новые мечети органично вписываются в архитектурное окружение, объединяя вокруг себя жилую застройку поселка или квартала. Чаще они смотрятся как нечто чужеродное но отношению к данной местности; к ним еще нескоро привыкнет глаз местных жителей и туристов, не знакомых прежде с такой Балкарией, слишком торопливо примеряющей к себе модернизированный мусульманский архитектурный наряд [2, 181-183].

С середины 1990-х гг. интенсивно идет строительство новых мечетей в Республике Ингушетия (в новой столице — Магасе, в селениях Барсуки, Карца и других). В 2006 году началось строительство мечети в селении Сурхахи. Двухкупольное кирпичное здание фланкируют две высокие минаретные башни и маленькие декоративные тонкие башенки. Основной акцент перенесен на интерьер мечети. Стены покрыты резными деревянными панелями и черными тканями, расшитыми золотыми нитями (каллиграфическими текстами

с сурами Корана). По верху стен тянется черный тканевый пояс с вышитыми 99 именами Аллаха. Перламутровые вставки в парусах сводов усиливают впечатление торжественного сияния всего интерьера. Мимбар, замененный в соответствии с ингушской традицией навесным балконом, также вырезан из дерева. Впечатление великолепного, торжественного зала создано всеми средствами современного дизайна.

В едином архитектурном комплексе с мечетями создаются в Ингушетии сельские школы-медресе (шесть — к 2003 году) и Исламский институт в Магасе [2, 185].

От массового строительства исламская культовая архитектура все более успешно и последовательно переходит к реализации индивидуальных проектов, рассчитанных на определенную городскую среду, уникальных но своему образному решению. В этой связи надо особо отметить созданные с размахом, рассчитанные на стенной простор, отмеченные смелой фантазией и яркой декоративностью проекты культовых сооружений ногайского архитектора А. А. Махмудова. Оригинальный творческий проект небольшой мечети с двумя минаретами, напоминающими своим силуэтом традиционные чеченские «башни в горах», разработан московскими архитекторами И. И. Тажиевым и Г. Р. Кузнецовым для города Шали (2003).

В ходе исследования влияния мусульманства на культуру и искусство необходимо также обратить внимание и на взаимодействие ислама с традициями народов Северного Кавказа. Заметные изменения проявляются в проведении светских досугов у северокавказских народов, особенно у народов Дагестана.

Тема светского досуга актуальна и сегодня. В эпоху исламского возрождения идет наступление на светские традиции дагестанского общества. Во многих селах Дагестана в последние десятилетия привыкли с тем, что уже не играются свадьбы с музыкой, нет праздничных застолий с выпивкой. Все заменено мавлидами, и на них господствует тишина поминальных мероприятий [3, 65].

На Востоке традиции светской культуры, в частности увеселительного досуга людей в тех странах, где формировалась исламская идеология и культовая практика, оказались тесно связанными со степенью приверженности населения исламу. Можно предположить, что с распространением ислама в Дагестане традиционная художественная культура, связанная с таким досугом, стала разви-

ваться в новых условиях. Дело в том, что ислам, опираясь на древнеарабскую и иудейскую традиции, стремился мистически деформировать эмоционально-эстетическое отношение человека к миру и на уровне представлений, понятий теологии, и на уровне обрядности, и на уровне настроений. Он стремился к тому, чтобы в структуре мусульманской веры абсолютно отсутствовали какие-либо элементы, напоминающие человеку о красоте «бренного» мира, о его собственной красоте и совершенстве [3, 71].

Современная свадьба отражает и важные идеологические сдвиги общества, обусловленные широким распространением религиозного сознания. Свадьбы уже не так однотипны, как в советское время, когда в основном были два вида свадеб: сельские и городские. Сегодня свадебные ритуалы весьма разнообразны. Поскольку речь идет об исламских новациях современной свадьбы, необходимо отметить, что концепция эстетического плохо разработана в исламе; она является лишь частью этического мировоззрения вероучения и привязана только к моральным оценкам. По исламу, преодоление страстей и освобождение от мирских наслаждений — вот путь истинного праведника, и, естественно, на этом пути не может быть искусства, эстетического отношения человека к миру и даже к Богу. Это концепция крайнего аскетизма, поощряемого мусульманской теологией [4, 61].

Особенно сильно трансформировалась в последние годы ингушская свадьба. Вообще у ингушей свадьбы всегда были достаточно традиционны. Свадьбы проходили дома как семейные мероприятия. Поэтому специальных банкетных залов не строили. Разницы между городской и сельской свадьбой почти не было. Однако в последние несколько лет под влиянием ваххабитов (они развернули настоящую войну против спиртного и музыкальной культуры) теперь свадьбы проходят без спиртного и музыки. Организуются только свадьбы-мавлиды.

Менее подвержена влиянию религиозной идеологии свадебная культура современной Осетии-Алании, Кабарды.

Таким образом, современную свадьбу нельзя изучать без учета многих факторов общественной жизни. В последние двадцать лет в Дагестане произошла архаизация, «средневековизация» общественной жизни и социокультурной практики. Под архаизацией мы понимаем явления, связанные с сужением и вытеснением светских начал культуры, характерных для советского периода, и пропаган-

дой исламских традиций и ценностей. Многие склонны ограничивать процессы архаизации только распространением ваххабизма и его террористических проявлений. Но этого недостаточно, чтобы исследовать новые явления. Архаизация сегодня выражается в усилении акцента на религиозных ритуалах [4, 6].

Вместе с тем надо признать, что сегодня «религия как духовная традиция крайне важна и не только для человека верующего, но и для неверующего, который уважительно относится к своей цивилизационной идентичности, не отрывает себя от корней своей национальной культуры. Но эта традиция «священна» для неверующего не потому, что основана на «высшем» авторитете, а по той причине, что она была верой многих поколений его предшественников, строивших свою жизнь согласно требованиям веры» [5, 40]. Сегодня культурная политика во многих странах переориентируется с модели ассимиляции, в которой меньшинства отказываются от своих культурных традиций и ценностей, заменяя их теми традициями, которых придерживается большинство, на мультикультурную модель, где индивид социализируется и к доминирующей, и к этнической культурам.

Разные религии и конфессии по-разному отвечают на вызовы нашего времени, связанные с «религиозным ренессансом», с восстановлением религиозных традиций в странах, где они были искусственно прерваны, с дальнейшим развитием традиционных вероучений и интенсивным проникновением нетрадиционных религий в свободное духовное пространство демократических государств. С точки зрения выработки архитектурно-художественной концепции главного культового сооружения эти ответы сводятся к двум основным вариантам: жесткой консервации старого типа сооружения, оптимальные, идеальные с охранительской точки зрения формы которого выработаны в прошлом и содержатся в классическом наследии данной национальной культуры, или свободного развития новых концепций, соответствующих общему прогрессу строительной техники, глобальному движению архитектурной мысли, авангардистским проискам и устремлениям.

Таким образом, критическое восприятие основного массива исламской художественной продукции, выбрасываемой на современный российский рынок, на выставочные стенды, строительные площадки, на страницы различных изданий, обязательно должно сочетаться в искусствоведческой и культурологической методоло-

гии с повышенным вниманием, с чутким и бережным отношением ко всему ценному, что определяется эвристическими открытиями талантливых художников, научной, художественной общественности, включая и прогрессивные силы мусульманского духовенства, создать теорию современного исламского искусства в контексте его «национальных школ» или в особой исторической парадигме «российского ислама», выявить и воплотить в произведениях искусства определенные закономерности конструктивных, декоративных, образных решений, имеющие перспективу превратиться в отличительные черты большого художественного стиля.

Примечания

1. Яковлев Е. Г. Искусство и мировые религии. М.: Высшая школа, 1985 // URL: http://religion.historic.ru/books/item/f00/s00/z0000016/st014.shtml — Дата доступа 5.11.2014.

2. Червонная С. М. Искусство и религия: Современное исламское искусство народов России. М.: Прогресс-Традиция, 2008. 552с.

3. Магомедов А. Д. Ислам и традиции светского досуга в Дагестане // Исламоведение. 2014. №1.

4. Магомедов А. Дж. Исламские новации в современной свадьбе народов Северного Кавказа // Исламоведение. 2012. №3.

5. Яхьяев М. Я., Камышова Е. Г. Светское и религиозное в современном обществе // Исламоведение. 2011. № 3.

Т. Т. ДАУЕВА,
аспирант СОИГСИ им. В. И. Абаева
(г. Владикавказ)

РАЗРЕШЕНИЕ КОНФЛИКТОВ В ПОРЯДКЕ ТРЕТЕЙСКОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА ОСЕТИИ XVIII — НАЧАЛА XIX ВВ.

В статье рассмотрен институт третейства в аспекте его регулятивных функций в конфликтных ситуациях в осетинском обществе в XVIII — начала XIX веков. Исследуются отдельные вопросы функционирования и деятельности третейских судов. Анализу подвергаются особенности разбора судебного дела третейским судом, а также механизмы исполнения приговора.

Ключевые слова: *третейские суды, судебная система, обычное право, конфликт, присяга, поручители.*

The article describes the arbitration courts in terms of its regulatory functions in conflict situations in the Ossetian society in XVIII — early XIX centuries. It is studied some issues and activities of the arbitration courts. Are analyzed particularly parsing of the case by the arbitral tribunal, and the mechanisms of enforcement.

Keywords: *arbitration courts, the judicial system, customary law, the conflict, the oath, the guarantors.*

Урегулирование конфликтов с участием третьей стороны — специфический вид традиционной правовой деятельности, которая называется медиаторством. Эффективность медиаторства зависит от личностного авторитета посредника, объективных особенностей конфликта и конфликтующих сторон, а также от избираемых тактик и техник воздействия на оппонентов [1, 142]. Личность и действия третьей стороны в значительной степени влияли на исход конфликта и его завершение.

Третейское разбирательство было особенно актуально в случаях конфликтов, возникающих за пределами родственных объединений. Прения родственников между собой разбирались фамильным старшиной; судебные полномочия в осетинской семье осуществлялись главой семейной общины — хистæр. Как указывает А. Х. Ха-

дикова, «хистæр являлся полноправным распорядителем всего семейного имущества, и под его непосредственным руководством находились все аспекты внутрисемейной жизни» [2, 95]. По мнению М. Ковалевского, третейское разбирательство выступало в тех случаях, в которых стороны добровольно отказывались от принадлежащего им по обычаю самосуда, как в международных отношениях услуги посредников принимались только тогда, когда враждующие народы отказывались от дальнейшего решения спора силой [3, 218].

Конструктивное регулирование конфликта зависело от власти, авторитета и роли медиатора. Третья сторона могла обеспечить волевое прекращение конфликта, разведение конфликтующих сторон, блокирование борьбы, применение санкций к сторонам, а также определение правого и неправого.

Судебное дело инициировалось потерпевшей стороной. По таким преступлениям или правонарушениям, в которых истцом являлось не одно лицо, а целое общество, например, при поджогах построек или лесов, сломке мостов, порче дорог и т.д., иск предъявлялся старшиной общества [4, 213].

Срок полномочий третейского суда продолжался до окончания разбираемого дела. После этого суд механически распадался. Кобахидзе Е. И. отмечает: «Деятельность посреднического суда у осетин отличал выраженный демократизм, основанный на выборности посредников самими тяжущими сторонами» [5, 183]. Судьи (осет. — тæрхоны лæгтæ) избирались из среды общинников — лиц пожилого возраста, имевших достаточный жизненный опыт, пользующихся авторитетом и безукоризненно знавших все детали обычного права. Г. Лиахвели также указывал, что судьей мог стать «… только имеющий от роду не менее 60 лет, заявивший себя в каких-нибудь делах, отличившийся особенным мужеством на войне, владеющий особенной опытностью, расположением народа, знанием народных обычаев, адатов и т.д.» [6]. В архивных материалах сохранилось имя старика из сел. Джимара Инарико Варзиева, которого приглашали в разные ущелья в качестве посредника. За свою долгую жизнь Инарико Варзиев примирил 66 кровников [7, л. 201]. Каждая сторона называла своих кандидатов в члены суда. Если сторона не была согласна с кандидатами другой стороны, то ставила в известность противоположную сторону. Иногда этот процесс длился долго, пока стороны окончательно не выбирали и утверждали будущих членов суда.

Как уже указывалось, главной целью деятельности посредниче-

ского суда было регулирование конфликтов на уровне социума. Освещая правовые отношения и практику судопроизводства у осетин, В. Пфаф так характеризовал деятельность тæрхоны лæгтæ: «Осетинские судьи вникают во все подробности дела. И, выяснив все факты, стараются определить величину нанесенного истцом или обиженным убытка и ищут способа для легчайшего восстановления нарушенных юридических отношений» [4, 218].

Процедуру избрания суда предварял сложный процесс подготовки: каждая сторона выбирала посредников — минæвар лæгта — из числа посторонних людей, число которых могло варьировать от одного до пяти в зависимости от важности дела. Именно они наделялись полномочиями вести переговоры между сторонами [8, 248].

Регламент третейских судей предполагал свой вариант порядка судопроизводства. Прежде всего суд торжественным обещанием обязывал обе стороны к повиновению приговору, для этого с каждой стороны должны были быть представлены по 3 поручителя. Присутствовал и некий символизм: судья вбивал в землю шест в знак того, что стороны должны строго держаться договора, а затем произносил проклятие над тем, кто уклонится [9, л. 20]. До оглашения приговора судьи требовали от обеих сторон сделать зарубки на липовой палке, что служило символическим знаком покорности [9, л. 23].

В каждом из осетинских обществ имелись свои третейские ресурсы. Они не подчинялись и не связывались с соседними обществами. Стоит особо подчеркнуть и тот факт, что судебные разбирательства проходили в определенных местах, часто около святилищ. Например, известный в Осетии Дагомский суд заседал на небольшой площадке около святилища Мадизæн. Судились в нем жители близлежащих сел, но для пересмотра своих дел в этот суд обращались люди из разных осетинских ущелий. Для жителей Цея, Бада, Садона и Нузала судебным местом было святилище Нузал. Общим для всех живущих в Наро-Мамисонской котловине — был суд в Уазаге [10, 73].

Мадизæн, находившийся в селении Дагом, считался священным и главным судилищным местом во все Алагирском ущелье. Уаладжыры тæрхон доны ныхас — Алагирский судилищный ныхас. Здесь закреплялись также значимые правовые акты, такие, как примирение кровников, недельные заседания народных судей, которые решали самые спорные дела. Постановления, вынесенные на Мадизæн,

считались безаппеляционными и подлежали безусловному исполнению, причем постановления выполнялись не под давлением судебного исполнителя или какой-нибудь принудительной власти, а исключительно от почтения перед святилищем Мадизæн. В знак исполнения постановлений этих судей подсудимый брал камень в руки и клал его в Мадизæн.

Необходимыми «должностями» осетинского судопроизводства были: доказчик (осет. — комдзог), свидетель (осет. — æвдисæн) и присяга (осет. — ард). Доказчик доказывал совершение известного преступления обвиняемым: он должен был открыть субъект преступления, указать последовательно на все обстоятельства, при которых совершено преступление или правонарушение. Работа доказчика обычно сопровождалась вознаграждением, размер которого зависел от уговора комдзога с потерпевшим. Ответственность его была велика, так как в случае безуспешности открытия субъекта правонарушения или маловажного преступления, он сам становился на месте ответчика и удовлетворял потерпевшего как виновная сторона.

Свидетели опрашивались преимущественно для обобщения и систематизации косвенных улик и данных; они не были обязаны непосредственно доказывать виновность обвиняемого или совершение им самого преступления [11, 7]. Если показания комдзога и свидетелей не убеждали судей в виновности обвиняемого, то назначалась процедура присяги.

Использование косвенных улик и свидетельских показаний было настолько нетипичным, что могло вызвать резко негативную реакцию осужденного. Джантемир Шанаев по этому поводу указывал: «Свободная критика улик, представлявшихся против обвиняемого, была опасной для судей: она могла быть понята как факт недоброжелательства судей к обвиняемому и его роду и потому послужить для последнего основанием к преследованию судей, как недругов» [11, 8]. Несправедливое решение вызывало не только месть со стороны осужденного, но и недоверие всего общества. Поэтому судьи действовали с величайшей предусмотрительностью, стараясь принять верное и объективное решение.

Следует уточнить, что присяга носила исключительный характер, она принималась в крайнем случае, в чрезвычайный момент именем наиболее почитаемого в данной местности святого или прахом покойного родственника. Присяга не могла быть назна-

чена в случаях, когда истина и без того была очевидна для судей. «Присяга неуместна, и она была бы лишь бесцельною и безжизненною юридическою формальностью в судопроизводстве осетин, не оправдываемой никакой целью ни в общественной, ни в юридической жизни народа» [12, 126].

В народном сознании присяга была как шансом оправдания на суде, так и средством разоблачения истины. Под присягой подозреваемый должен был торжественной клятвой отрицать отношения к преступлению, в котором его обвиняли. Судьи назначали ее ответчику, «чтобы он «очистился» ею» как говорили осетины, от возводимого на него деяния [13].

Присяга, принимавшаяся обвиняемым, должна была быть обеспечена гарантиями, чаще поручительством со стороны его фамилии. Без такой гарантии присяга не расценивалась как достоверное судебное доказательство, а тем более как свидетельство невиновности ответчика. Поэтому на суде вместе с присягателем в качестве соприсягателей выступало несколько представителей его фамилии. В важных делах, таких как убийство, присяга назначалась ответчику с присяжниками, т.е. с несколькими родственниками, которых указывал обыкновенно потерпевший. Доказчик со своими присяжниками и свидетели торжественной клятвой должны были подтвердить свои улики против обвиняемого. Юридические последствия присяги зависели от того, принята ли она ответчиком с его присяжниками и свидетелями или не принята, так как они могли принять ее или не принять.

Принятие присяги ответчиком с его присяжниками, оправдывало его по суду. Отказ от присяги ответчиком, или обвиняемым, с его присяжниками влек за собою безусловную обязанность последнего удовлетворить притязания потерпевшего. Принятие или непринятие присяги столько же зависело от самого обвиняемого, сколько и от его присяжников, если они ему назначались [11, 8].

Следует учесть, что введенные российской администрацией новации в судопроизводстве, такие, например, как принятие присяги у христиан — в церкви и на Библии, у мусульманской части населения — на Коране, с легкостью принимались осетинами. Оправдывая лжеприсяжничество, они считали: «Что это за присяга?! Вот наша присяга, так это настоящая, ее трудно принять!» [11, 21]. Христианская и мусульманская присяги окончательно получили постоянное действие и применение в правовой практике осетин только с

организацией правительственных судов, т.е. с 1858 г., когда произошло устройство горского словесного суда.

Если обвиняемый принимал присягу, то для того, чтобы найти преступника, прибегали к ритуалу посвящения (осет. — *фыдкæнд)* таких животных, как кошка, собака или осел покойникам того, кто совершил преступление. Память о покойниках была свята для каждого осетина. Посвящение же этих животных, как бы вместо поминок покойникам, считалось поруганием над ними, которое всякий осетин обязан был отводить от своих покойников. Такие посвящения были страшны для осетин, поэтому виновный признавался в преступлении, а свидетели открывали преступника и тем предупреждали эти оскорбительные для покойников посвящения [11, 30].

Чтобы обнаружить преступника, дигорская часть Осетии часто прибегала к обычаю испытание преступника огнем. Оно совершалось следующим образом: пострадавший с разрешения общества сжигал волчьи сухожилия на костре, через который должны были прыгать все мужчины общества. Эту меру использовали лишь тогда, когда все прочие меры по выявлению преступника были уже исчерпаны. По убеждению осетин, преступник, перешагнувший через костер, непременно должен был потерять зрение или скорчиться, подобно волчьим сухожилиям, охваченных огнем. «… но преступник под тем или иным предлогом выезжал из села, чтобы не прыгать через костер. Своим исчезновением он выдавал себя и пострадавший предъявлял к нему претензии как к ответчику» [7, л. 197].

Судебная практика осетин предусматривала также и систему контроля за исполнением решения суда. Оно подготавливалось поручителями от обеих сторон, они же и несли ответственность за выполнение приговора суда. Эта функция, в случае ее успешного проведения, предполагала материальное вознаграждение от заинтересованной стороны. Недовольная приговором сторона нередко оставляла его без исполнения, предоставляя тем самым противнику право обратиться по-прежнему к самосуду. Предвидя возможность подобного исхода, судьи нередко требовали от сторон не только частичной предоплаты выкупа, но также и участия поручителей-родственников в исполнении ими приговора; или связывали предварительной присягой в том, что приговор будет ими исполнен [14, 329]. Таким образом, недостаточно было вынести приговор, добиться признания ответчиком его вины, определить форму и меру наказания. Столь же важно было обеспечить обстоятельства

исполнения приговора. Но и здесь правовая практика осетин опиралась на принцип коллективной ответственности фамилии за действия своих членов. Тæрхоны лæгта, определяли меру наказания виновнику и одновременно выносили решение, обеспечивающее гарантию его выполнения. Подобной гарантией было назначение обеими сторонами в перекрестном порядке поручителей: каждая сторона избирала «фидар лæг», в обязанности которого входило обеспечение организации поручительства родственников. В случае же неисполнения решения суда поручитель обязан был принудить родственников к уплате приговоренной суммы или других условий приговора, обязательных и для другой стороны. Принимая на себя подобное поручительство, избранные лица, в присутствии свидетелей торжественно обещали заставить виновного выполнить предписание суда. Бывшие при этом свидетели, в свою очередь, обязывались напоминать поручителям о данном им слове [15, 208].

Осетинские судьи применяли и другие санкции для принуждения сторон к исполнению приговора, например, приводили ответчика к новой присяге, по которой он обязан был выплатить истцу определенную судебным решением сумму. Другим таким способом являлось обыкновение, по которому судьями «пред самым началом судебного разбирательства у сторон отбиралось оружие и возвращалось затем не раньше, как после клятвенного обещания исполнить приговор» [16]. В случае уклонения от приговора, общество могло принять и репрессивные меры: виновного подвергали штрафу в пользу общины или же ему объявляли бойкот — хъоды, то есть изгнание его из общины, что означало высшую меру наказания.

Подобных фиксированных санкций, как правило, было достаточно, чтобы обеспечить исполнение всех условий приговора. В качестве судьи теперь выступала вся община в лице ее собрания — ныхас. Поэтому, зная, что ждет ослушника, приговоренное общинным судом лицо вынуждено было подчиниться его решению [17, 94].

Мотивы, вынуждавшие осетина отказаться от выполнения решения суда, могли быть самыми разнообразными, но прежде всего это унизительный его подтекст, уязвляющий, по представлениям традиционного общества, человеческое достоинство. К примеру, хифæлдисын: при примирении кровников иногда требовалось, чтобы убийца с соблюдением известного обряда «посвятил» себя покойнику, то есть соглашался на служение ему в ином мире. На выполнение этого обряда не всякий убийца соглашался, так как он считался

унизительным для человеческого достоинства. Акт самопосвящения покойнику у осетин считался весьма тяжелым даже позорным наказанием: посвятивший себя покойнику, на том свете должен был служить ему конем. В Куртатинском обществе между двумя фамилиями Г. и Д. произошло вооруженное столкновение, в результате которого Г. убили двух человек из фамилии Д. Ныхас вынес решение, чтобы Г. заплатили Д. полную цену крови, а сверх того, требовал посвящение от фамилии Г. Первое условие — уплатить Д. цену крови — Г. согласились, а от второго условия отказались. Причина отказа в том, что посвящение человека покойнику, считалось несмываемым позором и унижением человеческого достоинства, на что такая влиятельная среди осетин фамилия, как Г., пойти не могла [18, 189].

Конфликт не считался преодоленным с помощью третейского вмешательства в том случае, если судебное решение не исполнялось. Если свои медиаторы оказывались бессильными в примирении враждующих, то их призывали из других обществ. Самыми опытными посредниками-примирителями и третейскими судьями считались в Осетии старики Нарского общества, к которым, как видно из народных сказаний, не раз обращались в крайних случаях [14, 195].

Длительность существования традиционного суда некоторые исследователи объясняют его действенностью и высоким престижем решений. «Их слово было незаменимо, их решение свято; здесь не имели места никакие апелляционные и другие жалобы; так как умнее и опытнее третейских судей не было, то всякий противящийся мнению этих патриархов был противником самого общества, его взглядов и понятий» [3, 95].

Институт третейства, согласно сложившейся традиции, был чрезвычайно важен. Он получил широкое применение, что сделало его основным регулятором правоотношений в рамках традиционного осетинского социума. Наличие особого порядка процедуры разбора дела, беспристрастной позиции суда, а также четкого механизма исполнения его постановлений обеспечивали убедительное предпочтение посредничества для конструктивного преодоления конфликтной ситуации.

Примечания

1. Основы конфликтологии. М.: Юрист, 1997.
2. Хадикова А. Х. Традиционный этикет осетин. СПб., 2003.
3. Ковалевский М. М. Современный обычай и древний закон. М.,

1886. Т.2. 410 с. Репринтное воспроизведение. Владикавказ, Алания, 1995.

4. Пфаф В. Б. Народное право осетин // Сборник сведений о Кавказе (ССК). Тифлис, 1871. Т. 1.

5. Кобахидзе Е. И. «Не единою силою оружия…». Владикавказ, 2010.

6. Лиахвели Г. Древний осетинский суд // Юридическое обозрение. Тифлис, 1885. № 197.

7. Кокиев Г. А. Очерки по этнографии осетинского народа./НА СОИГСИ. Ф. 33. Оп.1. Д. 282.

8. Магометов А. Х. Общественный строй и быт осетин (XVIII-XIX в.). Орджоникидзе: Ир. 1974.

9. Гакстгаузен Б. Закавказский край. Заметки о семейной и общественной жизни/НА СОИГСИ. Ф.2. Оп.1. Д.2.

10. Канукова З. В., Гутиева Э. Ш. Городское пространство северного кавказа: традиционная культура в условиях урбанизации (вторая половина XIX — начало XX вв.) //Известия СОИГСИ. 2013. № 10 (49).

11. Шанаев Дж. Присяга по обычному праву осетин // ССКГ. Тифлис, 1873. Вып. 7.

12. Мансуров Н. С. Обычный суд у осетин // Периодическая печать Кавказа об Осетии и осетинах/сост. Л. А. Чибиров. Цхинвали: Ирыстон, 1982. Кн. 2.

13. Гостиева Л. К. Этнографические очерки Андрея Медоева // Современные проблемы науки и образования. 2013. №2; http:///www. science-education.ru/117-13049 (дата обращения: 12.04.2014).

14. Канукова З. В. Семья // Осетины. Серия «Народы и культуры». ИАЭ РАН, 2012. С. 323-332.

15. Марзоев И. Т. Привилегированные сословия на Кавказе в XVIII- нач.XX вв. Владикавказ, 2011.

16. Хадикова А. Х. Традиционная культура общения осетин: этнокультурные особенности и истоки. 2014. №3; http:///www. science-education.ru/117-13049 (дата обращения: 12.04.2014).

17. Канукова З. В. Этнография осетинского пореформенного села. Владикавказ: Изд-во СОГУ, 1992.

18. Периодическая печать Кавказа об Осетии и осетинах/сост. Л. А. Чибиров. Цхинвали: Ирыстон, 1989. Кн.4.

Б. В. ТУАЕВА,
дин, зав. отделом социально-политических исследований СОИГСИ им. В. И. Абаева;
Е. Г. МАКИЕВА,
ассистент кафедры гуманитарных дисциплин ВИУ (г. Владикавказ)

ЭТНИЧЕСКАЯ КАРТИНА ГОРОДА МОЗДОК В XIX ВЕКЕ

В статье исследуются особенности миграционных процессов на Северном Кавказе как фактора формирования полиэтничного состава населения города Моздок в XIX веке. Показано влияние этнических групп на развитие социокультурного и экономического ландшафта, хозяйственной инфраструктуры города в исследуемый период.

Ключевые слова: *Моздок, полиэтничность, диаспоры, миграционные процессы, этнические группы, городской социокультурный и экономический ландшафт.*

The article examines the characteristics of migration processes in the North Caucasus as a factor of the formation poly-ethnic population of Mozdok in the XIX century. Shows the influence of ethnic groups in the development of socio-cultural and economic landscape, the economic infrastructure of the city during the study period.

Keywords: *Mozdok, multi-ethnicity, diaspora, migration, ethnic groups, urban socio-cultural and economic landscape.*

Существующее этническое и конфессиональное разнообразие на Кавказе имеет глубокие исторические корни и традиции. В конце XVIII — начале XIX вв. имели место массовые миграции на Кавказ представителей различных народов. История кавказских миграций — это сложный комплексный процесс, который формировался под влиянием военно-политических, социально-экономических, национально-культурных, конфессиональных и иных причин, действовавших в отдельности или в различном сочетании. Отметим, что в литературе под термином «миграция» подразумевается совокупность территориальных перемещений людей, влекущих за собой постоянную или временную смену жительства [1, 207]. Обычно миграци-

онные процессы в своей эволюции проходят три основные стадии: процесс формирования территориальной подвижности населения, собственно процесс переселения и адаптация мигрантов на новом месте жительства. Миграции подразделяются на планируемые, принудительные, добровольные и стихийные. Миграционные процессы, имевшие место на Кавказе в XIX в., носили целенаправленный как принудительный, так и добровольный характер в рамках переселенческой политики российского правительства. С другой стороны, здесь также имели место и стихийные миграции, происходящие во второй половине XIX в. в связи с экономическим развитием и промышленным ростом края. В осуществление переселенческой политики был вовлечен широкий круг политических сил, социальных и этнических групп [2,3]. Однако общим принципом и главной стратегической линией в предложенной правительством программе являлось укрепление русского присутствия в регионе [4].

В северокавказских городах в ходе миграционно-переселенческих процессов начали формироваться диаспорные группы, сохранявшие свои традиционные ценности, внося вклад в историю и культуру края. В современной науке термин «диаспора» имеет широкое определение. Характерными чертами диаспоры является численность, компактность расселения, степень сплоченности ее членов, социальный состав, культурная дистанция, отделяющая представителей диаспоры от коренного населения, стремление и способность к самоорганизации. Одним из главных условий возникновения диаспоры является наличие ряда организационных институтов для решения актуальных проблем. Основными этапами формирования диаспоры можно считать процесс концентрации представителей этнической группы на новой территории; формирование общих для большинства членов группы проблем и стратегия их решения.

Необходимо отметить, что процесс формирования европейских общин на Кавказе, начатый с конца XVIII — начала XIX вв. и продолжавшийся до начала XX столетия, был довольно сложным по своему ходу и структуре. Влияние на этот процесс оказывали многие факторы: различные причины миграций, поэтапное и разновременное переселение групп различных европейских народов, численность и компактность расселения общины, хозяйственная и социокультурная адаптация и т.д. Большинство из переселенных и переселившихся на территорию Кавказа на протяжении XIX — начала XX вв.

этнических групп прошли эволюционный путь формирования этнической общины.

В Моздок стекались представители разных народов. Здесь образовались городские общины осетин, русских, армян, грузин и кабардинцев (черкесов), что приводило к взаимовлиянию различных этнокультурных традиций, социальных установок, бытовых и хозяйственных особенностей [5]. Основной структурообразующей характеристикой Моздока была его полиэтничность, которая сформировала со временем и его поликонфессиональность. Постепенно, моздокские религиозные и этнические общины сумели выработать формы толерантного сосуществования [6].

Одной из первых и многочисленных общин Моздока была армянская. Российское правительство было заинтересовано в расширении связей с армянами, греками, грузинами. В 1711 г. Петр I издал Указ, в котором говорилось, что «персидский торг необходимо умножить, армян, как возможно, приласкать и облегчить в чем пристойно, дабы тем подать охоту для большого их приезда» [7, 42]. Благодаря экономическим контактам России с Арменией шло образование армянских поселений во многих русских городах. Указом Екатерины II от 1779 г. дозволялось армянам-переселенцам пользоваться не только всеми правами и преимуществами российских подданных, но и перевозить свое имущество, строить фабрики и заводы, освобождаться от рекрутской повинности, податей на десять лет [8, 112]. Российское правительство рассчитывало, что активная торгово-предпринимательская деятельность армян будет полезна экономике страны. Армяне же, в свою очередь, в стремлении расширения торговли с Россией «пользовались личной безопасностью и могли торговать с большой выгодой для себя».

Армяне переходили в Моздок группами по несколько семей, а в промежутках времени между этими относительно «массовыми» переходами, уже существующие общины пополнялись за счет родственников, а также беглых или выкупленных из горского плена людей. Миграция населения из Закавказья в Моздок происходила через Кизляр.

Другими немногочисленными этническими группами Моздока были греческая, немецкая и еврейская. В 1862 г. евреям-ашкеназам было разрешено селиться в пределах Терской области, пользоваться всеми правами и преимуществами жителей области.

Правительственным распоряжением (№ 64 от 1865 г.) евреям-ремесленникам разрешалось проживать по указанным паспортам и билетам повсеместно вне черты, для постоянной оседлости, «дозволялось» вступать в гильдию [9, 23]. В городах Терской области, в том числе и в Моздоке начали формироваться общины евреев. В 1877 г. в Моздоке проживало 44 еврея. Ремесленные предпочтения среди евреев были представлены категориями портных, часовщиками, ювелирами, сапожниками. Силами общины в городе была построена синагога.

Из коренных народов Кавказа, заметное место в этнической структуре Моздока заняли осетины. В истории Моздока они получили название «цайта», поскольку при освоении новых мест в безводных моздокских степях важнейшее значение имела постройка колодца — «цай». Первые осетины-горцы появились в Моздоке уже в 1764 г., через год после основания крепости. По данным за 1764 г. в Моздоке числилось 6 осетинских семейств, вышедших из разных мест Осетии. Сведения о переселении осетин с 1764 г. по 1785 г. в Моздок и на близлежащие хутора хранятся в Особой Ведомости, составленной комендантом Моздока плац-майором Каченковым. В начале XIX в. эта Ведомость была извлечена из местного архива моздокским комендантом Цыклауровым [10].

В 1770 г. в Моздоке обосновалась группа из 14 семейств вновь прибывших осетинских поселенцев. К 1785 г. в Моздоке насчитывалось 223 осетина, составлявших 88 семейств. Семьи у осетин Моздока были малочисленные. Бездетных, вдовцов и холостых числилось 46 человек [10]. Следует отметить, что осетины, жившие в горах в основном большими патриархальными семьями, переселились в Моздок малыми семьями, состоявшими из супругов и их детей. Однако надежды русского правительства на то, что заселение Моздока и моздокских степей горцами, в частности осетинами, примет «широкие размеры», не оправдались. Объясняется это не только сравнительной отдаленностью тогдашней Осетии от Моздока или препятствиями, которые оказывали князья Малой Кабарды переселенцам, но и главным образом тем, что осетины желали, как они неоднократно указывали в своих прошениях на имя правительства, «получить места для поселения недалеко от выходов из своих ущелий на плоскости нынешней Осетии». Просьба эта не была тогда удовлетворена; такая возможность открылась в начале XIX в., после упразднения Малой Кабарды.

Прибывавшие в Моздок осетины селились сначала в городе у своих родственников и знакомых, а затем постепенно обосновывались на хуторах и занимались исключительно сельским хозяйством. В Моздоке насчитывалось 36 осетинских домов, стоявших рядом с домами кабардинских поселенцев на следующих улицах: Георгиевской, Петровской, Черкесской, Копытовской, Сводной, Кирпичной, Ленивой, Фортштадтской, Кабардинской, Некрещеной и Осетинской. Некоторые осетинские семьи, по бедности, не могли построить домов и жили у родственников или на квартирах у грузин, армян, кабардинцев и др. В ревизских сказках за 1816 г. в Моздоке отмечено 31 осетинское семейство, жившее в чужих домах.

Осетины-цайта отличались от других моздокских осетин, поселившихся на Кавказской линии гораздо позже тем, что они являлись потомками выходцев из многих мест Осетии. Однако наиболее многочисленны были куртатинцы и тагаурцы. В Куртатинском ущелье активнее протекала деятельность членов Осетинской духовной комиссии, в обязанность которых входило и привлечение переселенцев в Моздок. Благодаря этой комиссии куртатинские старшины имели более широкие связи с русскими властями на Кавказской линии. Для укрепления этих связей царское правительство старалось расположить к себе осетинских старшин различными подарками. Среди ранних переселенцев в Моздок больше всего было выходцев из местности Хилак, где особенно ощущалась земельная теснота. Кроме куртатинцев и жителей Центральной Осетии, в Моздоке были и выходцы из среды осетин-тагаурцев, живших по Военно-Грузинской дороге. При отправке войск, провианта и важных донесений русское командование на линии часто прибегало к помощи этих осетин, используя их в качестве проводников по Дарьяльскому ущелью, которое находилось в то время в руках тагаурских старшин.

Первые осетинские поселенцы в Моздоке, называвшие себя цайта, играли весьма важную роль в развитии русско-осетинских связей. Они являлись связующим звеном между русскими в Моздоке и осетинами, живущими в то время в горах. Именно у осетин-цайта, вышедших из разных районов Осетии, черпали первые сведения об осетинском народе заинтересовавшиеся его исторической судьбой русские и западноевропейские ученые XVIII в. [11,91; 12,]

Поселение осетин-дигорцев было официально названо Черноярским, поскольку было расположено близ Черного яра, находящегося и ныне против станицы Черноярской, на правом берегу Терека.

Однако в Осетии всю эту группу переселенцев, в том числе и жителей станицы Ново-Осетиновской, называют «ерашти». Основными занятиями ерашти, как и осетин-цайта, были земледелие и скотоводство. В свободное от полевых работ время казаки занимались также извозом. Земледелие и скотоводство было развито на хуторах, большинство которых появилось во второй половине XIX в. Некоторые из названных хуторов образовались в результате распада больших семей и переселения части дворов патронимии из станицы на хутора. Название каждый из хуторов получал, как это было и у цайта, по имени их основателей.

Третья группа — осетины-иронцы (ирадта) — наиболее поздние переселенцы. Их хутора Веселый и Ново-Георгиевский, расположенные близ Моздока, возникли в конце XIX — начале XX в. В «Списке населенных мест Терского округа на 1.1. 1927 г.» указано, что хутор Веселый основан в 1896 г. Для него, как видно из прошения осетин, поданного в 1889 г. на имя начальника Терской области, был выделен «Архиерейский казенный участок» размером 576, 5 десятины, который, находясь приблизительно в 2 км от Моздока, граничил на востоке с участком № 141, занятым хуторами осетин-цайта, черкесов, на юге — с казенным лесом и лесом генерала Сафонова, а на западе и севере — с моздокским городским выгоном [13]. Таким образом, горцы-осетины, поселившиеся на Архиерейском казенном участке, оказались со всех сторон в окружении частных и казенных земель, что весьма сильно их стесняло.

Источники дают возможность проследить историю переселения этой группы моздокских осетин. В 1889 г. упомянутый участок казенных земель был определен Министерством государственных имуществ для 69 семейств жителей горной Северной Осетии — Закинского, Нарского и Мамисонского ущелий, причем переписка по этому вопросу между указанными осетинами-горцами и властями продолжалась несколько лет. В прошении от 8 мая 1891 г. на имя начальника Терской области генерала Каханова горцы, высказывая желание переселяться в Моздок на Архиерейский казенный участок, в то же время потребовали для осуществления этой меры ссуды по 50-60 руб. на двор [14]. Однако генерал Каханов ответил им отказом, ссылаясь на то, что горцы до сих пор не переселялись на отведенный им участок, и поэтому некому давать ссуду. Одновременно он распорядился передать участок другим горцам, остро нуждающимся в земле. Сообщение об этом выявило среди безземельных и малозе-

мельных крестьян много желающих переселиться в Моздок. И все же, как видно из документов, власти хотели передать участок тем, кому он первоначально предназначался, — наиболее остронуждающимся в земле наро-мамисонцам и закинцам. Из дальнейшей переписки мы узнаем, что из 69 семей наро-мамисонцев и закинцев отказались от переселения на отведенный участок 49 семейств. Прочно водворились здесь лишь 9 хозяйств. 12 лиц без семейств приезжали на участок только для распашки, а затем возвращались в горы, к месту своего жительства [14]. Остальные семейства, выходцы из других мест горной Осетии, преимущественно из Куртатинского ущелья, поселились здесь самовольно. Гонимые земельным голодом и нищетой, покидая родину, они были вынуждены идти на такой риск. Принимая это во внимание, власти шли им навстречу и не тревожили их.

Таким образом, говоря об этнической составляющей городского населения Моздока, нельзя не отметить, что миграционные, переселенческие волны способствовали формированию общин, каждая из которых занимала свою нишу в социально-экономической структуре города; происходило взаимодействие и взаимообогащение различных этнических культур, формирующих уникальный социокультурный ландшафт региона.

Примечания

1. Миронов Б. Н. Русский город в 1740-1860-е годы: демографическое, социально-экономическое развитие. Jl., 1990.

2. Канукова З. В., Айларова С. А. Польская диаспора в Осетии: этнодиаспорная идентичность и ее конфессиональная составляющая //Вестник Северо-Осетинского государственного университета имени Коста Левановича Хетагурова. 2012. № 4. С. 48-51. 1

3. Канукова З. В., Махциева Н. С. Татары в Осетии: исторические корни и современные жизненные стратегии // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2013. № 7-1 (33). С. 103-106.

4. Канукова З. В. Русское население в этнической структуре Северной Осетии (вторая половина XIX-начало XX вв.) // Роль России в истории Осетии Сборник научных трудов. Редколлегия: В. В. Дегоев (ответственный редактор), Р. С. Бзаров, В. С. Уарзиати, А. Т. Тамаев. Орджоникидзе, 1989. С. 123-138.

5. Туаева Б. В. Малые города России: социокультурный ландшафт современного Моздока. В сборнике: Современные малые города: проблемы и перспективы развития материалы международной научно-практической конференции. под редакцией Л. Э. Дубацевич. 2010. С. 130-134.

6. Туаева Б. В. Национально-культурная автономия на Северном Кавказе: исторический опыт и современные проблемы//Известия СОИГСИ. 2009. № 3 (42). С. 64-71.

7. Армяно-русские отношения в первой трети XVIII века/Сборник документов и материалов. Т. II. Ереван, 1967.

8. Галоян Г. А. Россия и народы Закавказья. М., 1976.

9. ЦГА РСО-А. Ф. 11. Оп. 17. Д. 19.

10. Бентковский И. В. Моздокские крещеные осетины и черкесы, называемые «казачьи братия» // Ставропольские губернские ведомости. 1880. № 3.

11. Дзалаева К. Р., Гутиева Э. Ш. Образование как фактор интеграции осетин в российскую культуру (вторая половина xix — начало xx вв.) Всероссийские Миллеровские чтения. 2008. № 1.

12. Гутиева Э. Ш., Хубулова Э. В. Полиэтничная среда как фактор формирования интеллигенции. Фундаментальные исследования. 2008. № 4. С. 88.

13. Ставропольские губернские ведомости. 1880. № 83.

14. Ставропольские губернские ведомости. 1880. № 4.

О. Б. ХАЛИДОВА,
кин ИИАЭ ДНЦ РАН
(г. Махачкала)

«ДАГЕСТАНСКИЕ РУССКИЕ»: К ВОПРОСУ О МИГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССАХ В СРЕДЕ РУССКОГО ЭТНОСА

Нерегулируемый отток представителей русского этноса на сегодняшний день является в числе актуальных социально-политических вопросов в Дагестане. В данной статье приводится краткий ретроспективный обзор появления и места традиционного проживания русского населения, указываются причины, приведшие к миграции. Автор констатирует заинтересованную политику со стороны властных структур, делающих все возможное для остановки миграционных процессов в среде русского населения.

Ключевые слова: *Россия, Дагестан, миграция, русское население, этнос*

Today uncontrolled outflow of the Russian ethnos representatives is one of the most urgent among the social and political issues in Dagestan. It is reduced a brief retrospective review of appearance and traditional places of residence of the Russian population and the reasons that have led to the migration in this article. The author states interested in the policy by the authorities to do their utmost to stop the migration processes among the Russian population.

Keywords: *Russia, Dagestan, migration, the Russian population, ethnos*

На одном из Интернет-сайте нами была обнаружена статья [1], опубликованная в начале прошлого года, в которой приводятся результаты очередного исследования общественного мнения, проведенное аналитическим центром Юрия Левады с целью выявить уровень межнациональной напряженности среди россиян. Итоги опроса показали массовый всплеск, особенно в Москве, ксенофобии и национализма, особенно в отношении приезжим из Кавказа. В ответ, Региональное общественное движение «Родной Дагестан» и фонд «Народное мнение» провели аналогичный опрос, в котором участвовали городские и сельские жители республики, мужчины и женщины, люди разных возрастов, национальностей и вероисповеданий, с целью выяснить отношение дагестанцев к русским,

проживающим в республике. И результаты оказались совершенно противоположными. На вопрос «Испытываете ли вы уважение и симпатию к русским, проживающим в Дагестане», 96% из опрошенных, ответили положительно, 4% затруднились ответить и ни один дагестанец из 1600 опрошенных не ответил, что испытывает неприязнь к русским, проживающим в республике [2].

На сегодняшний день, среди многочисленных социально-политических проблем в нашей республике, не последнее место занимает «русский вопрос».

Обращаясь к ретроспективе формирования русского населения в Дагестане, отметим, что появление русскоязычного этноса на Кавказе являлось следствием политики Российской империи здесь. Первым русским поселением в непосредственной близости от нынешнего Дагестана являлся город Терки, построенный еще в 1567 г. при Иване IV на правом берегу Терека, у впадения в него реки Сунжи. Постройка нового города на Тереке имело большое политическое значение. По мнению Н. Н. Гаруновой «правительство придавало большое значение Терскому городу и как центру, через который оно имело возможность следить за обстановкой на Северном Кавказе и бороться за укрепление своего влияния в этом районе» [3, 42]. Очень скоро Терский город стал крупным местным торговым пунктом со смешанным этническим населением [4, 9], состав которого, помимо казаков, пополнился и выходцами из местных народов.

В 1735 г. была построена Кизлярская крепость в результате укрепления и расширения позиций России на Северном Кавказе.

Освоение земель Кавказа русскими в истории получил название как «колонизация края», в которой дагестанские историки выделяют три этапа: 1) с середины XVI в. до, примерно, последней трети XVIII в.; 2) с 70-х гг. XVIII в. до середины XIX в.; 3) третий этап охватывает середину 60-х годов XIX в. до 1917 г. [5, 86]

Основной пик крестьянской колонизации Предкавказья, пришелся на вторую половину XIX и начало XX в., когда выходцы из центральных районов Велико- и Малороссии массово обосновывались в Кизлярском уезде и Хасавюртовском округе Терской области, в Темир-Хан-Шуринском округе, в «прибрежных округах» Дагестанской области [6, 290].

В 20-х гг. XX века, начавшийся процесс индустриализации диктовал необходимость квалифицированных рабочих, тем самым это

приводило к пополнению жителей Дагестана за счет русского этноса. Вклад русских в превращение Северного Кавказа в один из индустриально-аграрных и культурно развитых регионов России неоспорим. Этот пример показателен на одном из молодых городов Дагестана — Каспийске, образованного в 1932 г. и до 1947 г. носившего название «Двигательстрой» и в строительстве которого активное участие принимали люди со всего Советского союза.

Начиная с 50-х гг. XX в. постепенно происходит отток русского населения, прежде всего связанный с переселением горцев на равнину. Особенно негативно это сказалось на Северном регионе республики — Кизлярском районе, считавшемся исконно русским регионом. Здесь с 1970 по 1989 гг. русское население сократилось в два раза, в то же время численность аварцев и лезгин возросла в 2 раза, даргинцев в 3,5 раза, лакцев в 7 раз [7, 225]. Таким образом, как верно указывает Ю. М. Лысенко, исследовавшая причины и последствия оттока русского населения из Северного региона, в определенной степени на межэтническую ситуацию здесь негативно влияет «стихийный приток в Северный регион республики горцев, численно превзошедших местных русских, бывших ранее преобладающим населением» [8]. В Кизлярском районе, насчитывающем 89 населенных пунктов, русские уже не проживают в 22, в 50 селах их число незначительно, свыше половины населения русские составляют только в 17 населенных пунктах. В Тарумовском районе из 24 населенных пунктов в пяти русские не проживают, в 12 их число незначительно, только в семи населенных пунктах этого района русские составляют более половины населения [9, 147-153].

Отток русского населения из республики — это очень длительный и болезненный процесс, наибольший расцвет которого наблюдался в сложные для Дагестана 1990-е годы. В 1990-е годы русские держались в Дагестане в первой пятерке этнических групп — в 1989 году их было 175 тыс. чел. (9,7%) [10]. По официальным данным, только с 1991 по 2002 г. республику покинуло 45 тыс. русских или 27%, и таким образом их численность сократилась до 120,9 тыс. человек или 4,7% населения Дагестана [11]. Таким образом, наибольший выход русских (кроме Чечни) за период 1989-1999 гг. наблюдался из Республики Дагестан, откуда выехал каждый пятый русский житель.

Но в отличие от Чечни, откуда в ту пору русские буквально убегали, бросая нажитое добро и квартиры, в Дагестане среди главных

причин отъезда «национальный вопрос» не стоял на первом месте. Было общее ощущение опасности и неопределенности, связанное с войной, хотя стычки на национальной почве тоже были [12]. Особенно это было заметно в сельской местности. Позволим себе привести здесь в качестве примеров, результаты опроса информаторов из Кизлярского и Тарумовского районов в разные годы переехавших в Ставропольский край, почерпнутых нами из статьи Ю. М. Лысенко [13, 15-125], где бывшие жители выше обозначенных районов отмечали, что «уезжали, так как шел наплыв аварцев-переселенцев, которых стало очень много и говорившие нам «Уезжайте в Россию» и «Мы в Дагестане живем, это наша земля, а вы русские уезжайте в Россию» [14, 121-122].

Темпы роста оттока русских усилились и после начала военных действий в соседней Чечне в 1994 г., взрывы жилых домов в г. Каспийске в ноябре 1996 г., а затем и в г. Буйнакске 4 сентября 1999 г., военных событий в августе 1999 г. на территории нашей республике. В СМИ, на митингах отдельными людьми муссировалась информация и высказывались мнения о целесообразности создания Исламской республики в Дагестане и отделение его от России. Из соседней Чеченской республики прибыло большое число этнических дагестанцев — беженцев, которые самовольно захватывали земли в Тарумовском и Кизлярском районах [15, 44]. Все это самым негативным образом сказалось на миграционном настроении русского населения и их выезд из республики превращался в настоящее бегство.

Вдобавок, долгое время трудоспособное русское население в республиках отличалось высоким уровнем образования, в сравнении с титульными народами в профессиональном плане русские были представлены большим числом врачей, инженерно-технических работников, что обеспечивало конкурентоспособность на рынке труда. Существовавшая система всесоюзного распределения специалистов, обеспечивала систематический приток в республики новых квалифицированных кадров. Параллельно с этим во все возрастающих масштабах шла подготовка специалистов из титульных народов в учебных заведениях республик и многих русских краев и областей за счет открытия национальных отделений, организации целевого набора и т.п. Со временем качественные характеристики трудовых ресурсов русского и титульного населения стали меняться не в пользу первых. Среди русского населения республик замед-

лились темпы роста числа специалистов, имеющих высшее образование [16].

Таким образом, основными причинами миграции в среде русского этноса из Дагестана явилось не только ухудшение экономического положения в республике. В середине 90-х гг. Региональным центром этнополитических исследований при Дагестанском научном центре РАН был проведен социологический опрос среди представителей всех национальностей, где среди причин, обусловливающих отъезд русских из Дагестана 81% опрошенных указали на небывалый взрыв преступности, а около 60% — на прямые угрозы в адрес русских, посягательства на их жилье (т.н. «квартирный рэкет)», притеснение русских детей в школах [17, 12]. То есть в подавляющем большинстве случаев миграция носила вынужденный характер.

Территориальный ареал этнической миграции среди русского населения стала заметна в русских субрегионах Северного Кавказа — в Краснодарском и Ставропольском краях и Ростовской области. Основная миграционная нагрузка пришла именно на эти территории.

Так, в Ставропольском крае в формировании миграционных потоков большую роль приобрели стрессовые миграции. На Ставрополье наблюдается стабильный рост вынужденных мигрантов, прибывающих на территорию края. В настоящее время Ставрополье занимает первое место среди регионов России по числу находящихся на территории вынужденных мигрантов (на 1 января 2000 г. их зарегистрировано 74849 человек, или 31245 семей). По сравнению с 1992 г. (8883 человека или 2964 семьи) эта цифра выросла в 8,4 раза. в 1998 г. официальный статус вынужденного переселенца в службах миграционного контроля края получили 6,3 тыс. человека, а за январь-сентябрь 1999 г. — 2452 человека, основную долю из них составляют прибывшие из Чечни — 80,5% (1973 человека) [18].

В соответствии с разработанным Федеральной миграционной службой России перечнем территорий России, перспективных для расселения вынужденных переселенцев, Краснодарский край относится к территориям, не рекомендуемым для расселения мигрантов. Тем не менее, он занимает первое место на Юге России по численности зарегистрированных на его территории вынужденных переселенцев [19]. Общий миграционный прирост в крае за 1988-1991 г. составил 203873 чел., но уже за период 1992-1994 гг. он

увеличился еще на 261858 чел. За 9 месяцев 1995 г. миграционный прирост составил еще 50861 чел.

Так же, как и в Краснодарском крае, в Ростовской области значителен удельный вес в миграции беженцев и вынужденных переселенцев. За период с 1992 по 1995 гг. их численность достигла 32411 человек [20].

В прошлом году нами был собран полевой материал в рамках научно- исследовательского проекта РГНФ[1] среди русских людей на вышеуказанных территориях, в прошлом проживавших в Дагестане. Полученная нами информация свидетельствует и подтверждает те факты, что многие русские покинули пределы республики именно в 90-е гг., главным образом «из-за детей, из-за неуверенности в их будущем» [21]. И, несмотря на ностальгию по Дагестану, «возвращаться туда не торопятся из-за отсутствия спокойствия и нестабильности» [22]. Среди причин назывались и такие, как «скованность при проявлении своей религиозной принадлежности (ношение в открытую крестика и пр.)» [23]. В свою очередь, Но нельзя не отметить, что вынужденное переселение и оседание русских в Краснодарском, Ставропольском краях тоже вызывает некую межнациональную напряженность. Многие среди респондентов отмечают расхожесть в ментальности людей, отмечая такие отрицательные качества как «грубость, язвительность» местного населения, называя их «притрушенными» [24]. В отношении мигрантов постоянно подчеркивается статус «приезжих», «относятся свысока, могут и напакостить» [25].

Конечно, на сегодняшний день нельзя не признать, что в республике ведется работа на правительственном уровне по остановке миграционных процессов среди русского населения, отмечая, что это чревато самыми негативными последствиями для Дагестана. Так, в конце 90-х гг. XX в. в одном из отчетов о работе информационно-аналитического управления Дагестана в рамках выполнения плана мероприятий «О дополнительных мерах по предупреждению оттока населения из республики» приводятся статьи, опубликованные в республиканских газетах об интернациональной дружбе и сплоченности народов, социологические опросы населения, орга-

[1] Научно-исследовательский проект РГНФ «Общественно-политические взаимоотношения, миграционные контакты и социально-бытовые связи РД с Краснодарским краем, Ставропольем и Ростовской областью в 1980-2010 гг.». Проект 12-31-012001.

низован цикл передач с целью разъяснения политической ситуации в республике [26, л. 62.].

Проводятся научные исследования, изучающие нынешнее самочувствие русских в республике. Большое внимание уделяется кадровой политике, проводимой органами власти республики в г. Кизляре, Кизлярском и Тарумовском районах, ее влиянию на общественно-политическую ситуацию в регионе. Данный вопрос неоднократно рассматривался на заседаниях Госсовета РД. На очередном заседании Госсовета РД, состоявшемся 24 января 2003 года, обсужден вопрос о кадрах, где с докладом выступил Председатель Правительства РД Х. И. Шихсаидов. Принято Постановление Госсовета РД «О кадровой политике, проводимой органами власти в Кизляре, Кизлярском и Тарумовском районах Республики Дагестан», в котором предусмотрено решение вопросов, наиболее актуальных для русского населения, как в политическом, так и социально-экономическом аспектах [27].

Интересен тот факт, что в 2014 году начинается проект по возобновлению притока русского населения в Республику Дагестан с выделения 10 миллионов рублей городу Кизляр, где всегда плотно проживало русское население [28].

Таким образом, нельзя сказать, что правительством республики не уделяется должного внимания проблеме оттока русского населения. Но, по нашему мнению, остановить «запущенный механизм» вряд ли уже получится. Можно только констатировать приостановку последнего.

Примечания

1. «Отношение к русским в Дагестане» (фонд «Народное мнение») // Электронный ресурс: http://kavkazpress.ru/archives/39857 (дата обращения: 17.02.2015 г.)

2. Там же.

3. Гарунова Н. Н. Российские города-крепости в контексте политики России на северо-восточном Кавказе в XVIII — первой половине XIX в.: Проблемы политической, экономической и культурной интеграции. Махачкала, 2007.

4. Кушева Е. Н. Русско-дагестанские отношения в XVI-XVIII вв. // Материалы научной сессии по истории Дагестана. Махачкала, 1954.

5. Шигабудинов Д. М. Переселенческая политика царизма на Се-

веро-Восточном Кавказе в первой половине XIX в. // Вестник Дагестанского научного центра. Махачкала, 2003. № 15.

6. Карпов Ю. Ю., Капустина Е. Л. Горцы после гор. Миграционные процессы в Дагестане в XX — начале XXI вв.: их социальные и культурные последствия и перспективы. СПб., 2011. С. 290.

7. Кульчик Ю. Г., Конькова З. Б. Нижнетерское и гребенское казачество на территории Дагестана. М., 1995.

8. Лысенко Ю. М. Отток русского населения из Северного Дагестана во второй половине XX века: причины, последствия // Электронный ресурс: http://kumukia.ru/article-9510.html (дата обращения: 13.01.2015 г.)

9. Халидова О. Б. «Дагестане русские» в регионах юга России в 1980-2010 гг.: особенности адаптации в материнском этносе // Этнокультурные ландшафты на постсоветском пространстве: проблемы и особенности формирования дагестанского компонента (к 90-летию ИИАЭ ДНЦ РАН). Коллективная монография. Махачкала: ИИАЭ ДНЦ РАН, 2014. С. 147-153.

10. Московские новости. 26 мая 2011 // Электронный ресурс: http://demoscope.ru/(дата обращения: 12.09.2014 г.)

11. Всероссийская перепись населения 2002 г. Т. 4. Национальный состав и владение языками, гражданство // Электронный ресурс: http://www.perepis2002.ru/index.html?id=17 (дата обращения: 26.09.2014 г.)

12. См.: Кириченко И. В Дагестане все меньше русских // Электронный ресурс: http://newsland.com/(дата обращения: 28.09.2014 г.)

13. Лысенко Ю. М. Миграция русских Кизлярщины в регионы Юга России: причины, механизм, особенности // Этнокультурные ландшафты на постсоветском пространстве: проблемы и особенности формирования дагестанского компонента (к 90-летию ИИАЭ ДНЦ РАН). Коллективная монография. Махачкала: ИИАЭ ДНЦ РАН, 2014.

14. Там же. С. 121-122.

15. Алиева В. Ф. Русское население Дагестана. Махачкала, 2001.

16. Белозеров В. С. Демографические процессы и динамика расселения русских в республиках Северного Кавказа // Электронный ресурс: http://www.kavkaz-uzel.ru/(дата обращения: 23.09.2014 г.)

17. Русское население Дагестана: социально-экономические, политические и этнические проблемы. Махачкала, 1996.

18. Миграция в Ставропольском крае // Электронный ресурс: http://www.km.ru (дата обращения: 01.10.2014 г.)

19. «Миграции и конфликты на Юге России» // Электронный ресурс: http://voprosik.net/migracii-i-konflikty-na-yuge-rossii/(дата обращения: 28.09.2014 г.)

20. Денисова Г. С., Радовель М. Р. Этносоциология: Учеб. пособие для студентов ун-тов и пед. вузов. Ростов-н/Д: Изд-во ООО «ЦВВР», 2000 // Электронный ресурс: http://srinest.com/(дата обращения: 28.09.2014 г.)

21. ПМА, 2014 г. Волгоград (жен.).

22. ПМА, 2014 г. Ростов. Работник представительства РД в РО (57 лет, жен.)

23. ПМА, 2014 гг. Георгиевск, Ставропольский край. (1977 г.р., жен.)

24. ПМА, 2014 гг. Благодарный Ставропольского края (67 лет, жен.)

25. ПМА, 2014 г. Минераловодского района Ставропольского края (47 лет, жен.)

26. ЦГА РД. Ф. р-219. Оп. 18. Д. 81.

27. Гусаев М. Этнические и миграционные проблемы русских в Дагестане // Электронный ресурс: http://xn--80aa²bkafhg.xn--p1ai/article.php?nid=6013 (дата обращения: 15.11.2014 г.)

28. «В Дагестане осуществляется программа возвращения русского населения» // Электронный ресурс: http://sevkavinform.ru/ news/society/v_ dagestane_ osushchestvlyaetsya _programma_ vozvrashcheniya_ russkogo_ naseleniya/ (дата обращения: 07.11.2104 г.)

Л. А. ТРУЖЕНИКОВА,
дин, профессор ДГУ
А. Д. КУЛАЕВА,
магистрант ДГУ, (г. Махачкала)

СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ ДАГЕСТАНСКОГО НАЦИОНАЛЬНОГО ТЕАТРА В 1920-1930-Е ГОДЫ

В статье рассказывается о начале деятельности профессиональных национальных театров в Дагестане в 1920-1930-е годы, характеризуются особенности их творчества и обоснованность выбора репертуара, а также рассматривается роль национальных театров в социокультурной жизни республики.

Ключевые слова: *театр; театральное искусство; дагестанский национальный театр; дагестанская пьеса.*

The article considers the beginning of activity of professional national theatres in Daghestan in 1920^{s} — 30^{s}, as well as peculiarities of their creative work and choice of plays. It also deals with the role of national theatres in social-cultural life of the republic.

Key words: *theatre, theatric art, Daghestan national theatre, Daghestani play.*

1920-1930-е годы вошли в историю культурной жизни Дагестана как период становления и развития дагестанского национального театра. Основы профессионального театрального искусства, заложенные в те далекие годы, с успехом продолжают развиваться и сегодня. Уникальные национальные театры республики, оформившиеся в тот период, — это особая страница в летописи театральной жизни не только Дагестана, но и всей России.

Неслучайно Дагестан сегодня называют не только «страной языков», но и «страной театров»: здесь успешно функционируют 11 театров, шесть из которых начали свою профессиональную деятельность именно в 1920-1930-е годы. Это, прежде всего, Государственный республиканский русский драматический театр им. М. Горького, основанный в 1925 году, а также: Дагестанский государственный кумыкский музыкально-драматический театр им. А.-П. Салаватова (1930), Азербайджанский государственный драматический театр (1931), Аварский музыкально-драматический театр им. Г. Цадасы (1935), Лакский государственный музыкально-драматический театр им. Э. Капиева (1935) и Государственный лезгинский музыкально-драматический театр им.

С. Стальского (1935). Чуть позже начали давать свои представления: Дагестанский государственный театр кукол (1941), Даргинский государственный музыкально-драматический театр им. О. Батырая (1961). На рубеже XX-XXI веков стали радовать зрителя своими постановками Дагестанский государственный театр оперы и балета (1999), Государственный табасаранский драматический театр (2001) и Государственный ногайский драматический театр (2001).

Спектакли Русского театра с первых же лет деятельности привлекали зрителя тщательностью отработки деталей в постановке каждой сцены и целостностью всего спектакля, ансамблевой слаженностью игры актерами всей труппы. Главным режиссёром театра в 1920-е годы был заслуженный артист РСФСР Н. Н. Синельников. Каждая роль, большая или малая, отрежиссированная этим большим мастером, представала со сцены наделенной глубоким, цельным характером. Дагестанские зрители постепенно проникались доверием и уважением к театру: театр теперь не просто развлекал их и не просто занимал их свободное время — со сцены шёл серьёзный и умный разговор равного с равным. Театр прочно и достойно занял свою нишу в культурной жизни республики.

В 1932 году Дагестанскому государственному русскому театру было присвоено имя писателя Максима Горького. Это способствовало значительному обновлению репертуара театра: и режиссер, и постановщик стали смелее обращаться к новой советской драматургии. В театре проводились многочисленные диспуты, творческие встречи, обсуждения спектаклей. Они отличались массовостью, заинтересованностью зрителей не только просмотренными спектаклями, но и жизнью актеров, судьбой театра: такие мероприятия содействовали сближению зрителя и актёра.

Одна из первых постановок театра — спектакль «Ревизор», поставленный по бессмертной пьесе Н. В. Гоголя, сразу вызвал у публики оживлённую полемику и разноречивые суждения. Он никого не оставил равнодушным и вскоре стал одним из лучших в репертуаре театра. Уже в театральном сезоне 1937-1938 годов театром была осуществлена и первая в его истории гастрольная поездка в город Грозный со спектаклями «Бесприданница» и «Мария Стюарт». Каждый последующий сезон не только закреплял достигнутое в предыдущем, но и привносил нечто новое, интересное, запоминающееся [1, 20].

Первым профессиональным национальным театром стал Кумыкский музыкально-драматический театр. Он носит имя одного

из замечательных драматургов — Алим-Паши Салаватова, произведения которого вошли в золотой фонд дагестанской драматургии. Торжественное открытие театра состоялось в 1930 году и сопровождалось показом спектакля «Дочь Индии», где блистала молодая и талантливая актриса Барият Мурадова, впоследствии ставшая народной артисткой СССР.

Шло время, и молодой актёрский коллектив Кумыкского театра стал единым творческим организмом, сценически воплощая в жизнь произведения на злободневные в то время темы. В 1930-е годы в театре показывались спектакли, которые носили прежде всего воспитательный характер; центральной в репертуаре театра была в те годы и тема борьбы с пережитками прошлого. Ярким примером тому являлся спектакль, поставленный по пьесе «Святая Мукминат», где рассказывалось о несостоятельности и антинародной сущности религии, проявлявшейся в форме различных сект.

Однако самыми востребованными и пользующимися большим успехом на сцене Кумыкского театра стали спектакли о Молла Насреддине [2, 2-5]. С годами в репертуаре театра значительное место стала занимать также тема о роли женщины в современном обществе. Так, в спектакле «Севель» было показано, как революция раскрепостила женщину, сделала её равноправной.

В 1930-е годы кумыкская драматургия добилась значительных успехов, её развитию во многом способствовали проводимые среди писателей-драматургов конкурсы на лучшую пьесу. Например, на состоявшемся в 1933 году конкурсе первой премии была удостоена пьеса А.-П. Салаватова «Красные партизаны». Премиями были отмечены также пьесы Ю. Гереева «Кто кого?», Г. Рустамова «В жизнь» и другие [3, 55-57]. Многие из произведений-победителей таких конкурсов — прочно вошли в репертуар театра.

В 1920-е годы в репертуар набиравшего популярность Лезгинского театра помимо пьес лезгинских и азербайджанских авторов начали проникать новые формы представлений, такие как агитпьеса и массовые театрализованные действия. К массовым театрализованным представлениям относились: «Суд над Сабиром» (представление было поставлено в селении Ахты), «Красные дни» (в городе Дербенте), «Красный партизан» (в городе Буйнакске), «Лжегерой» (в селении Хунзах) и другие. Эти произведения-представления были пронизаны пафосом революционного переустройства мира.

Репертуар Лезгинского театра в 1930-е годы был составлен в основном из произведений местных авторов и имел несколько тематических направлений. Накапливая и развивая традиции театра музыкально-драматического, коллектив успешно работал над произведениями, созданными на основе преданий, легенд. Такие спектакли, как «Периханум» И. Шамхалова, «Селим и Зухра» Н. Эюбова, «Алижан» Б. Гаджиева и другие вкупе с произведениями азербайджанских авторов закладывали, будучи воплощенными на сцене Лезгинского театра, основы романтического направления в его творчестве.

В исследуемый период немалое место в творческих поисках Лезгинского театра занимали и темы современности: Великий Октябрь, колхозное строительство. Такие пьесы, как «Горные орлы», «Лавина», «Тарлан», «Большевик Ахмед» Г. Кисриева, «Бюркиханар» Д. Эфендиева и другие, показывая революционную борьбу горцев за установление Советской власти в Дагестане, впервые воссоздали портреты реальных людей, охваченных революционным порывом. В основном эти спектакли стимулировали традиции героического жанра, обогащали его новым содержанием [4, 64-67].

Первоначальной базой Аварского театра было селение Хунзах. Руководителем этого театра стал актёр Кумыкского театра Абдурахман Магаев. Первой постановкой театра стала пьеса Б. Малачиханова «Мастер», содержание которой было направлено против знахарей и проходимцев, выдававших себя за врачей, «учёных-арабистов» и проповедников. Пьеса же «Шамиль и Хаскиль» убедительно рисовала перед зрителем ужасы и дикость кровной мести, звала на борьбу против этого нелепого обычая гор, вскрывала бессмысленность и жестокость старого адата.

В скором времени руководство Аварским театром перешло к новому режиссеру — Петру Шивановскому. Впервые с помощью квалифицированного режиссёра коллектив по-настоящему стал оформлять свои постановки, знакомиться с научными основами сценического искусства, с бессмертной системой К. Станиславского, с богатейшей историей театра русского. Помимо постановок спектаклей и репетиций актёры повышали свою квалификацию, упорно овладевали техникой актёрского мастерства, ставили дикцию, голос, овладевали художественным словом и учились накладывать грим [5, 7-9].

Официальное открытие Аварского национального театра состоялось в 1935 году. П. Шивановский осуществил к этому торжествен-

ному событию постановку лучшей пьесы К. Тренёва — «Любовь Яровая». Эта, ставшая к тому времени популярной в России постановка, отличалась широтой социально-исторических обобщений. Главная героиня — сельская учительница Любовь Яровая — переживает тяжёлейшую личную драму (её муж переходит на сторону белогвардейцев), которую она с большим трудом преодолевает. П. Шивановский как опытный режиссёр сплотил вокруг театра самых способных писателей, поэтов, драматургов, поэтому ему удалось блестяще осуществить постановку этой драматургически сложной пьесы.

В конце 1940 года великий аварский писатель Гамзат Цадаса принёс в театр пьесу «Айдемир и Умайганат», в которой поднимался ряд новых для горцев моральных проблем: гражданские семья и брак; человек и служба; защита прав горянки. Гамзат Цадаса вводил зрителя в удушливую атмосферу лицемерия и аморальности, царящих в семье торгового работника Гази. Артисты тетра сумели создать на сцене живые и выразительные образы героев этого спектакля.

В течение всего каких-то пяти лет — с 1935 по 1941 годы — зрители увидели на сцене Аварского театра восемь спектаклей и пять концертных программ. Это был большой успех! Работая в трудных условиях, в горах, Аварский театр вскоре завоевал любовь и признание зрителей. Разъезжая по разным селам в телеге, запряжённой двумя лошадьми, актеры давали спектакли в зачастую плохо приспособленных помещениях. Часто приходилось и телегу со всем реквизитом оставлять в райцентре, добираясь до отдаленных аулов пешком. Оставив на годекане вещи, артисты выбирали удобную для выступления площадку под открытым небом и оборудовали её под сцену. Иногда с помощью сельской молодёжи забивали четыре столба, на них натягивали брезент, верёвками привязывали занавес. Устанавливали столы, скамейки. Пока мужчины выполняли эту работу, женщины подгоняли или шили заново костюмы, гладили, штопали …

Горцы всегда относились к артистам с особым уважением, наперебой приглашали в гости, становились кунаками. Певец Газимагомед прославился тем, что его приглашали все. Кому первому доставался замечательный кумуз Газимагомеда, тот и становился его кунаком.

В отдалённые аулы Тляратинского, Цумадинского, Ахвахского районов актёры пробирались через заснеженные перевалы по вьючным тропам. И всюду их ждали радостные встречи, тёплый приём. Так, пешком обойдя весь Аваристан, артисты возвращались в центр нагорного Дагестана — в родной Хунзах [6, 21-24].

В день своего официального открытия актеры Лакского театра поставили одну из наиболее популярных в лакском народе пьес — пьесу «Калайчитал» драматурга Гаруна Саидова. После этой получившей заслуженные популярность и признание пьесы была осуществлена постановка драмы «Казбек», написанной актёром театра — И. Балуговым. В этой драме автором были воплощены идеи борьбы лакского народа за свою независимость с казикумухскими ханами и царскими сатрапами-чиновниками.

Прошедшая с большим триумфом пьеса «Омар и Айшат» была написана по фольклорным материалам и под большим влиянием бессмертного произведения Уильяма Шекспира «Ромео и Джульетта»; она привлекла внимание зрителя активным протестом против древних адатов и призывом горцев к новой, свободной и счастливой жизни.

В Лакском театре успешно была осуществлена и постановка пьесы К. Тренёва «Любовь Яровая». Её показали во многих районах и в том числе — в Кумухе. Надо отметить, что 1939 год — год постановки «Любови Яровой» — был переломным в творческой биографии коллектива. Эта великолепно отрежиссированная пьеса поставила творчество театра на подлинно профессиональные рельсы [7, 13-14].

Таким образом, именно в 1920-1930-е годы в Дагестане начался «театральный бум»: успешно начали функционировать и радовать зрителя своим творчеством национальные театры. Они и сегодня вместе с другими организованными позже театрами продолжают свою профессиональную деятельность, они востребованы не только дагестанским, но и российским, и международным зрителем, они находятся на подъеме своего развития и ресурсы для дальнейшего развития у них богатейшие [8].

Примечания

1. Султанова Г. Театр — первенец. Махачкала, 1973.
2. Ягияева М. М. Кумыкский музыкально-драматический театр имени А. П. Салаватова. Махачкала, 1960.
3. Алклычев Д. У истоков национального театра. Махачкала, 1979.
4. Наврузбеков Э. С. Театр, рождённый в горах. Махачкала, 1970.
5. Говоров С. Аварский театр. Махачкала, 1960.
6. Абдулхаликов М. А. Мой театр. М., 1999.
7. Говоров С. Лакский театр. Махачкала, 1957.
8. Горизонты театра // Дагестанская правда. 2015. 24 января.

IV. ФИЛОЛОГИЯ

Д. Р. МИНДЗАЕВА,
аспирант СОИГСИ им. В. И. Абаева
(г. Владикавказ)

МЕТАФОРА КАК СРЕДСТВО ОБЪЕКТИВАЦИИ КОНЦЕПТА «ГНЕВ» В ОСЕТИНСКОЙ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА

В данной статье рассматривается когнитивное основание вербализации эмоций средствами осетинской фразеологии. На примере эмотивных фразеологизмов осетинского языка показан метафорический механизм концептуализации эмоции гнева.

Ключевые слова: *эмоция, гнев, метафора, фразеологическая единица, культурный код, соматизм*

The article examines cognitive basis of verbalization of emotions by means of Ossetian phraseology. The metaphoric mechanism of conceptualization of the emotion of anger is exemplified by the Ossetian emotive phraseological units.

Keywords: *emotion, anger, metaphor, phraseological unit, cultural code, somatism*

В настоящее время актуальным направлением исследований, возникшем на пересечении ряда антропоцентрических дисциплин, является изучение эмоций и чувств человека. Эмоции определяется

в науке как особая форма активного взаимодействия с действительностью, форма ее познания, оценки и отражения. При этом своеобразие этой формы интерактивности с реальностью заключается в том, что человек выступает одновременно и объектом, и субъектом познания, а это значит, что эмоции самым непосредственным образом связаны с потребностями человека, определяющими мотивы его деятельности.

Таблица. Показатели ассоциирования гнева с культурными кодами в английских и осетинских ФЕ

Коды культуры	Количество ФЕ
соматический	153
термический	48
пространственный	46
предметный	33
цветовой	15
зооморфный	11
растительный	1
мифологический	1
временной	0

Научное исследование эмоций, прежде всего в терминах психологии и психолингвистики фокусируются на анализе функций эмоций в деятельности человека. В этом смысле позиции ученых вполне четко определены и согласованы. И все же, сами психологи отмечают, что построение целостной, многоуровневой психологической теории эмоций до сих пор остается актуальной проблемой [1].

В целом ряде областей современного гуманитарного знания метафора предстает явлением более сложным и значимым, чем это казалось ранее. Установлено, что метафоры суть универсалии психики любого (независимо от расовой, национальной, гендерной, возрастной и т.д. специфики) человека. Концептуализирующая роль метафоры так велика, что современная психология связывает метафорическое видение мира с генезисом человека и, соответственно, человеческой культуры.

Описывая процедуру возникновения внутренней формы фразеологических единиц, Маслова В. А. [2, 83] отмечает, что на первом этапе возникает определенная прототипная ситуация, отраженная в буквальном значении ФЕ, которым фиксируется содержание, которое затем переосмысливается, в результате чего формируется

образ фразеологической единицы на основе первичных значений слов в прототипной ситуации.

Внутренняя форма ФЕ содержит основную культурную информацию, в ней можно обнаружить «следы» наиболее значимых для данной конкретной культуры архетипы, мифы, традиции, прецедентные феномены, элементы материальной культуры.

Анализ образов, лежащих в основе фразеологизмов выводит нас на стереотипные и эталонные представления, характерные для данной лингвокультуры. Поэтому так велик интерес лингвистов-когнитологов к средствам вторичной номинации. Причем особый интерес представляют фразеологические единицы, обозначающие такие абстрактные понятия, как, например, интеллект, этика, эмоции.

Мы предприняли попытку рассмотреть метафорические образы, лежащие в основе осетинских фразеологических единиц, овнешняющих эмоцию гнева, а также проследить связь этих образов с культурными кодами.

В осетинском материале образ гнева создается достаточно большим арсеналом метафорических образов. Чаще всего, однако эти картинки изображают соматизмы, или зоонимы.

Примерами ассоциации гнева с *соматической картой человека* могут служить следующие ФЕ.

Гнев в представлении осетин, также, как и в представлении англичан, нередко отождествляется с кровью (*йæ туг рафыхти — кровь закипела*) и желчью (*æд маст рафыхти — свариться с желчью*).

Примечательно, что в осетинском языке слово «маст» относится к так называемым гибридным образованиям и означает, одновременно, и желчную жидкость организма, и гнев, злость, неприятность. Подобный синкретизм значений, весьма характерный для осетинского языка в целом и для осетинской фразеологии в частности, позволяет совместить в одном слове не только сами феномены, но и весь шлейф их ассоциаций и признаков. Вообще говоря, это абстрактное понятие приобретает явные черты «вещности», благодаря чему, оно может расширить ареал своего существования в ЯКМ.

Поэтому по представлению осетин «маст» можно вылить, выплеснуть (*йæ маст ыл акалдта — вылить на кого-то желчь*), в нем можно находиться (*масты мидæг — в желчи*), он, будучи также и жидкостью, может стать причиной того, что какой-либо содержащий его сосуд лопается (*мæстæй тъæпп хауын — разрываться, ло-*

паться от переполняющей желчи); будучи жидкостью, маст также может бушевать и бурлить *(маст абухы — желчь бурлит)*.

Небезынтересным является фразеологизм *бæстæ дæндагæй хæрын* — скрежетать зубами от злости, злиться, гневаться, ругаться, нападать, в котором гневающийся субъект в буквальном смысле грызет зубами мир.

Зубы, кстати говоря, достаточно часто используются для создания образа гнева в осетинском языке. Так, например, во фразеологизмах дæндæгтæй къæртытæ хауын — сильно злиться, «желваки ходят от злости», дæндагæй къæртытæ хауын — сильно злиться, «желваки ходят от злости» от гнева зубы буквально крошатся на куски.

Еще один, на наш взгляд, очень интересный пример метафорического описания гнева представлен в ФЕ дæндаджы хид кæлын — сильно злиться на кого-то, дæндæгты хид калын — скрежет зубовный, сильно злиться на кого-то, дæндæгты хид цæуын — скрежет зубовный; сильно злиться на кого-то, где гнев изображен через образ потеющих зубов.

Сердце является еще одним соматизмом, часто фигурирующий в качестве средства создания образа гнева. Разгневанное сердце может гореть огнем (*зæрдæ артау судзы — сердце горит подобно огню*) и испускать синее пламя (*зæрдæ цъæх арт уадзы — сердце испускает синее пламя*), увеличиться в размерах и быть на грани того, чтобы лопнуть (*зæрдæ ныттыппыр уын — сердце надулось*, *зæрдæ дымстытæ кæнын — сердце надувается*); его можно расковырять (*зæрдæкъахæн митæ — действия, которые ковыряют сердце)*; от гнева сердце может уплотниться до состояния камня (*зæрдæ дур фестын — сердце превратилось в камень*) и не размягчаться, не оттаивать (*зæрдæ нæ тæнæг кæнын — сердце не истончается, не оттаивает*). Разрушительное воздействие гнева может ассоциироваться с образом сердца, разрубленного, раскромсанного на кусочки (*зæрдæ кæрдихтæ кæнын — сердце разрезается на кусочки (ножом)*, *зæрдæ кæрдæнтæ кæнын — сердце разрезается на кусочки (ножницами)*).

Важное место в создании образа гнева играют и другие органы человека, например, в ФЕ *игæртæ акæрдын* — сильно разозлиться, причинение гнева происходит через образ печени, разрезаемой на куски.

Словосочетание *йæ былтæ ныддымста (надуть губы)* показывает образ недовольства через «надутые» губы, ФЕ *кæйдæр (туг) дад-*

зинтыл хъазын (играть на чьих-либо (кровеносных) сосудах) предъявляет нам человека, играющего на кровеносных сосудах субъекта гнева. В ФЕ *(туг) дадзинтæ фырмæстæй тонынц (сосуды лопаются от гнева)* образ гневающегося человека создается также за счет соматизма (кровеносные) сосуды.

Глаза — еще один соматизм, «участвующий» в создании метафорического образа гнева. Примечательно, что, если соматизм сердца, печени участвует в создании образа страдающего от гнева человека, то соматизм «глаза» при создании гнева больше фокусируется на внешних его проявлениях. При этом глаза гневающегося человека могут извергать огонь, искры (*цæстытæй цæхæртæ схъиуын (искры выскакивают из глаз)*, *цæстытæ цæхæртæ калынц (глаза выбрасывают искры*), огонь в глазах может быть таким сильным, что он может вырываться во внешний мир (*цæстытæй арт æфтауын — выпускать огонь из глаз*), из них могут вылетать горящие головешки (*цæстытæй судзгæ æхсидавтæ хауын — головешки выпадают из глаз*); гнев может заставить глаза гореть (*цæстытæ ссудзын — зажечь глаза*).

Кроме того, глаза разгневавшегося человека могут налиться кровью от гнева (*цæстыты туг бадын –кровь сидит в глазах*); кровь из них может сочиться (*цæстыты туг мизын — медленно течет из глаз*) и даже литься (*цæстытæй туг кæлын –кровь льется из глаз*).

Интересным нам показался образ, использующийся в *ФЕ цæсты фиутæ тайын (жиры в глазах тают)*. От гнева закипает кровь, что в свою очередь заставляет жиры в глазах таять.

Глаза могут потемнеть от гнева (*цæстытæ атарытæ уын — в глазах потемнело*).

Еще одним соматизмом в осетинском языке, через призму которого концептуализируется гнев, является лицо. Может быть видно, как по лицу разъяренного человека движется кровь (*цæсгом туджы зилын — лицо вертится в крови*). Данный образ, очевидно, основан на том, что, когда человек в гневе, к лицу приливает кровь, кровеносные сосуды наполняются кровью, и становится заметным, как по ним пульсирует кровь. Лицо может гореть от гнева (*цæсгом мастæй судзы — лицо горит от злости*) и испускать жар (*цæсгом пиллон уадзын — лицо выпускает жар*).

Руки также «задействованы» в метафорическом описании гнева. Например, в ФЕ *къухты фыдтæм дæндагæй лæбурын (хватать мясо на руках зубами)*, поддаться гневу и *къухтæ дæндагæй хæрын*

(есть руки зубами), пытаясь сдержать эмоцию, человек ее испытывающий в буквальном смысле нападает (вонзает зубы) на плоть руки зубами.

Иногда осетинская фразеология ассоциирует гнев не с каким-либо отдельным человеческим органом, а со всей совокупностью внутренних органов, которая может испускать огонь (*хуылфы арт уадзын — выпускать внутренний огонь*), закипать (*химидæг æхсидын — закипать внутри себя*), закипать (*химидæг фыцын –вариться внутри себя*) и в которую можно заглянуть (*хуылфмæ кæсын — смотреть вовнутрь*) или уставиться (*хуылфмæ ныккæсын –посмотреть внутрь себя, сильно злиться, грустить*).

Нередко гнев в осетинской фразеологии концептуализируется через *зооморфную метафору*.

Такое проявление гнева как хмурый, злобный взгляд отождествляется со взглядом волка (*бирæгъы цæстæй кæсын — смотреть волчьим глазом*).

Взбешенный, рассвирепевший, пришедший в ярость человек ассоциируется осетинами с бешеным быком, у которого пена течет изо рта (*фырмæстæй йæ комыфынк калы — из рта пена льется от злости*).

О гневающемся человеке, обрушившем на к-л поток брани осетины говорят, что из его горла падают лягушки (*хæфсытæ йæ хъæлæсæй фæкалдта — выкидывать лягушек из рта*).

В ФЕ *йæ къуыртт ын фехæлдта (разрушить гнездо, насест)*, означающей что кто-то сильно разозлил субъекта эмоции, вывел его из себя тем, что разрушил его планы, образной составляющей является то, что кто-то разрушил (испортил) процесс выведения цыплят (разрушил гнездо). Здесь также, опосредованно «работает» зооморфная метафора, т. к. разгневанный человек ассоциируется с разгневанной наседкой.

Звуки и резкие движения, характерные для человека в гневе, осетины могут описывать, связывая их с поведением и звуками, издаваемыми животными (*богътæ æмæ мыхъхъытæ кæнын, богъты уаст кæнын — мычать (подобно быку*).

Природные феномены представлены особенно ярко. Разрушительную силу гнева осетины чаще всего ассоциируют с огнем (*артау судзын — гореть подобно огню, æрттæ цæгъдын — трясти огнями*).

В ФЕ *тар боны хуызæн — подобный пасмурному дню* (мрачный,

хмурый вид) гневающийся человек ассоциируется с пасмурным несолнечным днем.

Вопреки ожиданиям, мы не нашли ни одной ФЕ, в которой гнев ассоциировался бы с горами, крутой нрав которых осетинам, несомненно, хорошо знаком, т.к. немало осетин погибло из-за регулярно обрушивающихся лавин и ледников.

Пространственный код представлен в осетинских фразеологизмах, овнешняющих гнев, таких, как *уд снарæг уын –душа сузилась*. Очень интересными представляются нам такие ФЕ, как *хæрдмæ хауын — «падать», подлетать вверх* и *уæларвмæ хауын — «падать», подлетать в небеса*. Примечательно то, что человек, переживающий гнев, может подпрыгивать вверх, буквально «падать в небо» и «падать вверх». Здесь мы в очередной раз имеем дело с синкретизмом в осетинской ЯКМ, т. к. обе эти ФЕ объективируют не только гнев в крайней его степени, но и такой же силы радость, а реакция — одна и та же.

Цветообозначения также играют определенную роль в метафорическом осмыслении гнева. Основные цвета, задействованные здесь — цъæх (синий, голубой, зеленый, серый) (*зæрдæ цъæх арт уадзы — сердце выпускает синее пламя*) и сау (черный) (*сау сфæлдахын — перевернуть черный цвет*, *сау дæнгæл ауын* — сильно надуться). Примечательным является тот факт, что сау в осетинском языке используется не только для номинации черного цвета, но и как «сильно». Интересно, что нередко в ФЕ нет указание на конкретный цвет эмоции, а только говориться о том, что цвет «уходит», «пропадает» (*хуызы мур нал зайы –не осталось и грамма цвета, хуызы цъыртт нал зайын — не осталось и капли цвета* — «лица нет»; побледнеть от гнева).

Температурный код в осетинской фразеологии, овнешняющей гнев, представлен вполне рельефно. При этом, следует отметить, что слово хъарм (теплый), которое обычно ассоциируется с чем-то хорошим, приятным, в ФЕ *«хъарм» ныхæстæй йæ срæгъæд кодтон — довести кого-либо до состояния зрелости теплыми словами*, употребляется в переносном, ироничном смысле.

Мифологический код представлен лишь одной ФЕ *хуыцаумæ хауын «падать» вверх к Богу*.

Подводя итоги исследования особенностей метафорической презентации эмоции гнева в осетинской ЭЯКМ можно сделать следующее заключение. Метафора играет чрезвычайно важную роль

при осмыслении разновидностей человеческих эмоций, их причин и влияния на субъекта переживания.

Особо важную роль в создании образа разгневанного человека играют соматизмы. Это вполне объяснимо непосредственной связью соматических ФЕ с человеком, его мировидением, отношением к действительности. «Язык» собственного тела помогает человеку реконструировать картину мира, сложившуюся в его сознании.

Совершенно отчетливо проявила себя закономерность, состоящая в том, что концептуализация эмоций достаточно редко происходит с использованием одного кода культуры. В подавляющем большинстве случаев в эту когнитивную процедуру вовлекаются дополнительно другие культурные коды, так что, как правило, возникает достаточно сложный имидж, нередко образованный в несколько этапов на пересечении нескольких культурных кодов.

Примечания

1. Головин С.Ю.. Словарь практического психолога, Минск.: Харвест, 1998 г. http://www.rulit.net/books/slovar-prakticheskogo-psihologa-read-49700-1.html

2. Маслова В.А. Лингвокультурология: Учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений/В.А. Маслова. 2-е изд., стереотип. М.: Изд-во Академия, 2004. 208 с. http://zinki.ru/book/lingvokulturologiya/

3. Дзабиты З.Т. Ирон æвзаджы фразеологион дзырдуат. Цхинвал, 2003.

4. Ирон æмбисандта. Арæмбырд сæ кодта æмæ чиныг сарæзта Гуытъиаты Хъ. Орджоникидзе: «Ир», 1976.

А. М. ТЕКАЕВА
аспирант СОИГСИ им. В. И. Абаева
(г. Владикавказ)

РОДИЛЬНЫЕ ОБРЯДЫ И ПОЭЗИЯ ОСЕТИН

В статье рассматриваются национальные специфические черты родильных обрядов осетин. Теоретические положения подтверждаются примерами обрядовой поэзии.

Ключевые слова: *обряд, колыбель, новорожденный, магический, обрядовые песни, амулет.*

The maternity rites and ritual poetry of Ossetians article deals with the national specific features of Ossetians' maternity rites. The theoretical positions are exemplified by patterns of ritual poetry.

Key words: *rite, cradle, newborn, magic, ritual songs, amulet.*

Родильный обряд является продолжением свадебного обряда, то есть это послесвадебный цикл брачных торжеств. Этот обряд имел большое значение у осетин и обладал магическим действием. Каждая семья с большим вдохновением ждала первенца, особенно продолжателя рода. Узнав о том, что невеста в положении, вся семья старалось опекать ее. Невесте не разрешалось заниматься тяжелым трудом, ее ограждали от ненужных разговоров, никогда не упрекали, старались исполнить все ее капризы, готовили то, что она любила. А также у осетин было предубеждение, что женщина в положении должна видеть все прекрасное и не смотреть на людей с физическими недостатками, чтобы это не отразилось на будущем ребенке. Родственники старались помочь женщине, чтобы она родила здоровое потомство. По записям Б. Гатиева: «Когда ребенок еще находился в чреве, мать уже могла знать, на кого он будет похож: на того, в присутствии которого в чреве он сделал первое движение» [1, 219]. Когда приближались роды, женщины собирались для того, чтобы оказать помощь роженицы и отпугнуть чертей, которые якобы толпились у ее изголовья. По утверждению Л. А. Чиби-

рова: «Если она останется хоть на некоторое время одна, то черти заберут ее и новорожденного в страну мертвых» [2, 219].

Роженице давали дуть в дырочку шпульки от веретена (уæдæртт), чтобы облегчить ей роды, а за неимением их, ей в рот всовывали её волосы [3, 289].

В народе так же использовался обряд завязывания узелков. На белой нитке, длиною в рост роженицы, завязывалось несколько узлов. И когда у женщины начинались схватки, узелки постепенно развязывались, нашёптывая: «Роди так же легко, как легко мы распутывали эти узлы» [3, 289]. Знаменитый учёный Дж. Фрезер трактует это распространённое суеверие следующим образом: «Физическое препятствие, представляемое узлом на верёвке, создало бы соответствующее препятствие и на теле женщины, т.е. ребёнок был связан в утробе, и поэтому мать не могла его родить» [4, 82]. Когда рождался младенец, использовались и другие распространённые в народе магические действия.

Со слов нашего информанта Ахполовой Заиры Торбековны: «Моя бабушка ещё в юности нам поведала очень интересную историю о том, что роды проходили в доме, в котором перед появлением на свет младенца открывали окна, двери настежь, снимали крышки с посуды; все входящие в саклю люди обязаны были встряхнуть подол платья или фартука, используя следующие магические слова: «Чтобы родила также легко, как легко отряхивается подол!» («Куыд æнцонæй æрцæгъдыс дæ раздарæн, афтæ æнцонæй ныззай!»).

Подобные магические действия «помогали» любой женщине, ожидающей ребёнка. В современном обществе этот обряд не целесообразен, но заставляет задуматься нас о том, насколько сильна была вера в чудо, придуманное ими, например, при трудных родах, когда уже ничего не помогало, роженицу заставляли выпить глоток воды из обуви супруга, или же супруг должен был перешагнуть через жену.

Профессор Л. А. Чибиров пишет, что кусок ткани отрывался от одежды, и это магическое действие сопровождалось следующими словами: «Чтобы родила с такой же лёгкостью, с какой отрывается ткань». Входившая женщина бралась за край платка и произносила: «Сколько ниток в платке, столько раз освободится (от родовых мук), и пусть живучим будет младенец» («Ацы кæлмæрзæны цал æндахы таджы ис, ул хатты ссæрибар у дæ зынтæй, дæ хъæбул та удвидар

уæд») а также, притоптывая ногами, произносила: «Как легко притоптываю чувяками, с той же лёгкостью роди» [5, 212-213].

Чтобы в семье появлялось потомство, особенно мальчик, а скот давал приплод (женского пола), в Новый год молодёжь перепрыгивала через только что зажжённый костёр, что обозначало оплодотворяющее начало. И если хотели, чтобы в семье родился мальчик, через костёр прыгали мальчики, а если пополнение приплода (женского рода), то прыгали девочки.

Для того чтобы определить пол нерождённого ребёнка, прибегали и к словесной магии. Накануне праздника Кæхцгæнæн, мальчики — подростки шли в дома с шестом, где жили беременные женщины, желавшие мальчиков (семь, девять) и одну девочку. Подростки опускали шест, на конце которого был прикреплён крючок, в дымовое отверстие: на крючок насаживались яства, которые после съедались коллективно [6, 102].

Молодой отец с рождением девочки резал одного барана, а с рождением мальчика двух баранов и устраивал пир.

В колыбель новорожденного мальчика клали яйцо или вату, стрелу, монету: стрелы (пули), чтобы в будущем стал хорошим воином; деньги — к богатству; яйца — к многочисленному потомству; вату, чтобы жизненная дорога была мягкой, и он дожил бы до глубокой старости [5, 211-212]. В качестве оберега в колыбель малыша до появления первых зубов клали нож, ножницы или другие острые железные предметы.

Через несколько дней после рождения ребёнка женщину с ритуальной пищей и питьём вели в святое место на святой куст Мады Майрæм (Святой Марии). Женщина снимала пояс и обливала дерево пивом, приговаривая молитву: «О, Мать Мария, подательница молока, душу взращивая, молоко у тебя просим, и дай нам его! (О, Мады Майрæм, æхсыр дæттæг æмæ уд рæзнынгæнæг, æхсыр дæ курæм æмæ нын æй ратт!)»

Новую колыбель делали редко, боясь того, что она может оказаться несчастливой.

У осетин новорождённого первенца в колыбель укладывала старшая из женщин (æфсин), при этом она исполняла обрядовую песню.

В осетинских колыбельных песнях, новорождённого ребёнка называли богатырь (богал), лев (домбай), дорогой цветок (буц дидинæг) и т.д.

Много обрядов было связано с сохранением жизни новорождённого младенца. Это было связано с большой детской смертностью. Женщины не знали причин гибели детей и использовали единственный шанс, прибегая к помощи знахарей. Младенца передавали через отверстие чесалки для шерсти, чтобы обезопасить его от козней чертей. Младенец просовывался в чесалку головой вперёд, одна из женщин вытягивала малыша за плечики и передавала матери. Этот обряд повторялся три раза. Особую радость семье и обществу приносило рождение мальчика. С поздравлениями приходили в дом, при этом мужчины приносили новорождённому в дар пули. Это было магическое средство для обеспечения его будущей силы [7, 212]. С самого рождения на ребёнка надевали амулет. Матери младенцев приносили к сельскому кузнецу гвозди или кусочки железа, из которых он мастерил расплющенные пластинки. Пластинки и взятые у знахарки ногти, волосы и птичий помёт вкладывали в сафьяновые и бархатные мешочки, осветив их, надевали малышу на шею или же вешали на колыбель. Этот обряд проводился в праздник Тутырæ [3, 92-93]. Когда ребёнок оказывался болезненным, число амулетов становилось больше.

Тёща принимала активное участие в родильном обряде. Она брала к себе для родов дочь, которая в течение 40 дней находилась у неё. Во время укладывания, она исполняла песню, в которой первой заповедью была любовь к родной земле, к Отечеству. В песнях, посвящённых мальчику, воспевались мужество, храбрость, верность своему отечеству. Мать в песнях хочет видеть своего ребёнка, прежде всего мужчиной, предводителем войск, главарём своих сверстников, хозяином своей чести и отваги.

Ло-ло, ло- ло,а ло-ла! Баю, баюшки-баю!
Ахуысс, айрæз, мæ хъæбул! Спи и подрастай мой сын!
Ахуысс, уалдзæг æрцæудзæн, Спи, придет весна,
Урс гæлæбу æртæхдзæн, Белая бабочка прилетит,
Мæ хур йемæ куы хъаздзæн, Мое солнышко будет играть с ней,
Гукку, баппа куы хæрдзæн, Будешь хлебушек ты есть,
Бонæй — бонмæ куы рæздзæн, Будет день за днем расти,
Сахъгуырд, домбай куы суыдзæн, Станет выносливым и сильным,
Хор, мæнæу нын куы кæндзæн, Будет засевать овсу, пшеницу,
Не знæгты нын куы сурдзæн! Силой побеждать врагов!
Гъе, дзыццайы хъæбул, гъе, Эй, сынок родимый мой,
Бабо кæн дæ дзæццыта [8, 514]. Закрывай ты глазки.

[Перевод автора].

Колыбельные песни для девочек прекрасны по своей музыкальности, эмоциональности. В них создаётся образ богатой, одетой в самые лучшие наряды девушки, живущей в обеспеченной семье. Ее поведение, поступки, отвечают морально — этическим нормам. Девочку называют белой голубкой (урс бæлон), небесным ангелом (уæларвон зæд), трудолюбивой красавицей (кусаг чызг). Идеалом женского совершенства в колыбельных песнях является сочетание естественной красоты с трудолюбием и скромностью. Ни красота, ни стройность не могли компенсировать отсутствие деловых и моральных качеств.

Сравнения, сопоставления в колыбельных песнях взяты из мира природы, из окружающей жизни.

Ацитт,гино,ма та уас, Брысь, котенок не мешай,
Йа баппа йын ма алас. Хлеб сыночка не бери.
Бауадз фынæй чысылы- Пусть поспит малыш
Фена дæ уый йа фыны [9, 12]. Во сне ему приснишься ты.

[Перевод автора].

У осетин существуют колыбельные песни, в которых, осетинка у колыбели выражала в песне горести своей жизни.

Алолатæ, цыцытæ, Баю, баюшки-баю,
Ахуысс, айрæз, мæ хъæбул! Спи, расти ты мой сынок!
Ды мæ дарæг уыдзынæ. Будешь, моим кормильцем.
Ацитт, гæды, ма æрбацу. Кошка прочь, не приходи.
Ахуысс, ахуысс, афынæй кæн. Не мешай сыночку спать.
Урс уæрыкк дын æрбауон, Превращусь ягненком для тебя,
Уæ, мæ чысыл царды ныв. Прелесть жизни, ты моей.
Хъæлдзæгæй мын схъомыл у, Жизнерадостным расти,
Кæд мæ зæрондæй фæдарис. Будешь мне опорой ты.
Ахуысс, мæ буц дидинæг, Спи, мой дорогой цветок,
Уæ, дæ нывонд æрбауон, Жизнь моя во благо тебе,
Алоло кæн [8, 514]. Баю-баюшки.

[Перевод автора].

В колыбельных песнях женщина представляла, какими качествами должен был обладать ее будущий сын. Он изображался: сильным (тыхджын), смелым (уæндон), честным (цæсгомджын), патриотам своей Родины (патриот Райгуырæн бæстæн). В случаи, если сын не оправдывал материнских надежд, мать в своих песнях могла проклинать его: «Пусть кровью выйдет из тебя глоток материнского молока» («Мæ риуы æхсыры цъыртт туг æмæ рондзæй фæкал»).

Мотивы, образы, сюжеты колыбельных песен широко были использованы многими осетинскими поэтами: К.Л. Хетагуровым, М Басиевым, В Икаевым, К. Джиоевой, Г. Дзугаевым и мн. др.

Итак, приведенные выше данные являются ярким доказательством правильности утвердившейся в науке точки зрения, что колыбельные песни — это заговоры, обереги, основанные на магической силе воздействия слова и музыки, на их способности успокоить, уберечь, сохранить.

Примечания

1. Гатиев Б. Суеверия и предрассудки у осетин // ППКОО, кн. 3., 1987.

2. Чибиров Л. А. Традиционная духовная культура осетин. Владикавказ: Ир, 2008. 599с.

3. Миллер В. Ф. Осетинские этюды. Владикавказ: Ир, 1992. 713 с.

4. Фрезер Дж. Золотая ветвь, вып.1-4, Л., 1928. С.82.

5. Бесаева Т. З. Обычаи и обряды осетин, связанные с рождением ребенка // ИСОНИИ, вып. XXXI //. Ордж., 1976.

6. ПчелинаЕ.Г. Родильные обычаи у осетин // СЭ. №4. 1937.

7. Чурсин Г. Ф. Осетины//Труды ЗНА, Тб.. 1925.

8. Салагаева З. М. Осетинское народное творчество. Владикавказ: Ир, 2007. 655с.

9. Плиев Г. Г. Осетинская детская литература. Цхинвал, «Южная Алания», 2007.

Информант:

1. Ахполова З. Т. 1952 г.р. Текст записан 5.01.2015 г. в сел. Нарт Ардонского района.

Д. Т. САБАНОВА,
аспирант СОИГСИ им. В. И. Абаева
(г. Владикавказ)

ПРИРОДА В ОСЕТИНСКИХ СКАЗКАХ

В статье рассматривается природа, отношение людей к горам, ледникам, воде и лесам, отраженная в осетинских сказках; определяется влияние природы на жизнь человека, его материальную и духовную культуру, на формирование его мировоззрения.

Ключевые слова: *сказка, природа, горы, ледник, лес, море, река, ущелье, культура.*

The article examines the nature, people's attitude towards the mountains, glaciers, water and forests, described in the Ossetian tales; determined the influence of nature on human life, its material and spiritual culture, the formation of his worldview.

Keywords: *fairy tale, nature, mountains, glacier, forest, sea, river, gorge, culture.*

Природная среда Осетии, определявшая культуру первичного производства и жизнеобеспечения, соционормативную и духовную культуру ее обитателей, породила самобытное пространство, в котором сформировалась экологическая философия, составляющая фундамент мировоззренческой картины осетин и других горцев. Описание природы в национальных сказках не только рисует фон для развертывания сюжета, но и помогает понять в каких именно природных условиях жил народ.

Важность рассмотрения природно-географических факторов, отраженных в сказках, заключается в том, что они оказывают немалое влияние на образ жизни и мировоззрение людей.

Чаще всего в осетинских сказках описываются горы, и это неудивительно, ведь почти половину территории Осетии занимает горная местность.

«Скаст хохы цъупмæ, йæ худ фæцæйхауд, ахæм бæрзонд уыди». («Гора была такой высокой, что когда он взглянул на ее вершину, шапка едва не слетела с его головы».) [5, 47]

«Цæргæс æй ахаста авд хохы сæрты æмæ йæ иу ран айнæджы бын бамбæхста». (Орел унес его за семь гор и спрятал под утесом».) [2, 156]

Герои сказок живут в горах, охотятся, пасут скот, косят сено и т. д.:

«Цæут уæдæ нæ лæппуимæ, æрмæст уæ ма байрох уæд: цуан кæнут сау хохы, урс хохмæ ма бацæуат: исты фыдбылызы бафтдзыстут». («Отправляйтесь вместе с нашим сыном, но помните: охотьтесь только на черной горе, на белую гору не ступайте, иначе случится с вами какое-нибудь несчастье».) [2, 97]

«Иу бон цуаны ацыдис мæгуыр лæг æмæ иу хохыл амардта саг». («Отправился однажды бедняк на охоту и на одной горе подстрелил оленя».) [5, 177]

«Хохы бæсты цæргæйæ, иу адæймаг хатти (цыди) фыййауæй». («Жил в горах человек, и был он охотником».) [2, 209]

«Иу æнтæф сæрдыгон бон авд чызджы сцæйцыдысты хохы фахсыл. Уыдон хастой дон æмæ хæринаг се ’фсымæртæн, бæрзонд уыгæрдæнты хос карстой æмæ». (В один знойный летний день семь девушек поднимались по склону горы. Они несли воду и еду своим братьям, которые косили сено на высокогорных лугах».) [4, 72]

«Урс хохы фиййау йæ уадындзæй цагъта æмæ йæ бонтæ æрвыста йæ фосимæ». («Все дни пастух проводил на белой горе вместе со стадом и играл на свирели».) [4, 93]

В осетинских сказках встречаются и ледники. В границах Северной Осетии насчитывается 240 ледников общей площадью 170 кв. км. Условием образования ледников является сочетание низких температур воздуха с большим количеством твёрдых атмосферных осадков, что свойственно вершинным частям гор Осетии.

«Раджы кæддæр, Цъæйы цъитийыл мит куы нæма бадт, уæд рагъы фаллаг фарс зади хъæд». («Когда-то давно, когда еще не было Цейского ледника, на другой стороне хребта был лес».) [4, 74]

«…нал æрттивы æнусы цъити хурзæрины рухсмæ». (…не сверкает больше на солнце вековой ледник.») [2, 219]

«Уæдæй фæстæмæ бæрзонд хæхтыл мит нал батад æмæ абон дæр цъитийæ лæууы». («С тех пор высоко в горах снег больше не таял, и ледник этот и сейчас лежит в горах».) [4, 49]

Лес в сказке имеет две характерные черты: реальное и волшебное существование. В первом случае лес — кормилец. Он дает людям дрова, возможность охотиться на разных зверей и добывать пищу:

«Стæй сыстад æнæдзургæйæ æмæ хъæдмæ араст (хорз цуанон лæг уыд). Араст æмæ саг амардта». («Затем он молча встал и отправился в лес (он был хорошим охотником). Отправился в лес и убил оленя».) [5, 162]

«Сау хъæды царди иу лæг, æмæ йæ куыст уыди цуан, алы бон дæр хъуамæ исты æрбахастаид йæ хæдзармæ». («В темном лесу жил охотник, каждый день он возвращался домой с добычей».) [1, 20]

«Зæронд лæг алы хатт дæр цыди хъæдмæ æмæ дзы хаста суг æргъомæй». («Каждый раз старик отправлялся в лес и приносил оттуда дрова вязанками».) [1, 324]

«Уæртæ иу æвзæр бæх сифтындз æмæ хъæдмæ ацу сугмæ». («Запряги одну плохую лошадь и отправляйся в лес за дровами».) [1, 77]

«Саджы мæрдтæ, сæгуыты мæрдтæ æрбахæссы, æдкъала бæлæстæ сау хъæдæй æрбаласы». («Из темного леса приносит он убитых оленей, косуль и ветвистые деревья».) [2, 118]

Однако, чаще всего, приобретая некий сакральный смысл, лес в осетинских сказках упоминается как «сау хъæд» или «тар хъæд». Он полон опасностей и является местом, где обитает нечистая сила, происходят несчастья и совершаются злодеяния:

«Иу ран хъæдмæ куы бацыд, уæд ыл уыцы хæйрæг амбæлд». («Когда вошел он в лес, встретился ему тот черт».) [1, 195]

«Уæд æлдар фæсидт йæ тугдзых чапартæм æмæ сын бамбарын кодта, куыд акодтаиккой уыцы усы æмæ йæ хъæды куыд амардтаиккой. Уыцы фæнд æххæстгонд æрцыдис». (Тогда алдар приказал своим подчиненным отвести эту женщину в лес и убить ее».) [5, 300]

«Бахæццæ сты æмæ тынг арф бацыдысты хъæды. Уæд лæг усмæ дзуры: «Ды ам фæлæуу, æз рацагурон фæткъуы æмæ кæрдоджын ран». Лæг сæ ууыл ныууагъта æмæ рафардæг сæхимæ. Ус рацу-бацу фæкодта, цæйбæрц йæ бон уыди, уыйбæрц, стæй уæд æрхуыссыд. Æххормаг æмæ дойныйæ амарди». («Зашли они в самую глубь леса. Тогда муж говорит жене: «Ты побудь здесь, а я поищу яблони и груши». Оставил он их и отправился домой. Жена ходила по лесу сколько было сил, потом прилегла. Так и умерла она от голода и жажды». [5, 306]

«Райсомæй фыд æд чызджытæ араст сау хъæдмæ, бакодта сæ фæткъуы бæласы бынмæ. Хуртуаны хуызæн сырх-сырхид фæткъуытæ бæласы бын. Æртæ хойы уидзынмæ куыд фесты, афтæ уæрмы ныххаудысты. Сæ фыд раздæхт йæ хæдзармæ». (Утром отец с дочерьми отправился в темный лес и привел их под яблоню. Земля под деревом усыпана красными яблоками. Как стали сестры собирать их, так и упали в яму. А отец отправился домой».) [1, 7]

«Афтæ сын бакодтой æмæ сæ хъæды аппæрстой бастæй…» («Бросили они их в лесу связанными…») [1, 154]

«Акæнут ацы цъаммары æмæ йæ сау хъæды æнæфæндаг рæтты хай бакæнут, амарут æй æмæ йын йæ базыг мæнæн хæрынæн æрбахæссут!» («Уведите эту негодницу в темный лес и расчлените ее! А плечо принесите мне на съедение!») [1, 177]

Но иногда лес становится и местом защиты. Он спасает или укрывает от преследователей:

«Раджыма-раджы цардис иу сыхы мидæг авд хæдзары. Кæрæдзимæ уыдысты хæрам, афтæмæй фæбыцæу сты æмæ кæрæдзийы ныццагътой. Иу сывæрджын ус дзы хъæдмæ алыгъд æмæ йын уым лæппу райгуырди». («Давным-давно жили рядом семь семей. Между собой они враждовали, так и поубивали однажды друг друга. Одной беременной женщине удалось убежать в лес, и родился у нее там сын». [5, 341]

«Цæйбæрц æй фæсырдтаиккой, чи зоны, фæлæ сын сæрджын саг баирвæзт хъæдмæ, æмæ уыцы ран йæ фæд фесæфт». («Кто знает сколько бы они еще за ним гнались, но лось вбежал в лес, и потеряли они его след».) [1, 18]

«Раджыма-раджы иу стыр хъæуыл низ сыстад æмæ сæ фæцагъта. Уыцы стыр хъæуы ма баззад иу идæдз ус æд лæппу.

Иу бон куы уыд, уæд лæппу загъта мадæн:

— Махæн ам цард нал ис, фæлæ фæлидзæм искуыдæм.

Уæд лæппу сæккой кодта йæ мады æмæ йæ фæхаста дзæгъæл хъæдмæ, адæм кæдæм не ’фтыдысты, ахæм ранмæ». (Давным-давно одно большое селение погубила болезнь. В этом селении осталась лишь одна вдова да ее сын. Один день сын говорит матери: «Нет нам больше жизни здесь. Нужно уходить». Взял он мать на спину и отправился в лес, в такое место, где не ступает нога человека».) [1, 355]

В традиционной экосистеме осетин значительное место занимает дерево и связанные с ним представления, обряды и запреты. Развитый культ дерева определяется его исключительной ролью в культуре жизнеобеспечения осетин. Отношение к дереву было не просто бережным и разумным. Рубка деревьев без особой нужды воспринималась как крайне безнравственное и дикое явление. Даже в тех случаях, когда дерево рубили для жизненно необходимых целей, считали обязательным повиниться перед духом дерева, совершив обряд жертвоприношения. У осетин совершенно очевидна связь культа дерева с культом предков; существовало поверье, что души умерших родных находят приют в деревьях. В представлениях осетин некоторые породы деревьев и кустарников наделя-

лись чудесными свойствами. Например, ясеню приписывалась способность отгонять нечистую силу, поэтому из него делали различные талисманы. [6, 76]

Несмотря на удаленность осетин от морского побережья, героям сказок море не чуждо, просто оно приобретает воображаемый характер:

«Ælдары кæфахсджытæ сæ хызтæй сæрфтой денджызы. Æрцахстой кæсæгтæ». («Рыбаки алдара водили сетями в море. Наловили они рыбы».) [2, 133]

«Сау зæхх, хæхтæ сæ фæстæ фæуагътой, денджызмæ бахæццæ сты. Тæхынц денджызы сæрты». («Оставили они позади землю, горы и добрались до моря. Летят они над морем».) [2, 203]

«Бахæццæ ис иу фурды былмæ, æрбадт, дон баныз та, кæсы, æмæ фурды кæрон змисыл иу стыр кæсаг æнæ донæй сæфы». («Добрался он до берега моря, сел, выпил воды. Смотрит: бьется в песке большая рыба «. [5, 300]

«Цом фурды былмæ ’мæ кæсагдзуан акæнæм». («Пойдем к морю, порыбачим».) [2, 48]

Реки в осетинских сказках чаще всего упоминаются как «дон», реже — «цæугæдон», и встречаются практически во всех сказках.

«Бирæ фæцыдысты, чысыл фæцыдысты, чи у йæ зонæг, фæлæ фæстагмæ бахæццæ сты стыр цæугæдонмæ». («Долго они шли или нет, кто знает, но наконец добрались они до большой реки».) [2, 173]

«Бынæй та тындзгæ згъордта тар цæугæдон, æмæ ласта æдкъала бæлæстæ æмæ къутæртæ». («А внизу неслась темная река, и несла она ветвистые деревья и кусты».) [2, 245]

На территории Осетии множество ущелий, которые так же описываются в сказках.

«Фæцæуы комы нарæджы. Æрхуы мæсыгмæ бахæццæ». («Идет он по узкому ущелью. Добрался до медной башни».) [1, 12]

«Куырттаты ком æрæмбырд сты, æмæ цын Куырттаты ком загътой…» [5, 281] («Собралось Куртатинское ущелье и говорят им…»)

«Ацыдис ’мæ иу уынгæг комы, иу къæдзæхыл иу фæндагыл араст и…» (Пошел он по узкому ущелью, по утесу…») [5, 286]

Как правило, упоминание географических названий не свойственно народным сказкам, но в осетинских сказках они все же встречаются.

«Куырттаты комы Хæрисджыны мидæг царди мæсыгамайæг». («В Куртатинском ущелье, в Харисджыне жил строитель башен». [5, 282]

«Уорсдони донæй Ирæфи коммæ зин цæуæн адтæй». («Тяжело было идти из Урсдона в Ирафское ущелье». [3, 83]

К числу обожествляемых объектов природы относились и водные источники. Осетины, как многие другие народы, считали, что вода имеет свойство не только физического, но и духовного очищения. Сложились представления о повелителях водной стихии, среди которых зафиксированные в эпических текстах Донбеттыр и водные женские божества, своеобразные русалки — «доны чызджытае» (водяные девы), длинноволосые красавицы, обитающие в реках, родниках, озерах и других водных пространствах.

Материальная и духовная культура любого народа создавалась под влиянием природы и климатических особенностей. Возьмем, к примеру, осетинскую архитектуру — обычным строительным материалом в Осетии был камень и обломки скального плитняка, распространенного в данной местности.

Существование культуры без природы невозможно, ведь человек созидает в природе, использует ее ресурсы, раскрывает и то, что было заложено природой в нем самом.

Природные факторы оказывают немалое воздействие на формирование культуры. Очевидно, что особенности конкретных природных территориальных комплексов определяют схожесть материальной, социальной и духовной культур.

Примечания

1. Алæмæты аргъæуттæ. Дзæуджыхъæу, 2010.

2. Æмбалты Ц. Удварны хæзнатæ./Чиныг сарæзта Соттиты Р. Дзæуджыхъæу: Гасситы Викторы номыл рауагъдадон-полиграфион куыстуат, 2009.

3. Дедегкати Дз. Ирон адæмон исфæлдистадæ. Дзæуæгигъæу: Ир, 2008.

4. Ирон адæмон аргъæуттæ, III том. Цхинвал: Хуссар Ирыстоны паддзахадон рауагъдад, 1962.

5. Ирон новеллистикон аргъæуттæ, 1-аг чиныг. Дзæуджыхъæу, 2010.

6. Канукова З. В. Экологическая культура осетин: традиции и инновации //Устойчивое развитие горных территорий. 2009. № 1.

З. К. ПЛАЕВА
мнс СОИГСИ, аспирант ИМЛИ РАН
(Москва)

ГЕРОИЧЕСКОЕ ДЕТСТВО АЦАМАЗА В ОСЕТИНСКИХ СКАЗАНИЯХ О НАРТАХ

В статье рассматривается детство Ацамаза в осетинском нартовском эпосе. Основная цель этого периода жизни героя — месть за кровь отца. Для ее осуществления Ацамаз проходит испытания, напоминающие обряд инициации героя. В работе привлекаются тексты других национальных версии нартиады, в которых выявляются наиболее устойчивые мотивы в цикле сказаний об Ацамазе.

Ключевые слова: *нартовский эпос, эпическая биография, детство Ацамаза, сиротство, месть за кровь отца*

The article depicts the Acamaz's childhood in Ossetian Narta epic. The main purpose of the hero's life is the vengeance for his murdered father. He has to go through some tasks that have resemblance to the hero's ceremony of initiation. The texts of the other national versions of Nartiade are involved in this article. They reveal the most persistant motives in Acamaz's cycle of legends.

Keywords: *Nart epos, epic biography, Acamaz's childhood, orphanage, vengeance for his murdered father*

В осетинском эпосе Ацамаз чаще всего рождается после смерти отца или теряет его еще, будучи младенцем. Сиротство героя, которое составляет одну из мировых фольклорных и мифологических универсалий, в архаическом эпосе становится средством идеализации героя, а в мифах творения сиротой называется первопредок, первый человек, созданный богом, или сам бог [1, с. 139]. Стремление объяснить «одиночество» первопредка приводит в ряде случаев к интерпретации одинокого героя, не имеющего родителей, как сироты, выросшего без отца (убитого врагами) и впоследствии выполняющего долг родовой мести. Такой протагонист архаического эпоса во многом сближается с сиротой как популярным персонажем волшебно-героической сказки [2, с. 363].

Сиротство в нартиаде характерно не только в сказаниях об Ацамазе, но и в циклах других богатырей, где патрилокальная линия

героев развита слабо (циклы Сослана/Сосруко, Батрадза, Тотрадза).

Храбрость и богатырская сила юного Ацамаза проявляются в детстве, когда герою приходится мстить за кровь убитого отца. Наличие сверхъестественной физической силы мальчика обнаруживается еще во младенчестве. Примером может послужить чудесное освобождение младенца Ацамаза из колыбели. Чтобы выйти из колыбели, ребенку Ацамазу приходится разломать ее следующим образом: «Æмæ лæппу йæхи аивæзта авдæны мидæг æмæ йæ иу фарсы фæйнæг аппæрста, æмæ денджызы сæмбæлдис, æмæ денджыз хæрз хуыскъ бацис; йæ иннæ фарсы фæйнæг саухъæдыл сæмбæлдис, æмæ цъæх арт суагъта; йæ нывæрзæны фæйнæг Сау хохыл сæмбæлдис, æмæ Сау хох лæбырдтытæ фæцис; йæ дæлфæдты фæйнæг Урс хохыл сæмбæлд, æмæ уый дæр лæбырдтытæ фæцис» [3, с. 309]. (И потянулся мальчик в колыбели и выкинул одну боковую доску, и попала она в море, и море высохло; другая боковая доска попала в чернолесье и испустила синее пламя; доска, что находилась в изголовье, попала в Черную гору, и Черная гора осела; доска, что находилась в ногах, попала в Белую гору, и она осела[1]).

Выход из колыбели Ацамаза говорит об отделении мальчика из статуса младенца, т. е. он покидает не только свою колыбель, но и отцовский дом, Нарту. В этом эпизоде Р. Ф. Фидаров видит воинскую инициацию, которая происходит за пределами нартовского поселения [4, с. 71, 73].

Освободившись из своей люльки, герой осетинского эпоса отправляется играть в альчики (бабки). Здесь он случайным образом узнает об убийстве своего отца. Героя упрекают в том, что он до сих пор не отомстил за его кровь. Ацамаз выиграл у сына колдуньи альчики (бабки); тот расплакавшись, побежал с жалобой к матери. Рассерженная женщина пришла в дом Аца и стала упрекать мальчика: «– У моего бедного сына нетрудно выиграть бабки и обидеть его! Не думаешь ли ты этим восполнить месть за убитого отца твоего?! Если ты остался хорошим сыном, сыном, достойным твоего отца Аца, то отчего ты не подумаешь о том, что его убил турецкий хан Елта-Быца, и наш Насран-алдар пошел к нему с войсками воевать! Отчего ты об этом ничего не знаешь? Что может быть для тебя легче, чем обидеть моего бедного сына!» [3, с. 435]; сходно в адыгском эпосе: «– Если ты такой сильный, убил бы убийцу своего отца, который не

[1] Здесь и далее перевод осетинских текстов на русский язык выполнен З. П.

дает покоя нартам, чем драться с моим сыном!» [5, с. 293, с. 296, с. 301]; в карачаево-балкарском эпосе Ачемез у лысого мальчика-сироты также выигрывает альчики. Обиженный мальчик пожаловался своей матери, которая упрекает юного героя: «–…Будь мужчиной не перед моим сыном, [а] перед убийцей [своего отца]!» [6, с. 546, с. 550, с. 562, с. 565].

Узнав об убийстве отца, герой, понимая, что мать не раскроет ему имя убийцы, прибегает к хитрости — притворяется больным, затем испытывает мать при помощи прижигания ее руки раскаленной железной плитой [3, с. 435-436]. Мотив прижигания руки (груди) матери горячим ячменем или кашей известен и в адыгском, карачаево-балкарском и вайнахском эпосе о нартах [5, с. 284, с. 294, с. 297, с. 302; 6, с. 546-547, с. 550, с. 553, с. 556, с. 558, с. 563, с. 565; 7, с. 148]. Изредка он попадается в волшебных сказках. В архаичной чувашской сказке героиня, которую упрекают девочки-подружки, по совету ворожеи прищемливает оконной рамой грудь своей матери, дабы узнать правду о своих братьях [8, с. 361-362].

Мать, долгое время скрывавшая от единственного оставшегося в живых сына имя убийцы его отца, проклинает того, кто выдал ему тайну: «– Да не простит тому Бог, кто тебе это говорил…» [3, с. 436]. Женщины-осетинки в своих проклятиях чаще употребляли слова — черный, гореть, очаг, основа и т. п., а мужчины в основном проклинали именем Бога — Хуыцау. Однако проклятия, связанные с именем Бога употреблялись представителями обоего пола [9, с. 67].

Аналогичные проклятия находим в адыгском эпосе: «– Да прогневается тха на дом того, кто подговорил тебя…»; «… — пусть болезнь живота унесет того, кто сказал тебе это…»; «– Чтоб тебе отправиться вслед за твоим отцом!» [5, с. 294, с. 297, с. 302]; в карачаево-балкарском: «– Пусть участь твоего отца постигнет того, кто об этом сказал тебе!»; «– Да, чтоб сгинул, [как они] (люди из рода Ачея — З. П.) тот, кто тебе сказал!» [6, с. 550, с. 553].

Проклятие — частый эпизод в эпосе. Особую силу приписывали материнскому проклятию, т. к. в нравственном отношении мать считалась роднее детям. От слов женщины во многом зависела судьба близких. Если мать проклинала своих детей, оно непременно сбывалось [10, с. 41-42]. Следовательно, проклятие матери обиженного ребенка находит его обидчика и является не менее опасным для последнего.

В абазинской версии нартиады данное проклятие произносит не мать героя, а его дядя — брат отца: «– Чтобы язык отсох у той, кто тебе сказал об этом» [11, с. 269].

У горцев Кавказа, как и у других носителей традиционной культуры, дядя по отцу считался менее родным, нежели дядя по матери [12, с. 69]. Это связано с тем, что в традиционном обществе, если ребенок лишается отца, мать вместе с ним возвращалась в свой род. Покровителем ребенка становился брат матери. Сирота воспитывался вместе с его детьми (но брак с его дочерьми в этом случае запрещался). В том случае, когда умирали и мать и отец, воспитание детей возлагалось, как и в первом случае, на брата матери. Дядя по матери обязан был заботиться о племяннике и по достижении им зрелости позаботиться о его вступлении в мужской союз. Это был долг дяди, к которому его принуждало строгое общественное мнение под угрозой потери уважения. Зато братья отца и дети его сестёр могли выдвигать претензии к сироте [13, с. 21-23, 25]. Часто в эпосе Евразии дядя по отцу враждебен главному герою [14, с. 146]. Возможно, в абазинском эпосе первоначально это проклятие принадлежало матери героя, так же как и в остальных версиях. Воспитание мальчика родственниками отца — стадиально позднее явление, связанное с укреплением позиций отцовского рода [13, с. 23], что может свидетельствовать о более позднем формировании абазинских вариантов.

В эпической биографии Ацамаза преобладают мотивы, связанные с отцовским конем: знакомство героя с конем, укрощение боевого коня героем, диалоги коня и героя и т. д.

Известно, что в героическом эпосе конь занимает одно из центральных мест, ему уделяется большое значение в подвигах героя. «Конь как боевой товарищ и главный помощник богатыря в соответствии с реальными условиями воинской жизни играет в эпосе не менее важную роль, чем в сказке богатырской или волшебной» [15, с. 23]. Фольклорист К. В. Луговой коня относит к категории медиаторов-усилителей. По мнению ученого, внешним признаком медиативности коня является, прежде всего, наличие крыльев и трехногости — одна нога коня не видна, поскольку находится в «Ином мире». Потустороннее происхождение коня Ацамаза подчеркивает и его обитание в подземелье, где он воспитывается чертями [16, с. 104] Ацамазу двенадцать дней пришлось продвигаться по мышиной норе к белому говорящему коню отца, который долгое время пи-

тался только железными опилками [3, с. 308], что рассматривается исследователями как проявление архаичного мироустройства [17, с. 133].

Интересно обратиться к образу коня героя в других версиях нартиады. В эпосе адыгов отцовский конь Ашамеза является белым (вариант — серым) и находится в медной конюшне или в подземелье [5, с. 285, 287, 297, 303, 311]; в карачаево-балкарском эпосе рыжий жеребец со спиной мышиного цвета обитает в конюшне, подземелье и также питается железом [6, с. 547, 553, 556, 559].

В туркменском героическом эпосе, испытавшем сильное иранское влияние, дед дарит богатырю жеребёнка, но его необходимо поить и кормить под землёй, да так, чтобы лучи солнца не проникали туда [18, с. 411-413]. Подобные мотивы свойственны и архаичным волшебным сказкам многих народов, где герой может получить коня, содержащегося в лесном погребе либо на горе в склепе, выкопать его из-под земли или найти в подземном мире. Они находят параллель в погребальном обряде осетин и связанных с ним представлениях. В данном случае этнографические связи эпического мотива носят несколько «перевёрнутый» характер: в обрядах конь сопровождает покойника в иной мир (посвящается покойнику), то есть живые отдают мёртвому живого коня, а в эпосе и сказках покойник, находящийся на том свете, дарит живым сакрального коня. И именно такая лошадь, подаренная из-за могилы, является богатырским животным. Её сивая или белая, реже рыжая масть указывает на потусторонний мир. В отличие от сказочных и эпических волшебных средств (например, зуба Аркыза), которые передаются по женской линии, конь всегда наследуется по мужской линии — от отца, деда, прадеда. Если в обряде погребения у осетин и других народов коню придаётся сакральный смысл, то в сказаниях и волшебной сказке этот персонаж осмысливается в эпическом плане [19, с. 202-203, с. 205, с. 207; с.20, с. 146-148]. Такому волшебному помощнику нужно особое питание [21, с. 62].

Чудесный конь — не только участник походов, помогающий своему хозяину добиться победы. Конь в эпосе народов Евразии является покровителем и руководителем хозяина, порой превосходящим его в даре предвидения, быстроте реакций в сложных ситуациях, обладающим твёрдой волей. В качестве советчиков кони выступают при самых различных обстоятельствах. Иногда они более сведущи, чем сами богатыри [22, с. 124-125, с. 128-131]. Во многих

эпизодах конь советует Ацамазу каким образом одолеть противника. Приведем пример с конем, обмазанным клеем, который встречается в трех версиях эпоса: осетинской, адыгской и карачаево-балкарской: «Подъехав близко к табунам турок, Ацамаз слез со своего коня и начал мазать его в озере безводным чистым клеем, [после чего] он — конь — семь раз вывалялся в песке, и после того на нем укрепилось семь слоев клея и песка» [3, с. 442]. «Гость поймал своего коня, обмазал его клеем из сенной трухи и отпустил, чтобы конь вывалялся в песке, — песок пристал к нему, так мазал он коня [до тех пор], пока не кончилось, что было в лагуне»[5, с. 315]. «…снимешь с меня седло, обмажешь меня клеем и натрешь песком…» [6, с. 550]. То, что богатырский конь владеет человеческой речью, тоже является очень архаичным эпическим мотивом, который присутствует не у всех народов степи [22, с. 139-146].

После того, как Ацамаз укротил боевого коня и надел на себя тяжелое оружие отца, он отправляется на поиски своего противника. Приблизившись к войскам Насран-алдара, герой развел костер и живо стал сдирать шкуры животных, которых он набил по дороге. Заметив большой свет, Насран-алдар отправил своих людей к тому месту. Вернувшись, люди Насран-алдара рассказали ему о ловком, мужественном, но маленьком мальчике. Удивленный рассказам очевидцев, Насран-алдар приехал к мальчику и узнал его по черной бурке своего присяжного брата Аца, т. к. бурка «завернула сама себя в кружок и подкатилась под Насран-алдара» [3, с. 433].

В адыгской версии Насран-Жаке узнает своего племянника по его имени [5, с. 286], в карачаево-балкарской — по коню [6, с. 559, с. 563] или по запаху той соли, которую имели одни Ецеевы [6, с. 566].

Рассмотрев кабардинский вариант данного сказания, Вс. Миллер связал его с основным типом былин о встрече Ильи с Сокольником, где Ашамаз — Сокольник, Насранжаке — Илья, а Сосрыко — Добрыня. Ученый приходит к выводу, что сюжет о встрече отца с мальчиком-сыном мог повлиять на нартовский эпизод встречи Насранажаке и Ашамаза. По мнению Вс. Миллера, это влияние указывает на глубокую древность рассматриваемого отрывка и на «путь (северокавказской степи), которым он пробрался на Русь» [23, с. 139-140]. Сюжет мести богатыря за отца показывается в фольклоре народов Евразии в общей атмосфере культа родовой взаимопомощи, тесных семейно-родовых связей. Здесь в центре сказания стоит не племя, а род, типичны мотивы взаимопомощи братьев и особенно побрати-

мов. Культ побратимства (обычая принятия в род) становится выражением избирательной дружбы богатырей [24, с. 271].

Месть за отца часто бывает первым подвигом богатыря. Как правило, герой побеждает врагов, убивает их, возвращает похищенный скот. В богатырских поэмах степных народов месть за отца иногда предшествует героическому сватовству. Это справедливо и в отношении юных родовых мстителей в нартовском эпосе. И героическое сватовство, и кровная месть идеализируются как следование родо-племенному обычному праву, как определенная норма общественного поведения. Но в эпосе они осуществляются не коллективно, а в результате героического деяния богатыря, обладающего исключительной силой и выдающимися качествами [24, с. 270-271]. После трехдневной битвы, обессиленный Ацамаз по совету своего коня притворяется мертвым. Жена противника обладала чудесным свойством исцелять любые раны. Она пожалела мальчика и решила исцелить его: дохнув на него [3, с. 311; 4, с. 290], коснувшись рукой [5, с. 299], обмыв его раны теплой водой с мылом и смазав их снадобьем [5, с. 306; 6, с. 551, с. 560].

Во всех версиях нартовского эпоса, кроме абазинской, враг Ацамаза/Ашамеза/Ачемеза предчувствует свою скорую смерть [3, с. 444; 5, с. 300; 6, с. 554, с. 560]. В волшебной сказке хтонический противник тоже каким-то образом знает о существовании героя. Мало того, он знает, что он погибнет от руки героя. Можно выразиться ещё точнее: ни от какой другой руки противник погибнуть не может, он бессмертен и непобедим. Между героем и противником есть какая-то связь, начавшаяся где-то за пределами рассказа. Эта связь началась раньше, чем начинается повествование [20, с. 187]. Часто значение имеет род героя. Зная, от чьих рук умрёт, противник начинает преследовать своего будущего убийцу, но предначертанное сбывается [21, с. 62]. В перечисленных версиях жена успокаивает мужа, хотя знает, что мальчик живой, т. к. был ею исцелен. Приблизившись к спящему врагу, Ацамаз сносит противнику голову его же мечом [3, с. 445, с. 313; 5, с. 290, с. 300, с. 307; 6, с. 549, с. 552, с. 554, с. 557, с. 560, с. 562, с. 564].

Мотив неуязвимости — герой убивает врага только его оружием, так как другое его не берет, известен и в и ингушской версии эпоса [7, с. 150]. Он основан на одном из важнейших домифологических магических представлений, которое бытует до сих пор: подобное уничтожается подобным. Поэтому оружие эпического и сказоч-

ного героя должно быть сродни тому, против кого оно направлено. Любое другое оружие будет неэффективно, так как его воздействующая сила находится несколько в другой плоскости, чем поражаемый им противник. Чаще всего орудие умерщвления принадлежит самому противнику [25, с. 479-480; 26, с. 405].

В осетинской, адыгской и карачаево-балкарской версиях герой после совершения своего подвига забирает все имущество, табуны и молодую жену противника [3, с. 318, с. 333, с. 445-446; 5, с. 290, с. 300, с. 307; 6, с. 549, с. 552, с. 555, с. 557-558, с. 562, с. 564]. Следовательно, сказания об Ацамазе/Ашамезе/Ачемезе заканчиваются женитьбой героя на жене побежденного врага. По справедливому замечанию исследователя адыгского нартовского эпоса А.М. Гутова, в сюжете о кровной мести следует видеть не только мотивы сиротства, богатырского детства и инициальных испытаний, но и мотив богатырского сватовства [1, с. 152]. Такая архаичная форма престолонаследия по женской линии, где герой получает царство, женившись на вдове или дочери убитого им царя, свойственна и волшебной сказке [20, с. 289-298].

В абазинском и ингушском эпосе герой встречается с будущей женой во время совершения своего подвига, не являющейся супругой побежденного врага [11, с. 273; 7, с. 151]. В дигорском сказании, известном в изложении М. Туганова, женой Ацамаза становится его союзница — дева-воительница Наширан-алдар, которая распускает своё войско и прекращает свою богатырскую деятельность. Род Ацамаза продолжается [27, с. 209]. Аналогичные коллизии с «разоружением» после бракосочетания часто присутствуют в эпических преданиях, легендах и сказках о женщинах-богатыршах, победоносно сражавшихся воинствах девушек. Они исторически связаны с главенством женщин и материнским родом [28, с. 151-156; 29, с. 82-102, с. 117-119, с. 186-210; 30, с. 28, с. 57, с. 112-122]. Совершив подвиги по защите своего народа, страны или селения от неприятеля, поучаствовав в походах, набегах и войнах, девушка затем вводится посредством брака в жёсткие рамки семейной жизни, где единственно правомочным вариантом самореализации становится служение мужу (в конкретном выражении — обеспечение преемственности его генеалогической линии) [31, с. 59-60, с. 65].

Таким образом, в проведенном исследовании была выявлена полная картина сходных сюжетов и мотивов об Ацамазе в осетинской, адыгской, кабардино-балкарской, вайнахской, абазинской

версиях нартовского эпоса, на основе сопоставительного анализа эпических текстов. В большинстве сказаний главной целью начального этапа жизни Ацамаза является месть за кровь отца, для осуществления которой герою предстоит пройти немало испытаний: 1) освобождение из колыбели; 2) игра с нартовскими мальчиками; 3) выведывание у матери имени убийцы отца;4) знакомство героя с конем; 5) добывание оружия отца; 6) узнавание героя (Ацамаз и Насран-алдар); 7) бой Ацамаза с убийцей отца; 8) Ацамаз и жена-чародейка противника; 9) завоевание всего имущества врага. Заметны также отзвуки архаичных родовых отношений и институтов. Отметим, что в абхазской и ингушской версиях нартиады сказания из рассматриваемого цикла представлены упрощенно и эпизодично по сравнению с текстами других национальных версий.

Примечания

1. Гутов А. М. Поэтика и типология адыгского нартского эпоса. М., 1993.

2. Мелетинский Елеазар. Избранные статьи. Воспоминания. М., 1998.

3. Нарты кадджытæ: Ирон адæмы эпос. Дзæуджыхъæу, 2007. Ч. IV.

4. Фидаров Р. Ф. Обряд воинской инициации в осетинском нартовском эпосе // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена, 2009. Выпуск № 114.

5. Нарты. Адыгский героический эпос. М., 1974.

6. Нарты. Героический эпос балкарцев и карачаевцев. М., 1994.

7. Ингушский нартский эпос. Нальчик, 2012.

8. Хубецова З. Р. Осетинские клятвенные формулы // Вопросы осетинского языкознания. Т. XXXIII.

9. Три голубя. Сказки народов Башкирии, Татарии и Чувашии/Составитель, автор послесловия и комментариев М. Н. Юхма. Казань, 1990.

10. И [ванов] П. Сила родительского проклятия // Этнографическое обозрение. М., 1889. Кн. 3.

11. Нарты. Абазинский народный эпос. Черкесск, 1975.

12. Скитский Б. В. Очерки истории горских народов. Орджоникидзе, 1972.

13. Мелетинский Е. М. Герой волшебной сказки: Происхождение образа. М.; СПб, 2005.

14. Неклюдов С. Ю. Героический эпос монгольских народов: устные и литературные традиции. М., 1984.

15. Жирмунский В. М. Народный героический эпос: сравнительно-исторические очерки. М.; Л., 1962

16. Луговой К. В. Ритуал в нартовском эпосе народов Северного Кавказа. Новосибирск, 2013.

17. Цхурбати З. Л. Мотив мирового дерева в осетинском нартовском эпосе // Nartamongae. The Journal of Alano-Ossetic Studies; Epic, Mythology & Language. Paris — Vladikavkaz/Dzaewydžyqaew, 2005. Vol. 3. № 1-2.

18. Гёр-оглы: Туркменский героический эпос. М., 1983.

19. Салмин А. К. Народная обрядность чувашей. Чебоксары, 1994.

20. Пропп В. Я. Исторические корни волшебной сказки. М., 2000.

21. Хусаинова Г. Р. Поэтика башкирских народных волшебных сказок. М., 2000.

22. Липец Р. С. Образ батыра и его коня в тюрко-монгольском эпосе. М., 1984.

23. Миллер Вс. Ф. Экскурсы в область русского народного эпоса. М., 1892.

24. Мелетинский Е. М. Происхождение героического эпоса. М., 2004.

25. Наговицын Алексей. Мифология и религия этрусков. М., 2000.

26. Гаврилов Дмитрий, Наговицын Алексей. Боги славян. Язычество. Традиция. М., 2002.

27. Туганов Махарбек. Литературное наследие. Орджоникидзе, 1977.

28. Толстова Л. С. Исторические предания Южного Приаралья. К истории ранних этнокультурных связей народов Арало-Каспийского региона. М., 1984.

29. Толстова Л. С. Исторический фольклор каракалпаков как источник для изучения этногенеза и этнокультурных связей этого народа // Этническая история и фольклор. М., 1977.

30. Калоев Б. А. Осетинские историко-этнографические этюды. М., 1999.

31. Карпов Ю. Ю. Женское пространство в культуре народов Кавказа. Санкт-Петербург, 2001.

Ф. О. АБАЕВА,
кфн, СОИГСИ им. В. И. Абаева
(г. Владикавказ)

СТАТУСНЫЕ НОМИНАЦИИ ПЕРСОНАЖА *ЧЫНДЗ* (НЕВЕСТА) В ОСЕТИНСКОМ ЯЗЫКЕ

Статья посвящена анализу обрядовой свадебной лексики и терминов, связанных с изменением статуса невесты на разных этапах брачного церемониала (досвадебный, собственно свадебный и послесвадебный); производится сравнительно-сопоставительный разбор статусной лексики на основе иронского и дигорского диалектов осетинского языка; предпринята попытка определить семантику выявленных статусных номинаций.

Ключевые слова: *статусная лексика, невеста, осетинский язык.*

The article analyzes the wedding ritual lexis and terms related to the change in status of the bride on different stages of the marriage ceremony (pre-wedding, wedding and after-wedding); performed of comparative parse of status lexicon based on Iron and Digor dialects of the Ossetian language; made an attempt to determine the semantics of the revealed status nominations.

Keywords: *status lexicon, bride, Ossetian language.*

Свадебный обряд входит в систему обрядов перехода, в которых свойство лиминальности занимает одно их главных мест. ***Чындз, усаг*** *невеста* — главный сакральный субъект свадьбы. Именно она подвергается испытаниям и переживает основные перемены. Статусные изменения данного персонажа находят отражение в языке, где их характерные особенности отображаются на лексическом уровне.

На разных этапах свадебного церемониала меняется не только характер обрядовых действ, но и номинации, связанные с главным персонажем — невестой, именно в лексике наиболее ярко находит отражение свойство лиминальности, присущее данному обрядовому лицу, а «преобразование социального статуса невесты символически осмысляется как смерть в прежнем качестве и рождение в новом» [Гура,2004: 381].

Предсвадебный цикл ***чындзæхсæвы агъоммæ*** — наиболее важный этап в свадебном процессе, от которого зависят все последующие действия. На этом периоде происходит завязка свадебного церемониала, основная цель которого — достичь положительных результатов, при этом соблюсти материальный расчёт, выраженный в форме выкупов, даров и приданого. Необходимо выделить морально-этические аспекты досвадебных актов: происходит сложный переход девушки в другую половозрастную категорию, нахождение её в сложном лиминальном состоянии (*засватанная девушка* ***куырдуаты бадæг***).

Первая половина свадебного обряда (***чызгæрвыст***), проникнутая тревогой и печалью, посвящена символической смерти девушки, а вторая, следующая после всех ритуальных действий в доме жениха (***чындзхаст***), как правило, весёлая, строится вокруг возрождения невесты. Лексема ***чызгæрвыст*** производна от слов ***чызг*** *девушка, девочка, дочь* и ***æрвитын*** *посылать, отсылать*; лексема ***чындзхаст*** — от ***чындз*** *невеста, невестка* и ***хæссын*** *приносить, приводить*. На лексическом уровне прослеживается ***статусный переход*** осетинской *девушки* ***чызг*** в статус *невесты* ***чындз***, т.е. в родительском доме она — дочь, в доме жениха становится невесткой. Примечательно то, что лексема ***чындз*** восходит к иранской этимологии, а лексема ***чызг*** — к тюркской.

Жених и невеста в контексте предсвадебного периода осетин, безусловно, являются центральными участниками обряда. Изменение статуса невесты символически осмысляется *как смерть*, т.е. пребывание её в «*полночной*», т.е. северной стороне — в мире мёртвых, это было необходимым условием её перехода в новое состояние.

Лексемы, обозначающие невесту в разные периоды, демонстрируют эту переходность. Термин, обозначающий девушку, достигшую возраста, когда можно выходить замуж, т.е. *девушку на выданье* ***чындздзон чызг*** — переходит в ***куринаг чызг*** — *девушка, которую сватают*. «Термины, относящиеся к девушке, — ***куырд чызг*** *просватанная девушка* (определение образовано по действию *сватать* ***курын***) и ***куырдуаты бадæг*** уже *просватанная*, *обручённая*, — актуальны именно в предсвадебном периоде осетин. Эти термины, как и понятие ***чындзыцæуæг***, досл. «идущая замуж», демонстрируют лиминальность главного участника обрядового акта» [Абаева,2013: 59].

Проследим обрядовый переход персонажа невеста, отражённый в терминах, свойственных *иронскому* диалекту осетинского языка на примере схемы:

САБИ-ЧЫЗГ	СТАТУС ДЕВОЧКИ-РЕБЁНКА
↓	↓
ЧЫЗГ	СТАТУС ДОЧЕРИ
↓	↓
ЧЫНДЗДЗОН ЧЫЗГ, КУРИНАГ ЧЫЗГ	СТАТУС ДЕВУШКИ, КОТОРУЮ МОЖНО СВАТАТЬ
↓	↓
КУРÆГГАГ ЧЫЗГ	СТАТУС ДЕВУШКИ, КОТОРУЮ СВАТАЮТ (БУКВ. ИСПРАШИВАЕМАЯ ДЕВУШКА)
↓	↓
КУЫРД ЧЫЗГ	СТАТУС ЗАСВАТАННОЙ (ПРОСВАТАННОЙ) ДЕВУШКИ
↓	
УСАГ, ЧЫНДЗАГ	СТАТУС НЕВЕСТЫ ПОСЛЕ СВАДЕБНОГО СГОВОРА
↓	↓

ЧЫНДЗ	СТАТУС НЕВЕСТЫ НА СВАДЬБЕ
↓	↓
НОГ ЧЫНДЗ	СТАТУС НЕВЕСТКИ (СНОХИ)
↓	↓
УС	СТАТУС ЖЕНЫ
↓	↓
МАД	СТАТУС МАТЕРИ

Проследим обрядовый переход персонажа невеста, отражённый в терминах, свойственных *дигорскому* диалекту осетинского языка на примере схемы [Таказов, 2015]:

САБИЙ-КИЗГÆ	СТАТУС ДЕВОЧКИ-РЕБЁНКА
↓	↓
КИЗГÆ	СТАТУС ДОЧЕРИ
↓	↓
КОРУЙНАГ КИЗГÆ	СТАТУС «ДЕВУШКА НА ВЫДАНЬЕ»
↓	↓
КОРÆГГАГ КИЗГÆ	СТАТУС ДЕВУШКИ, КОТОРУЮ СВАТАЮТ (БУКВ. ИСПРАШИВАЕМАЯ ДЕВУШКА)
↓	↓
КУРДУАТИ БАДÆГ	СТАТУС ЗАСВАТАННОЙ (ПРОСВАТАННОЙ) ДЕВУШКИ ОБРУЧЕННАЯ
↓	↓

УОСАГ, КИНДЗАГ НОСТАГ	СТАТУС НЕВЕСТЫ ПОСЛЕ СВАДЕБНОГО СГОВОРА, НАРЕЧЁННАЯ
↓	
КИНДЗÆ, НОСТÆ	СТАТУС НЕВЕСТЫ/НЕВЕСТКИ НА СВАДЬБЕ
↓	↓
НÆУÆГ КИНДЗÆ, КИЗГÆ-УОСÆ	СТАТУС НЕВЕСТКИ (СНОХИ), МОЛОДУХА
↓	↓
УОСАЙ, НОСÆ	СТАТУС ЖЕНЫ
↓	↓
МАДÆ	СТАТУС МАТЕРИ

Проведённая параллель между статусными номинациями, обозначающими невесту на разных этапах свадебной обрядности на примере двух диалектов осетинского языка, позволяет установить, что значительных лексико-семантических расхождений между терминами не обнаруживается, есть характерные морфологические различия: присутствие показателя именительного падежа ***-æ*** в дигорском диалекте: *мадæ, уосæ*; а также фонетические — отсутствие палатальной аффрикаты ***ч*** в дигорском: *чызг* (ир.) — *кизгæ* (диг.), *чындз* (ир.) — *киндзæ* (диг.).

Важное расхождение между статусными номинациями иронского и дигорского диалектов осетинского языка прослеживается на лексическом уровне, где и наиболее ярко прослеживается лиминальность персонажа невесты, отражённая в слове ***ностæ***, используемое в дигорском диалекте. Этимология лексемы отображает новое (другое) состояние девушки, выходящей замуж. Подобное табуистическое обозначение персонажа *невесты* ***ностæ*** (согласно этимологии — *новая женщина*) должно было защитить молодую девушку, вступающую в чужой для неё дом, другой род, от дурного

воздействия. Слово ***ниссæ***, также употребляемое для обозначения невесты в дигорском диалекте, означает «дама». По В. И. Абаеву, для ***ностæ*** «закономерное иронское соответствие **nūst* сохранилось в *fajnūst* ʽятровьʾ. Восходит к **иран**. **snuša-* (с вторичным усилением гласного — **snauša-*) с закономерным отпадением начального s (ср. *najyn*, *nwar*) и наращением *-t/-ta*, как в *cæst/cæstæ, myst/mistæ, syst/sistæ, sæftæg*. Усилению гласного в осетинском (*nos-* вместо *nus-*) могла способствовать контаминация с **næw-ostæ* ʽновая (молодая) женщинаʾ с последующим стяжением» [Абаев, II, 1973: 190]. Наше внимание привлекла цитата из работы Вс. Ф. Миллера, приведённая В. И. Абаевым: «Сближение с **др.инд**. *snuṣā-* без сомнения неверно; *nostæ* сопоставляется с слав. невѣста, хотя звуковая сторона обоих слов не вполне ясна» [Абаев, II, 1973: 190-191]. Но от этого наше предположение о табуированном обозначении персонажа «невеста» не меняется.

Согласно исследованиям по осетиноведению, связанных с проблемами терминологии родства в осетинском языке, Е. Б. Бесоловой установлено, что определения *чызгус* (ир.) и *кизга осæ* (диг.) в значениях «молодая женщина», «молодица» образованы различными словообразовательными способами: «в иронском термин образован сложением слов *чызг* «девушка» + *ус* «женщина», где в качестве обоих компонентов выступают существительные в форме именительного падежа: букв. девушка-женщина, а в дигорском — описательно» [Бесолова, 2013: 63].

Одним из важных моментов послесвадебного цикла у осетин являлся *обряд переодевания невесты* ***разгæмттæ ивын*** в *женское приталенное («замужнее») платье* ***гуырджын сыф***, которое она носила первый год после свадьбы и до рождения первого ребёнка. Обряд протекал торжественно, в нём принимали участие женщины во главе со старшей хозяйкой дома ***хистæр æфсин***. Термин ***гуырджын сыф*** *женское платье* обусловлен лексемой ***гуырджын***, букв. приталенный. Такое платье (его крой) выступало маркером социального статуса молодой нерожавшей женщины среди остальных замужних женщин. Мотивация данного сочетания заключена также в обрядовой реалии ***сыф***, но несколько иной символической функции — платье фигурирует в обряде не столько как атрибут знакового характера, сколько как подарок молодой.

Наименования, присваиваемые невесте в собственно свадебный цикл, могут различаться по тому, кто называет невесту, на-

пример, ***æндæрхъæуккаг***, букв. человек из другого села. Как правило, такое обозначение невесты характерно для стороны жениха, если невеста из другого села. Лексемы ***усаг***, ***къайаг***, ***чындз***, ***мойгæнæг***, диг. ***ностаг/ностæ*** со значением «*невеста*» зафиксированы нами в словарях как собственно свадебные термины, употребляемые в обрядовом контексте. В настоящее время наиболее употребительной для обозначения невесты является лексема ***чындз***.

Специфичность персонажа невесты заключается в его амбивалентности, которая включает в себя бинарные оппозиции: свой — чужой; опасный — подверженный опасности. Двойственность эта одновременно вызывает двоякость функций персонажа, где она выступает в роли объекта ритуальных действий (невесту сватают, одевают; её водят, одаривают; произносят в её честь молитвословия, благопожелания; за ней приезжают сваты и т.д.), будучи пассивным действующим лицом в определённых обрядовых актах. И, наоборот, в роли субъекта обрядовых действий — невеста становится основным элементом обряда (в одаривании родных и гостей, в ритуалах, совершаемых при входе в дом жениха, при знакомстве с матерью жениха).

Мотив свершившегося перехода и окончательная смена статуса *девушки* ***чызг*** и *юноши* ***лæппу***, прошедших этап *невесты* ***усаг/чындз*** и *жениха* ***мойаг*** и ставших *невесткой* ***мойджын/чындз*** и *зятем* ***сиахс***, находит отражение в послесвадебном цикле и сопровождающих его ритуалов.

Таким образом, в результате лингвокультурологического анализа статусной лексики, связанной с *невестой* ***чындз***, определили, что каждому новом этапу свадебной обрядности осетин соответствует новый термин, применяемый к данному обрядовому лицу, значительных расхождений между иронскими и дигорскими номинациями не прослеживается, исключая лексем ***ностаг*** (диг.) (невеста) и ***ностæ*** (диг.) (сноха, невестка).

Итак, социальная роль и статус центрального персонажа обрядового свадебного текста осетин отображаются в языке, и, как показывает исследование, в основном, статус невесты на различных этапах обряда транслирует лексика.

Примечания

1. Абаев В.И. Историко-этимологический словарь осетинского языка. Т. II. Л.: Наука, 1973. 448 с.

2. Абаева Ф.О. Обрядовый свадебный текст осетин (лексика, семантика, символика): монография. Владикавказ: ИПЦ СОИГСИ ВНЦ РАН и РСО-А, 2013. 251 с.

3. Бесолова Е.Б. Макроконцепт родства и свойства (тугхæстæгдзинад æмæ хионты амонæг макроконцепт) в осетинском языке // Известия СОИГСИ. 2013. Вып. 9 (48). С. 58-68.

4. Гура А.В. Невеста // Славянские древности: Этнолингвистический словарь в 5-ти томах/Под ред. Н.И. Толстого; Институт славяноведения РАН. М.: Международные отношения, 2004. Т. 3. С. 381-388.

5. Таказов Ф.М. Дигорско-русский словарь. Русско-дигорский словарь. 2015. 872 с.

Список условных сокращений

Языки и диалекты:

ир. — иронский диалект осетинского языка;

диг. — дигорский диалект осетинского языка.

VI. ПОЛИТОЛОГИЯ

Е. А. АГЕЕВА, В. А. ТИМЧЕНКО, Е. Г. МАТРОСОВА, Е. С. КУЛЬКИН,
Северо-Кавказский институт РАНХиГС при Президенте РФ
(г. Пятигорск)

МОНИТОРИНГ СОСТОЯНИЯ МЕЖНАЦИОНАЛЬНЫХ И ЭТНОКОНФЕССИОНАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ В СИСТЕМЕ ЭТНОКОНФЛИКТОЛОГИЧЕСКОГО МЕНЕДЖМЕНТА

В статье представлен материал проведенного мониторинга межнациональных и этноконфессиональных отношений в Ставропольском крае. Цель предполагала постановку и решение масштабных задач и расчетов в соответствии с методикой расчета целевых индикаторов и показателей ФЦП «Укрепление единства российской нации и этнокультурное развитие народов России (2014-2020 года)». Авторы работы обобщили полученные данные и представили прогностические ожидания в сфере межнациональных отношений. Полученные выводы позволили сделать соответствующие предложения.

Ключевые слова: *мониторинг, межнациональные отношения, этноконфессиональные отношения, этноконфликтологический менеджмент, целенаправленная многоступенчатая выборка, квотный метод выборки*

The paper presents the material of the monitoring of inter-ethnic and ethno-confessional relations in the Stavropol region. Purpose of the proposed formulation and solution of large-scale tasks and calculations in accordance with the methodology of calculation of target indicators and indicators of FTP «Strengthening the unity of the Russian nation and ethnic and cultural development of the peoples of Russia (2014-2020 year)». The authors summarize the findings and provided prognostic expectations in the area of international relations. The findings led to the relevant proposals.

Key words: *monitoring, ethnic and ethno-religious relations, ethnoconflictological management, targeted multi-stage sampling, quota sampling method*

В общественно-политическом дискурсе термин мониторинг рассматривается как неотъемлемая часть управленческого процесса. И это действительно так, поскольку без системы наблюдения, анализа, оценки и прогнозирования процессов, происходящих в сфере межнациональных отношений весьма затруднительно принятие обоснованных управленческих решений по раннему предупреждению и порядку действий по предотвращению конфликтов и ликвидации последствий конфликтов.

Процедура мониторинга межнациональных отношений включает в себя выделение стандартной системы параметров для установления тенденций нарастания/снижения межэтнических противоречий и последующую аналитико-экспертную деятельность с использованием набора специальных индикаторов конфликтности, которые позволяют выделить достоверную и актуальную информацию.

Также мониторинг выполняет важную функцию оценки эффективности деятельности органов власти и управления, реализующих программы в сфере гармонизации межнациональных и этноконфессиональных отношений.

В июле — октябре 2014 г., в соответствии с государственным контрактом на оказание услуг по проведению мониторинга межнациональных и этноконфессиональных отношений в Ставропольском крае с применением инновационных социологических процедур, по заказу Комитета Ставропольского края по делам национальностей и казачества был проведен мониторинг мнений населения Ставропольского края.

Цель мониторинга состояла в выявлении оценки состояния межнациональных (межэтнических) и этноконфессиональных отношений в Ставропольском крае, разработке прогноза межнациональных и этноконфессиональных отношений в крае и формировании рекомендаций по предотвращению межнациональных конфликтов,

управлению межнациональными и этноконфессиональными отношениями для органов власти и управления, местного самоуправления, некоммерческих неправительственных организаций.

Цель предполагала постановку и решение масштабных задач и расчетов в соответствии с методикой расчета целевых индикаторов и показателей ФЦП «Укрепление единства российской нации и этнокультурное развитие народов России (2014-2020 года)», утвержденной постановлением Правительства РФ от 20 августа 2013 г. № 718, Государственной программой «Межнациональные отношения и поддержка казачества», утвержденной Постановлением Правительства Ставропольского края от 29.12.2012 N 568-п (ред. от 03.04.2014) и с учетом КЦП «Гармонизация межнациональных отношений в Ставропольского крае на 2012-2015 гг.»[1].

Среди наиболее актуальных задач:

1. определение доли населения, оценивающего состояние межнациональных отношений как стабильное;

2. определение доли населения, оценивающего состояние межнациональных отношений как конфликтное;

3. оценка населением этноконфессиональных отношений в Ставропольском крае;

4. выявление мнения респондентов о причинах межнациональной напряженности в Ставропольском крае;

5. определение степени сформированности у населения Ставропольского края единой духовной общности многонационального народа Российской Федерации;

6. определение доли населения Ставропольского края, у которого сформирована общероссийская гражданская идентичность;

7. подготовка прогноза развития межнациональных и этноконфессиональных отношений на территории Ставропольского края на 2015 год.

Опрос проводился методом анкетирования. Объем выборки составил 1000 человек. Выборка — целенаправленная многоступенчатая. На первой ступени выборки были определены и согласованы с заказчиком муниципальные образования Ставропольского края.

На второй ступени выборки происходил отбор респондентов.

Метод выборки — квотная. Для первой ступени квотами явились: тип поселения, характер поселения, национальный состав

Квоты для 2 ступени: пол, возраст, образование, национальность респондентов (Таблица 1.)

Таблица 1 — Структура выборочной совокупности по демографическим показателям

Показатели	Квоты	Характеристика выборочной совокупности
Пол		
Женщины	**53,5%**	**57,2%**
Мужчины	**46,5%**	**42,8%**
Возраст		
18-24 лет	**17,3%**	**15,6%**
25-60 лет	**61,3%**	**66,2%**
Свыше 60 лет	**21,4%**	**18,2%**

В выборочной совокупности воспроизведена также структура городского и сельского населения в крае, его национальный состав. (Таблица 2).

Таблица 2 — Структура выборочной совокупности по характеру населения и его национальному составу

Показатели	Квоты	Характеристика выборочной совокупности
Тип населения		
Городское население	**57,2%**	**52%**
Сельское население	**42,8%**	**48%**
Национальный состав		
Русские	**80,9%**	**82,9%**
Другие национальности	**19,1%**	**17,1%**

Небольшой перевес респондентов-представителей не русской национальности является оправданным в контексте проблемы мониторинга.

В сравнении с 2013 годом значимость аспектов, связанных с межнациональными отношениями в 2014 году снизилась на 2 позиции. Вместе с тем, по сравнению с 2012 годом (11 место) заметно усиление значимости межнациональных отношений в рейтинге проблем (на 6 позиций).

Таблица 3 — Рейтинг актуальных проблем в крае[1]

Проблемы	2012		2013		2014	
	%	Ранг	%	Ранг	%	Ранг
Коррупция, взяточничество	48,5	1	20,8	11	35,0	4
Рост цен, налоги, инфляция	46,5	2	45,0	1	37,6	3
Безработица	38,6	3	34,8	3	49,0	1
Рост преступности	34,9	4	29,0	7	26,0	8
Жилищная проблема и проблемы коммунального обслуживания	32,8	5	41,7	2	29,0	7
Распространение наркомании, алкоголизма	32,1	6	26,7	8	19,0	11
Состояние общественного транспорта и дорог	29,8	7	31,9	6	11,0	15
Состояние системы здравоохранения	28,0	8	11,0	14	33,0	5
Экономическое положение	25,3	9	21,0	10	47,0	2
Падение уровня культуры и нравственности у людей	24,6	10	24,4	9	12,0	14
Межнациональные отношения	18,3	11	34,2	4	31,4	6
Состояние системы образования	16,0	12	17,5	12	22,3	10
Состояние окружающей среды	11,5	13	10,6	15	9,0	16
Терроризм	11,0	14	8,7	16	24,0	9
Межконфессиональные отношения	8,2	15	14,6	13	17,0	12
Миграция (проблемы, создаваемые мигрантами)	7,1	16	32,3	5	14,7	13

Увеличилось количество граждан, считающих, что межнациональные отношения являются добрососедскими повысилось с 8,8% до 28,5%. Также в 2014 году в вопрос включена позиция «отношения меняются, то лучше, то хуже», чтобы выявить, насколько граждане готовы дать сравнительные оценки. Ответивших на данную позицию — 18,5% (Таблица 2).

[1] Данные в этом ранжированном ряду и далее приведены в процентах от количества респондентов, ответивших на вопрос.

Таблица 4 — Характер межнациональных отношений в населенном пункте и в крае в целом

Оцените состояние межнациональных отношений	Отношения добрососедские			Внешне спокойные, но напряжение ощущается			Отношения напряженные, случаются конфликты			Отношения меняются: то лучше, то хуже
	2012	2013	2014	2012	2013	2014	2012	2013	2014	2014
В крае, в целом	9,9	8,8	28,5	60,3	56,3	23,3	26,9	29,4	28,4	18,9

Указанные ответы в целом свидетельствуют о положительной динамике.

Основной причиной межнациональной напряженности, по мнению респондентов, остаются сложно социально-экономическое положение, рост безработицы и коррупция. По сравнению с предыдущими опросами незначительно изменился процент считающих ситуацию в регионах, граничащих с краем и ошибки в национальной политике важными причинами напряженности.

Талица 5 — Мнение респондентов о причинах межнациональной напряженности в крае

Какие причины, по Вашему мнению, вызывают межнациональную напряженность в регионе?	2012		2013		2014	
	%	Ранг	%	Ранг	%	Ранг
Коррупция					41,3	1
Ситуация в республиках Северного Кавказа	39,3	1	40,8	1	34,7	4
Ухудшение социально-экономического положения людей в России	39,0	2	34,6	2	36,1	2
Рост безработицы	33,0	3	29,2	4	35,0	3
Ошибки в национальной политике	30,3	4	30,4	3	21,3	5
Деятельность федеральных политиков	22,9	5	20,2	5	20,2	6
Террористические акции, гибель мирного населения	18,6	6	18,8	6	17,3	7
Миграция из стран ближнего и дальнего зарубежья	15,3	7	18,3	7	12,3	8
Предубежденность людей против некоторых национальностей	10,9	8	9,8	8	10,2	9
Подъем национального самосознания	9,4	9	9,4	9	8,7	10
Выступления отдельных СМИ, провоцирующих межнациональную неприязнь	7,2	10	8,8	10	8,7	10
Деятельность зарубежных стран	6,0	11	5,2	13	10,2	9
Радикализация религии	5,8	12	8,7	11	7,8	11
Деятельность региональных властей	5,2	13	6,7	12	6,7	12

Состояние межконфессиональных отношений большинство респондентов оценивают как «спокойные, толерантные» (24,4%). При-

мечательно, что еще больший процент (30,4%) считают, что «большинству это безразлично» (Таблица 6).

Таблица 6 — Оценка этноконфессиональных отношений

Оцените состояние этноконфессиональных отношений	Отношения спокойные, толерантные	Большинству населения это безразлично	Отношения напряженные	Отношения конфликтные	Затруднились ответить
Нефтекумский район	16	24	24	19	17
Туркменский район	41	27	16	0	16
г. Ставрополь	17,3	27,3	32	5,4	18
г. Невинномысск	21	37	16	14	12
Андроповский район	28	48	14	5	5
Александровский район	50	38	4	3	5
Кавказские Минеральные Воды	30,6	35,3	14	10,6	9,3
Красногвардейский район	62	18	10	10	0
Новоалександровский район	16	36	15	13	20
В крае, в целом	24,4	30,4	15,8	7,8	11,6

Обращают на себя внимание ответы респондентов на вопросы о самоидентификации.

Статистический анализ полученных данных и результатов других региональных исследований позволяет утверждать, что общероссийская гражданская идентичность сформирована у большого процента населения, частота упоминаний этой позиции выходит на 1 место. При этом заметна явная тенденция к снижению: если в 2012 году позиция составляла 78,8%, в 2013-73,7%, то в 2014-36,2%, что свидетельствует о невысоком уровне консолидации общества на основе общероссийских ценностей (Таблица 7).

Таблица 7 — Самоидентификация респондентов

Прежде всего, я ощущаю себя	Ставропольский край (кол-во чел.)	Ранг
Гражданин России	36,2	1
Житель своей местности	20,6	2
Представитель совей профессии	11,0	4
Представитель своей национальности	7,2	5
Представитель определенного класса:	3,0	10
А) среднего класс	5,9	8
Б) элит	6,1	7
В) маргинального слоя	8,0	12
Член своей семьи	14,0	3

Член общественной организации (политической партии)	1,8	11
Человек без будущего	3,3	9
Человек с четкой жизненной позицией	6,9	6

Таблица 8 — Прогностические ожидания в сфере межнациональных отношений

Как, по Вашему мнению, изменятся межнациональные отношения в крае в ближайшие 2-3 года?	Отношения улучшатся	Останутся без изменений	Отношения ухудшатся	Нет ответа
Нефтекумский район	12,1	45,9	41,9	26,0
Туркменский район	28,8	51,5	15,6	3,0
г. Ставрополь	41,3	37,3	21,3	
г. Невинномысск	36,4	52,0	11,5	4,0
Андроповский район	17,0	47,0	36,0	
Александровский район	15,4	13,4	40,2	3,0
Кавказские Минеральные Воды	32,6	52,6	14,6	
Красногвардейский район	37,0	62,0	1,0	
Новоалександровский район	22,9	60,2	16,9	17,0
В крае, в целом	27,05	46,8	22,11	5,88

Основные выводы по результатам мониторинга

1. межэтнические отношения в Ставропольском крае между наиболее многочисленными этническими группами носят стабильный (без заметных изменений) характер. В рейтинге наиболее актуальных проблем для Ставрополья национальные отношения переместились с 4-го места в 2013 году на 6-е в 2014;

2. в межэтнических отношениях заметна напряженность, которая периодически переходит в открытые противоречия и столкновения;

3. большая часть населения не сталкивалась с проявлениями неприязни по отношению к представителям своих этнических и конфессиональных групп;

4. часть населения края фрагментарно испытывает неприязнь к отдельным этническим и конфессиональным группам, но в целом доля не испытывающих неприязни достаточно высока 77,6% и 84,2% соответственно;

5. небольшая часть населения сталкивалась с проявлениями этнической неприязни в форме публичных высказываний, выражающих враждебное отношение к представителям тех или иных этничностей и конфессий, а также с пропагандой экстремизма и религиозной нетерпимости в СМИ;

6. большинство населения края, включая представителей многочисленных конфессий, либо безразлично либо толерантно относится к приверженцам других религий;

7. общероссийская идентичность занимает лидирующие позиции, но в сравнении с предыдущими периодами заметна тенденция к снижению процента ее четкого восприятия как ценностной основы. Таким образом, консолидация общества на основе общероссийских ценностей происходит фрагментарно, в основном в период значимых политических событий, мероприятий, при чрезвычайных ситуациях, как в стране, так и за рубежом,

8. в оценке перспектив развития межэтнических отношений заметна неустойчивость и колебания. Очевидно желание большинства общества надеяться на улучшение;

9. массовые насильственные конфликты на этнической или религиозной почве в ближайшей перспективе в крае маловероятны;

10. общественное мнение по поводу межнациональных и этнокофессиональных отношений формируется в первую очередь исходя из личного опыта и опыта знакомых и незначительно за счет влияния СМИ;

11. этнический и религиозный фактор остается конфликтогенным и в условиях ухудшения социально-экономического положения жителей, сохранения недоверия к власти, может быть использован в качестве консолидирующей противоборствующей силы.

В этой связи целесообразны:

• дальнейшее формирование системы мониторинга межнациональных и этноконфессиональных отношений;

• реализация региональных комплексных программ гармонизации межэтнических отношений;

• профилактика межэтнических конфликтов и постконфликтная реконструкция в первую очередь за счет:

1. формирования команды специалистов в сфере управления, образования, пропаганды и т.д.: государственных и муниципальных служащих, педагогов, журналистов, сотрудников НКО;

2. применения единых подходов и стандартов к определению конфликтогенных факторов и конфликтных ситуаций;

3. применения единых стандартов в случае привлечения участников возможных конфликтов к ответственности.

Примечания

1. ФЦП «Укрепление единства российской нации и этнокультурное развитие народов России (2014-2020 года)». [Электронный ресурс]. Режим доступа: garant.ru›Продукты›Прайм›Документы ленты прайм›2020 годы); Государственная программа «Межнациональные отношения и поддержка казачества», утвержденной Постановлением Правительства Ставропольского края от 29.12.2012 N 568-п (ред. от 03.04.2014). [Электронный ресурс]. Режим доступа: base.consultant.ru›Региональное законодательство›cgi/online.cgi

А. Э. АЙЛАРОВ,
аспирант СОИГСИ им. В. И. Абаева
(г. Владикавказ)

АРМЯНСКАЯ ДИАСПОРА В СЕВЕРНОЙ ОСЕТИИ

В статье рассматривается история армянской диаспоры Осетии в широком контексте истории армянского народа. Выявляются основные факторы консолидации армянской общины во Владикавказе и Моздоке — историческая память о геноциде как самой трагической странице истории армян и апостольская церковь. Армянская община определяется как этноконфессиональное сообщество, религия которого имела этнодифференцирущую функцию.

Ключевые слова: *диаспора, геноцид, армянская церковь, национально-культурное общество, возрождение*

The article describes the history of the Armenian diaspora of Ossetia in the broader context of the history of the Armenian people. Identifies the main factors for the consolidation of the Armenian community in Vladikavkaz and Mozdok is the historical memory of the genocide as the most tragic page of history of the Armenian Apostolic Church. The Armenian community is defined as ethno-community, the religion which has the ètnodifferencirušuû function.

Keywords: diaspora, genocide, Armenian Church, national cultural society, revivalАннотация и ключ слова на английском

История армянского народа насчитывает более 2500 лет. В начале VII века до н. э. ареал расселения армян занимал территории в Анатолии, Закавказье и Среднем Востоке которые впоследствии стали известны как Армения. Регион проживания армян в VII веке до н. э. охватывал восточно-анатолийские горы, земли вдоль реки Аракс, окрестности горы Арарат, озер Ван и Урмия, верхних течений рек Евфрат и Тигр; на севере они распространились до реки Кура.

Первые упоминания термина «армянин» встречаются уже в ранних греческих источниках, таких как Гекатей Милетский (525 до н. э.), Геродот и Ксенофонт, и трехъязычной Бехистунской надписи 520 года до н. э., где это название применяется либо ко всему населению Армянского нагорья, либо к древнеармянскому народу, проживавшему в западной части нагорья. По разным оценкам чис-

ленность армян в мире составляет до 12-14 миллионов человек, из которых лишь меньшая часть проживает в Республике Армения. Ввиду исторических обстоятельств армяне достаточно давно живут за пределами Армении.

Время первого появления армян на Северном Кавказе неизвестно, однако есть свидетельства, подтверждающие наличие значительного армянского населения на юге современной России уже в 1 веке до н. э. Это было связано с экспансией царя Великой Армении Тиграна Второго в 95-55 гг. до н. э. Хотя сама территория Северного Кавказа в состав Великой Армении не входила, но на ней располагался многотысячный контингент армянских легионов и их семей, согласно договору о военном союзе между Тиграном и Понтийским царём Митридатом, в чьи владения входили Северное Причерноморье, включая Крым и прибрежные части современных Краснодарского края и Ростовской области. Дальнейшее расселение армян на Северном Кавказе происходит в раннем средневековье и связано с миссионерской деятельностью Армении, стремящейся распространить христианство среди своих соседей-язычников. Существует история, записанная в «Истории Армении» Мовсеса Хоренаци (5 век) о похищении аланской царицы Сатеник царём Великой Армении Арташесом (189-160 гг. до н. э.).

В истории Армении было много мрачных страниц, связанных с постоянными вторжениями иноземных захватчиков — персов, римлян, арабов, турков-сельджуков, татаро-монгол, но самым страшным оказалось османское. Из-за своего геостратегического положения Армения постоянно была ареной войн между крупнейшими империями региона. Только в ходе ирано-турецких войн, происходивших между 1513 и 1737 годами, контроль над Ереваном сменялся четырнадцать раз.

Важнейшим историческим событием нового времени становится присоединение Восточной Армении к России в начале XIX века. Так, в 1801 году были присоединены Лори и некоторые другие территории, в 1805 году также Карабах, Зангезур и Ширак. Процесс окончательно завершился в 1828 году подписанием между Персией и Россией Турменчайского мирного договора, по которому к России присоединялись Эриванское и Нахичеванское ханства.

В 1829 году, после Русско-турецкой войны, был подписан Адрианапольский мирный договор, по которому Россия возвращала Османской Империи почти все территории занятые им в Западной Ар-

мении. Несмотря на планы армянской политической элиты России (Лазаревы, Аргутинские-Долгорукие) создать Автономное армянское княжество под русским протекторатом, империя образовала здесь лишь Армянскую область. Впервые за многие столетия часть Армении оказалась под властью христианского государства, что давало историческую возможнось армянам консолидироваться на части своей исторической родины. В этом отношении важнейшее значение имело переселение в Восточную Армению около 90 тыс. армян из Западной Армении и репатриация 40 тыс. армян из Ирана, в большинстве потомков насильственно изгнанных туда из той же закавказской (восточной) Армении в начале XVII веках [1, 12].

В 1763 году армяне поселились в Моздоке. Согласно указу Сената они получили привилегии: право беспошлинной торговли с горцами, разрешение приобретать землю для сельскохозяйственных работ без ограничений и с правом освобождения от налогов. Большая часть армян переселялась в Моздок из Кабарды, Астрахани и Кизляра. В Моздоке был основан армянский квартал. В 1785 году из почти 900 жителей Моздока более 700 были армяне, а в самом конце ХУШ века в городе проживал 1331 армянин (из общего числа жителей в 4685 человек) [2, 5]. С 1799 года моздокские армяне, как и другие армянские общины, имели свой суд, ведавший вопросами самоуправления и судопроизводства вплоть до 1840 года.

После русско-персидской войны в 1813 году был заключен Гюлистанский договор, согласно которому к России была присоединена часть армянских областей. Остальные армянские области — ханства Эриванское и Нахичеванское, вместе с городом Эчмиадзином, перешли к России после второй войны с Персией в 1826-1828 годах, по Туркманчайскому договору 1828 года, который окончательно закрепил присоединение Восточной Армении к России [11-12].

В границы Российской империи тогда же переселилось более 90 тысяч человек из областей, оставшихся за Персией. На Восточную Армению была распространена административная система Российской империи. В марте 1828 года была образована Армянская область, включающая Эриванский, Нахичеванский уезды и Ордубадский округ. В 1849 году была создана Эриванская губерния, состоявшая из Эриванского, Нахичеванского, Александропольского, Норбаязетского и Ордубадского уездов. Остальные районы Восточной Армении вошли в Тифлисскую и Елизаветпольскую губернии.

Эти две губернии стали основными пунктами миграции армян на Северный Кавказ. В 1834 году в Моздоке армянское население составляло 2396 человек. Во Владикавказской крепости после присоединения Восточной Армении к России поселились первые 96 человек [3,47].

Западная Армения, в которой во второй половине XIX столетия проживало более трех с половиной миллионов армян, осталась под игом империи Абдул-Гамида — «Маккиавели мусульманского мира». В конце XIX — начале XX веков Российское правительство принимало активное участие в судьбах армянского населения. Армянский каталикос Геворг V обратился к Наместнику на Кавказе графу Воронцову-Дашкову с призывом взять под свое покровительство многострадальный армянский народ. 12 апреля 1897 года был издан закон о причислении переселенцев к старожильческим обществам. Положения этого документа отразились на беженцах-армянах, турецко-подданных, которые большим потоком устремились в местности Северного Кавказа. Правительство обещало, что «турецким подданным-армянам, прибывшим самовольно в пределы Кавказского края и желающим покинуть на свой счет добровольно Империю, будет предоставлено соответственное к этому содействие». Тем же армянам, которые избрали Терскую область своей родиной, разрешалось «остаться на местах постоянного их жительства и приписываться к мещанским обществам». Обязательным условием для таковых являлось принятие российского подданства; армяне-новоселы с 1903 года должны были отбывать воинскую повинность наравне с прочим населением; приобретать недвижимость переселенцы могли только по истечении 20-летнего срока. К 1897 году армянское население Владикавказа составляло 1 тысячу 416 человек [4, 14].

После русско-турецкой войны 1877-1878 годов к России отошла от Турции часть исторической Армении — Карс и его окрестности. Берлинский трактат, завершивший эту войну, потребовал от султана также реформ на территории Турецкой Армении и предоставления армянам гарантий безопасности и самоуправления. Таким образом, армянский вопрос был впервые выдвинут в качестве международной дипломатического проблемы, что крайне обнадежило армян.

В последние годы существования Османской империи в ней начались этнические чистки среди христианского населения, особенно сильно в которых пострадали армяне. Произошла одна из

величайших трагедий: младотурецкие националисты — правящая клика султанской Турции — организовали варварское истребление двух с половиной миллионов армян и превратили в пепел всю Западную Армению. Это чудовищное злодеяние стало кульминацией практики физического уничтожения армян, начатой еще султаном Абдул-Гамидом в 90-е годы XIX века. Младотурки превзошли кровавого султана в стремлении «отуречить» славян, армян, греков, евреев и другие народы, населявшие империю. Геноциду подверглись, прежде всего, армяне, которые из-за приверженности к христианству и политической ориентации на Россию стали препятствием в осуществлении кавказской политики Турции [5, 242]. Первая волна убийств прошла в 1894-1896 годах, а последняя — в 1915-1923 годах. В ходе Первой мировой войны османские турки обвинили армян в союзе с Российской империей и использовали это как предлог для объявления всего армянского населения врагом внутри страны. События с 1915 по 1923 года расцениваются подавляющим большинством историков именно как поддержанное государством массовое убийство — геноцид. Турецкие власти, однако, утверждают, что смерти были результатом гражданской войны, сочетавшиеся с болезнью и голодом, с жертвами с обеих сторон.

В 1918 году советская Россия вынуждена была вернуть Турции Карскую область и покинуть территорию Западной Армении. Население Карса осталось на произвол судьбы. Турки устроили страшную резню христианского населения области. Хлынувшая масса беженцев пополнила армянское население Северного Кавказа. Моздок и Владикавказ вновь приняли большую группу армян. К 1915 году их насчитывалось 6 тысяч 600 человек.

Формирование армянских общин на территории современной Северной Осетии проходило около ста лет (20-е годы XIX века — 20-е годы XX века) с различной степенью интенсивности. Армяне компактными группами были расселены в районах современной площади Штыба, улицах Чермена Баева, Армянской, Свободы (бывшая Краснорядская), Цаголова (бывшая Тарская), Войкова (бывшая Шоссейная). Целые группы армян проживали по улицам, прилегавшим к центральному городскому рынку: Ростовской, Маркуса (бывшей Марьинской), Рамонова (бывшей Кузнечной), а также в Апшеронских казармах. Большую заботу о переселенцах проявляла городская управа, был создан комитет помощи беженцам-армянам.

Установление хозяйственных, бытовых, соседских и других связей с окружающим населением ведет к интеграционным процессам — новым формам жизнеобеспечивающей культуры, межнациональным бракам и т.п. В городских условиях модернизационные явления проходят динамично, они меняют социальный уклад, а от устойчивости социальных форм и порождаемых ими стереотипов мышления и поведения прямо зависит степень консервации этнокультурных особенностей. Стойкость этнических признаков в армянской общине объясняется многочисленностью, постоянными пополнениями, трагической историей, актуализировавшей национальное самосознание и т.д.

Но главным фактором, способствовавшим этнокультурной консолидации, был религиозный. Армяне были не только этнической группой, но и религиозной общиной, а армяно-григорианская вера в данной культурно-исторической ситуации становится этнодифференцирующим признаком [6, 23]. Одним из первых событий в адаптационном процессе армян было строительство церкви. Армянская церковь — одна из древнейших христианских церквей. В 301 году христианство в Армении было провозглашено официальной религией. В 506 году армянская церковь отделилась от Византии и стала автокефальной. Свое название церковь получила по имени Григора Лусаворича (Просветителя). Специфика догматики определялась принадлежностью армяно-григорианской веры к монофизитской ветви христианства.

Армяне Владикавказа принимали активное участие в городском общественном управлении. В 1891 году в состав Владикавказской городской Думы было избрано 14 армян, что составляло 40% от общего числа депутатов. Пожалуй, трудно было найти во Владикавказе ведомство, где на государственной службе не состояли бы чиновники-армяне. Среди представителей армянской общины было много известных врачей, педагогов, инженеров, творческой интеллигенции.

В конце XIX века численность армянского населения Северного Кавказа составляла свыше 30 тысяч человек, из них 13 тысяч проживало в Терской области. Основная часть сосредоточилась в Моздоке (3896 чел.), Кизляре (3805 чел.), Пятигорске (3010 чел.), Владикавказе (1730 чел.).

Новая волна миграции армян на Северный Кавказ в начале XX века, вызванная их геноцидом в Турции, увеличила численность

армянского населения региона в 3 раза, и только во Владикавказе к 1915 году составила более 6 с половиной тысяч человек [7, 39].

Сплоченность, обусловленная в значительной мере коммуникативной ролью церкви, позволила армянам сохранить национальное своеобразие и самосознание и в годы советской власти.

Консолидирующим фактором в условиях диаспоры часто выступает память о трагических событиях истории. В 2015 году исполняется 100 лет геноцида армян. Правовые аспекты определения и признания геноцида армян имеют огромный резонанс по всему миру на протяжении всего времени с 1915 года.

Международное сообщество признаёт геноцид армян как формально-официально в части значительного числа государств, а также международных (межгосударственных) организаций, так и в ещё большей степени в мировом общественном мнении. Однако сама Турецкая Республика со своими союзниками категорически не признает геноцид армян. Согласно разного рода источникам, правительство Турции при обсуждении признания геноцида государственными органами или научными коллективами, угрожает им дипломатическими и торговыми санкциями, а так же репрессиями к собственным меньшинствам.

Статья 301 уголовного кодекса Турции предусматривает наказание за «очернение турецкой нации» сроком до двух лет (в редакции до 2008 года до трёх лет за оскорбление «турецкости»). По этой статье проходило несколько громких дел, фигуранты которых обвинялись в констатации факта массовых убийств армян в 1915 году. В 2005 году судебному преследованию подвергся нобелевский лауреат Орхан Памук, в 2006 году — Грант Динк, получивший срок в 6 месяцев. 19 января 2007 года Грант Динк был убит 17-летним турецким националистом, протестовавшим против выступлений Динка по вопросу геноцида армян. После убийства Динка и угроз в свой адрес со стороны исламских экстремистов покинул Турцию Орхан Памук [8].

Признание геноцида армян официально не является обязательным условием для вступления Турции в ЕС, однако некоторые эксперты считают, что Турции придётся сделать это на пути к членству в ЕС.Геноцид армян признали Совет Европы (1998, 2001), Европарламент (1987, 2000, 2002, 2005), Подкомиссия ООН по предотвращению дискриминации и защите меньшинств, Комиссия ООН по военным преступлениям (1948), Всемирный совет церквей и т.д.

Так же геноцид армян признан и осуждён многими странами мира и влиятельными международными организациям. Первым массовые убийства армян официально признал и осудил парламент Уругвая (1965). Уничтожение армян официально признали геноцидом, согласно международному праву [9] и осудили такие страны как: Россия, Греция, Франция, Германия, Канада, Уругвай, Швейцария, Швеция, Венесуэлла, Италия и другие страны. 43 из 50 штатов США официально признали и осудили геноцид армян, а также объявили 24 апреля днём памяти жертв геноцида армянского народа. С конца 1970-х каждый год 24 апреля президенты США выступают с телеобращением к армянам Америки. 19 января 2008 года сенатор Барак Обама заявил: «Два года назад я критиковал государственного секретаря по вопросам увольнения посла США в Армении Джона Эванса, после того, как правильно использовать термин «геноцид», чтобы описать убийство в Турции тысяч армян, начиная с 1915 года. Я поделился с Кондолизой Райс своим твердым убеждением в том, что геноцид армян является не утверждением, личным мнением или точкой зрения, — это широко документированный факт, который поддерживается подавляющими историческими свидетельствами. Факты неоспоримы. Официальная политика, которая призывает дипломатов искажать исторические факты, является несостоятельной политикой. Будучи сенатором, я решительно поддерживаю принятие резолюции о Геноциде армян (106-й резолюции) и как президент я признаю Геноцид армян». Городской совет испанского города Бурхасот на январском заседании принял представленное партией «Compromis» ходатайство, согласно которому городской совет официально признает геноцид армян и осуждает совершенные в начале 20 века в Османской империи преступления против человечности, сообщает пресс-служба МИД Армении.»В этом году исполняется 100 лет Геноциду армян, геноцид, который считается первым геноцидом 20-го века. В 1915-1921 гг. на территории современной Турции произошли массовые резня и изгнания армянского народа, особенно во времена режима младотурков, в результате чего погибло 1,5 миллиона армян, а около 2 миллионов были вынуждены покинуть свои постоянные места жительства, образовав большую армянскую диаспору», — отмечено в ходатайстве. Проект будет передан ассоциации «Арарат» Мислаты, министру иностранных дел Испании, представленным в Конгрессе партийным группам, посольству Республики Армения в Испании и неправительственным организаци-

ям Бурхасота. В зале Национальной библиотеки имени Аль-Асада в Дамаске состоялась презентация книги посла Армении в Сирии, доктора исторических наук Аршака Поладяна «Мемуары очевидцев геноцида армян в Османской империи» на арабском языке. Как сообщили в Управлении информации и связей с общественностью МИД Армении, мероприятие было организовано Комиссией по подготовке к 100-летию Геноцида армян Сирии, под эгидой министра культуры Сирии Исама Халиля. Презентация была широко освещена в СМИ. В этой связи посол Армении дал многочисленные интервью аккредитованным в Сирии арабским средствам массовой информации.

В апреле 1991 года армянское общество было преобразовано в национальное культурно-благотворительное общество «Эребуни». Главной задачей общества является рост общественно-политической, культурной и экономической активности армянского и других народов, проживающих в Осетии. Общество ставит перед собой цели консолидации армянской диаспоры, укрепления национального самосознания, создания условий для изучения родного языка, возрождения традиционной семейной и календарной обрядности [10, 133-134]. «Эребуни» налаживает связи с правительственными экономическими организациями и учреждениями Российской Федерации, Республики Северная Осетия-Алания, Республики Армения, с Армянской Апостольской церковью. Важной составляющей в деятельности общества является благотворительность, помощь многодетным семья, беженцам и переселенцам, талантливой молодежи. «Эребуни» работает в неразрывной связи с армяно-григорианской церковью, они являются соорганизаторами многих зрелищных мероприятий. Большое внимание общество уделяет изучению родного языка, литературы, истории и культуры армянского народа. Создана богатая библиотека из произведений армянских писателей и историков на армянском и русском языкам.

ОАНКО «Эребуни» проводит ежедневную, кропотливую и на первый взгляд мало заметную работу. Но если посмотреть более пристальным взглядом найдутся сотни примеров активнейшей и бескорыстной работы. Великий немецкий педагог говорил: «Человек — мое имя, немец — мое прозвище». Так, на воспитании интернационализма и уважении к любому человеку можно воспитать самосознание и достоинство нации. Этому способствует работа, проводимая по инициативе Министерства РСО — Алания по вопро-

сам национальных отношений и Республиканским Домом дружбы. Тема круглого стола: «Диалог культур, как фактор развития межнациональных отношений». Подчеркивалась роль национальных культурных центров, взаимодействие с органами государственной власти и образовательных учреждений и СМИ. В актовом зале школы № 40 прошел праздник: Владикавказ — город многонациональный. Зрители познакомились с обычаями, традициями, кухней, историей праздников «Сурб Саркис» и театрализованным представлением «Вардавар». В зале Дома дружбы проводились мероприятия — «День семьи», «День матери», вечера национальных культур, фестивали, «Мисс Армения Осетии». Ежегодно совместно с ААЦ проводится траурная панихида у Хачкара памяти жертв геноцида в Османской империи, в День Победы проводятся панихиды по погибшим в годы Великой Отечественной войны. Придавая большое значение приобщению молодежи к национальной культуре, Совет общества приложил много усилий по созданию фольклорного ансамбля «Эребуни». Первостепенное значение ОАНКО «Эребуни» придает изучению языка, литературы, истории, культуры армянского народа. При обществе существует богатая библиотека, книжный фонд которой насчитывает более двух тысяч изданий и состоит из произведений армянских писателей и историков на армянском и русском языках (Передана в дар обществу от научной библиотеки по инициативе Э. Р. Гаспарян).

Большую помощь в работе Совета оказывают предприниматели. Благодаря их финансовой поддержке организация продолжает существовать и решает задачи, стоящие перед ней (П. Акопов, Т. Арутюнов, А. Манукян, Ю. Мардеян, Р. Медзерянц, В. Манасян, С. Мурадян, А. Оганесян.

Участвуя в возрождении народных традиций и обычаев, ОАНКО «Эребуни» способствует не только сохранению этнической самобытности армянского общества, но к знакомству иноэтнического окружения с национальной культуры армянского народа, а через него и большему межэтническому взаимопониманию.

Примечания

1. Дьяконов И. М. Предыстория армянского народа. Ереван, 1968.

2. Абрамян Р. М. Мирзоян С. С. Новые материалы по генеалогии армянской общины Моздока ХУШ — начала Х1Х вв.// Генеалогия народов Кавказа. Традиции и современность. Материалы междуна-

родной научно-практической конференции. Владикавказ: ИПО СОИГСИ, 2009.

3. Канукова З. В., Зураева В. В. К истории формирования армянской общины Владикавказа // Северная Осетия: история и современность посвящается 85-летию исторического факультета СОГУ. Владикавказ, 2006.

4. Канукова З. В., Хубулова С. А. Дорога к храму. Из истории конфессиональной жизни Владикавказа во второй половине Х1Х-начале ХХ вв. Владикавказ: Изд-во СОГУ, 2000.

5. Канукова З. В. Синергетические аспекты адаптационной стратегии диаспорных групп в Осетии// Кавказский сборник Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД России, Центр кавказских исследований. Москва, 2004

6. Канукова З. В. Диаспора: функциональный анализ термика в российском историческом контексте // Вестник Владикавказского научного центра. 2011. Т. 11. № 4.

7. ЦГА РСО-А. Ф. 47. Оп. 1. Д. 843.

8. Tony Taylor. Denial: History Betrayed. Melbourne Univ. Publishing, 2008.

9. «Конвенция о предупреждении и наказании преступления геноцида» Утверждена и предложена к подписанию и ратификации резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН 260 А (Ш) от 9 декабря 1948 г.

10. Канукова З. В., Федосова Е. В. Диаспорные группы в Республике Северная Осетия — Алания // Системный кризис на Северном Кавказе и государственная стратегия развития макрорегиона: материалы Всероссийской научной конференции. Ростов, 2011.

11. Чеджемов С. Р. Развитие государственно-правовых отношений и правовой культуры на юге России (XYIII — начало XIX веков). Государство и право. 2009. № 7. С. 77-82.

12. Чеджемов С. Р. Политика российского государства и православной церкви в области образования на юге России до 1917 г. (на примере осетинского народа). Религиоведение. 2013. № 1. С. 36-44.

Д. Г. СИМАКОВА,
аспирант СОГУ им. К. Л. Хетагурова
(г. Владикавказ)

РОССИЙСКО-ГРУЗИНСКИЕ ОТНОШЕНИЯ И ИХ ВЛИЯНИЕ НА ЭТНОПОЛИТИЧЕСКУЮ СИТУАЦИЮ НА СЕВЕРНОМ И ЮЖНОМ КАВКАЗЕ (90-Е ГГ. XX — НАЧ. XXI ВВ.)

В статье рассматривается развитие российско-грузинских отношений в 90-х гг. XX — начале XXI в. и их современное состояние. Акцентируется внимание на ряде проблем связанных с: 1) ролью, которая играет Россия на постсоветском пространстве; 2) местом Грузии в Кавказской политике России; 3) ориентацией на Запад во внешнеполитическом курсе Грузии, и в связи с этим проблемой укрепления позиций России в этой республике. Также показан ряд различных факторов влияющих на решение этих проблем.

Ключевые слова: *Россия, Грузия, развитие, кавказская политика, США, грузино-абхазский конфликт, грузино-югоосетинский конфликт, республики Северного Кавказа, отношения.*

The article discusses the development of Russian-Georgian relations in the 90s of XX century after the collapse of the Soviet Union and the current state. Particular attention is given to the following issues: 1. Russia's role in the former Soviet Union; 2. The role of Georgia in the Caucasus policy of Russia; 3. Western orientation in foreign policy of Georgia and thus the problem of strengthening the position of Russia in this country. Also shown are several different factors influencing the positive solution of these problems.

Key words: *Russia, Georgia, development, the Caucasus policy, USA, Georgian-Abkhaz conflict, Georgian-South Ossetian conflict, republics of the North Caucasus, relationship.*

С распадом СССР все бывшие советские республики обрели независимость и вступили в процесс формирования новой государственности и перехода к рыночной экономике.

Среди претендентов на влияние на постсоветском пространстве в первую очередь оказалась Россия как преемница СССР.

В 1990-е годы отношения со странами ближнего зарубежья, в том числе и с Грузией, отошли для России на задний план. Ослабление

российских позиций в этой стране объясняется отсутствием четкой внешнеполитической стратегии, непоследовательностью приоритетов и чрезмерной пассивностью проводимой политики.

Стоит также отметить тот факт, что в результате «перестройки», неспособность России справиться с ролью гаранта грузинской безопасности во многом способствовала выбору Грузией прозападного направления в качестве нового вектора своего развития. В этих условиях Грузия, как молодое государство, изначально осознавала свою неспособность самостоятельно вернуть отколовшиеся территории в сферу своего влияния, что и вынудило ее прибегнуть к помощи третьих сторон.

Но, «кавказский вопрос» всегда играл особую роль в политике России, прежде всего потому, что от этого зависела национальная безопасность и территориальная целостность России.

Для Северного Кавказа и Закавказья характерна взаимосвязь этнических групп, что в свою очередь делает Северный Кавказ и Закавказье зоной, в которой нестабильность легко перетекает через границы. По этой, а также по целому ряду других причин, возникни конфликт в Закавказье, Россия так или иначе непременно будет втянута в него. Тем самым, стабильность на Южном Кавказе залог стабильности на Северном Кавказе России [7].

Необходимо отметить, что противоречивость российской политики на Кавказе в конце XX века определялась кризисом идентичности российских политических элит, консервативная часть которых взяла курс на поддержку сепаратизма. Политические элиты самих бывших союзных республик также не смогли вписать свою национальную политику в русло заявленных ими демократических преобразований. Это, в свою очередь, способствовало подъему сепаратизма бывших советских автономий, сделавших ставку на поддержку со стороны России [14].

Вот и Грузия, в свою очередь, как новообразовавшееся суверенное государство, стала активно отстаивать свои национальные интересы, часто несовместимые с интересами других государств. Все это породило ряд вооруженных конфликтов. К таким конфликтам можно отнести грузино-абхазский и грузино-югоосетинский конфликты, которые начались еще в 90-х гг. XX века и являются актуальными по сегодняшний день.

Что касается амбивалентности российской политики в отношении грузино-абхазских противоречий, то для начала, нужно сказать,

что в августе 1992 года с началом военных действий в Абхазии была разрушена вся железнодорожная логистика, связывавшая Россию с ее стратегическим союзником Арменией. Вряд ли именно это входило в число приоритетных задач российского правительства на тот момент. Не стоит также забывать и о том, что сама РФ в 1990-х годах испытывала серьезное давление со стороны собственных автономий, чтобы однозначно вставать на сторону абхазского национального движения. В 1992-1993 гг. Абхазия не имела однозначной поддержки со стороны России.

Сергей Мирославович Маркедонов — российский политолог и научный сотрудник Центра стратегических и международных исследований США в одной из своих статей посвященной двадцатилетию грузино-абхазского противостояния, отмечает, что: «В грузино-абхазский конфликт оказались вовлечены и северокавказские республиканские элиты, Конфедерация горских народов Кавказа, а также вооруженные формирования этнонациональных движений народов Северного Кавказа, неподконтрольные Кремлю и имевшие свои интересы. Включая и антироссийских сепаратистов типа Шамиля Басаева…» [10]. Из этого следует, что именно прямая вовлеченность в конфликт южных границ России и дестабилизация отношений среди народов Северного Кавказа и подтолкнула правительство РФ к большей активности по урегулированию конфликта и прекращению противостояния.

В грузино-абхазской войне 1992-1993 гг. дислоцированные на Кавказе российские (бывшие советские) воинские подразделения не только передавали оружие абхазской стороне, но, совместно с северокавказскими «добровольцами», активно участвовали в боевых операциях [1].

При этом «политическое руководство РФ прилагало усилия к нормализации отношений с Тбилиси: в феврале 1994 г. был подписан российско-грузинский Договор о дружбе, добрососедстве и сотрудничестве, который, однако, не был ратифицирован Государственной Думой, не поддержавшей неоднократных представлений его на ратификацию президентом и МИД РФ» [14], — подчеркивает в своей статье Алла Алексеевна Языкова — доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник Института Европы РАН.

А с 1999 года, в связи с отсутствием каких-либо шагов по осуществлению налаживания взаимоотношений с РФ со стороны Гру-

зии, в отношениях между Россией и Абхазией наметилось явное сближение, которое и предопределило дальнейшую политику России в отношении лоббирования данного конфликта. Позже, в одном из своих интервью, президент Абхазии В. Ардзинба отмечал: «Вполне очевидно, что стабильность в Кавказском регионе, в частности в Абхазии, соответствует интересам национальной безопасности России» [4].

Соперничество за господство в регионе между Грузией и Абхазией, а также третьих заинтересованных в завершении или наоборот эскалации конфликта (Россия и США), неизбежно привело к применению силовых методов, которые не окончились с завершением войны осенью 1993 года. Попытки «разморозки» конфликта и пересмотра сложившегося статус-кво предпринимались в мае 1998, октябре 2001, июле 2006, августе 2008 годов. Это, если не считать различного рода провокаций, обстрелов, похищений.

Краеугольным камнем в российско-грузинских отношениях остается и грузино-югоосетинская конфронтация. Сразу после прихода к власти в Грузии З. Гамсахурдия и выдвижения им лозунга «Грузия для грузин», а также его заявления в 1989 г. о преобразовании Юго-Осетинской автономной области в автономную республику в составе Грузинской ССР, было положено начало войне Грузии с Южной Осетией.

Говоря о роли России в отношении грузино-югоосетинского конфликта можно сказать следующее, что также как и в отношении Абхазии, Россия выступила посредником между Южной Осетией и Грузией, а позднее по обоюдным согласиям сторон взяла на себя обязанности по разделению сторон и контролю за демилитаризированной «зоной безопасности» [5].

Война с Южной Осетией и Абхазией начала 90-х гг. была проиграна Грузией по причине несостоятельности грузинского руководства. 19 января 1992 г. в Южной Осетии состоялся референдум, в ходе которого население проголосовало за независимость и присоединение к России. Через несколько месяцев Верховный совет Республики Южная Осетия принял акт о государственной независимости. 8 апреля 2001 г. на проходившем в республике референдуме была принята Конституция Республики Южная Осетия. Правительство Грузии расценило принятие Конституции как проявление сепаратизма и нежелания вести конструктивный диалог по урегулированию грузино-осетинского конфликта.

Грузины периодически осуществляли вооруженные провокации: то Цхинвал обстреляют, то осетинские села. При этом они, естественно, обвиняли во всем «сепаратистов», обвиняя их в провокации Грузии.

Все это позже привело к эскалации конфликта с грузинской стороны. Активные боевые действия на территории Южной Осетии возобновлялись в мае-августе 2004 г., в августе 2008 г.

Однако противоборство 2008 года отличается от предыдущих тем, что в нем напрямую участвовали Вооруженные силы Российской Федерации.

Если в период грузино-абхазской войны 1992-1993 мы имели дело с самодеятельностью отдельных военнослужащих РФ, то на сей раз действия Российской армии были не просто поддержаны на официальном уровне. Кремль оценил их как операцию по «принуждению Грузии к миру», призванную спасти осетинский народ от масштабной гуманитарной катастрофы.

Также в отличие от предыдущих грузино-осетинских вооруженных противостояний, в нынешний конфликт активно вовлечены Соединенные Штаты и государства Евросоюза. Ведь уже в 90-х гг. XX века была отмечена беспрецедентная активизация политики США, нацеленной на укрепление позиций Вашингтона в Закавказье в целом и в Грузии в частности.

Еще одной реакцией Кремля было подписание указов «О признании Республики Абхазия» и «О признании Республики Южная Осетия», согласно которым Российская Федерация признаёт и ту и другую республику «в качестве суверенного и независимого государства», обязуется установить с каждой из них дипломатические отношения и заключить договор о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи, что вызвало огромный резонанс в мировом сообществе.

Августовские события стали для ряда американских политиков и экспертов отправной точкой для разработки планов и рецептов «противодействия глобальной российской экспансии».

Исходя из вышесказанного, августовская война 2008 года имеет огромные международные последствия. Это немаловажный геополитический урок для России. Война в Южной Осетии в полной мере продемонстрировала то, что, несмотря на нейтральные отношения между РФ и США в прошлом, Вашингтон всегда видел в России потенциального противника и фактически готовил плацдарм для осуществления своих стратегических интересов.

После событий 8 августа, мнение грузинского правительства по поводу отношений с Россией можно отследить по таким заявлениям. В одном из интервью редакции Georgiamonitor.org. директор Грузинского института российских исследований Георгий Молодини, оправдывая грузинскую реакционную политику и отсутствие взаимопонимания с Россией, заявил, что «…грузинская власть готова к разговору с Россией на «серьезные темы», если только российская сторона начнёт и закончит процесс деоккупации» [11].

Данное заявление опирается на то, что в 2008 году бывшим президентом Грузии Михаилом Саакашвили был подписан закон Грузии «Об оккупированных территориях», в котором говорится, что Российская Федерация — государство, которое «осуществило военную интервенцию» полностью ответственна за нарушение прав человека в Абхазии и Южной Осетии. Эти данные были подтверждены и поддержаны Парламентской Ассамблеей ОБСЕ и Европейской комиссией. Согласно документу «возмещение материального и морального ущерба нанесенного на оккупированных территориях гражданам Грузии и лицам не имеющим гражданства, и находящимся в Грузии с соответствующим разрешением и перешедшим на оккупированные территории гражданам иностранных государств, полностью возлагается на Российскую Федерацию [13]. Также на территории Грузии действует правительство «Автономной Республики Абхазия», которое признается Тбилиси единственным легитимным органом власти.

Здесь хочется определиться с понятием «оккупация». «Оккупация», от латинского («occupatio») как «захват» или «занятие». Существует множество видов и признаков оккупации, но в основе всех этих признаков лежит определение, что «оккупация» — это насильственное занятие вооружёнными силами государства не принадлежащей ему территории.

Ни Южная Осетия, ни Абхазия не являются насильственно захваченными Россией, и даже наоборот являются официально признанными второй, как отдельные суверенные государства, как было сказано выше. Следовательно, заявления грузинского правительства об оккупации этих республик, следует считать не более чем очередной провокацией.

Отходя от проблем Абхазии и Южной Осетии, замечу, что на современном этапе, основой грузинского влияния на Кавказе является подогревание межнациональных конфликтов в регионе. Ос-

новными точками давления являются, прежде всего: национальное самоопределение, культурная и религиозная идентичность некоторых народов, а также исторически сложившаяся этнотерриториальная принадлежность.

Путем антироссийской пропаганды грузинские власти подняли в 2011 году так называемый «черкесский вопрос», на который возлагали надежды не только в Тбилиси, но в Вашингтоне.

Признавая геноцид черкесов во время Кавказской войны, Грузия ставила главной целью дестабилизацию и усиление антироссийских и сепаратистских тенденций среди народов этого северокавказского региона. В Тбилиси были созданы «Черкесский культурный центр», Фонд Кавказа и некоторые другие организации, которые осуществляли политические и культурные проекты, связанные с Северным Кавказом. Вплотную с этими центрами работала известная американская организация «Джеймстаунский фонд» [9].

Реакция не заставила себя долго ждать, вскоре после этого заявления, стали появляться статьи и различного рода публикации, стали созываться региональные конференции, посвященные черкесскому мухаджирству и самобытности черкесского народа. Некоторыми авторами, такими как экс-председатель движения «Адыгэ-Хасэ — Черкесский парламент» в Абхазии Асланом Бешто, стало предлагаться такое «решение» проблемы: «…на базе существующих республик, где проживают черкесы, создать единую Черкесскую республику. Хотя неважно, как она будет называться. Это должен быть единый субъект, в котором черкесы могут, скоординировано друг с другом, развиваться внутренне и развивать свою культуру» [8].

Речь шла, прежде всего про территорию Абхазии на территории которой проживают адыгейцы, черкесы, кабардинцы и др. А Абхазия, как никакая другая территория, занимает далеко не последнее место во внешнеполитической и геостратегической политике Грузии, так как имеет выход к Черному морю.

Также стоит обратить внимание на то, что Бешто не говорит об интересах других народов проживающих на тех же территориях вместе с черкесами и также считающих данные территории своими. Все это могло бы подорвать стабильность и спокойствие как в Абхазии, так и в других кавказских республиках.

Все это делалось грузинскими властями с явной целью насолить России и подорвать рейтинг последующих Зимних Олимпийских игр в Сочи. Сейчас «пламя черкесского вопроса» поутихло и грузин-

ское правительство переориентировалось в сторону Ингушетии. «Ингушский» вектор северокавказской политики Грузии изначально носит антироссийский характер. Очевидна и его антиосетинская составляющая.

Пропагандистская основа декларируемого сближения грузин и ингушей формируется Тбилиси на отсылках к совместному историческому прошлому двух народов, тесных культурных и кровнородственных связях между отдельными грузинскими и ингушскими фамилиями, подтверждаемых модными сейчас на Кавказе ДНК-тестированиями, а также на факте неучастия ингушей в боевых действиях против Грузии в Абхазии. Значительное место во всем этом играет подогреваемое грузинской стороной постоянное противопоставление ингушей и осетин, которому она придаёт не только национальный и религиозный, но и мировоззренческий (в силу особой роли Осетии на Кавказе) характер [2].

Подводя итог, можно сказать, что основной проблемой для Грузии является проблема сохранения ее территориальной целостности, даже путем ущемления прав других народов, она продолжает оставаться для Тбилиси ключевой и проходит красной нитью через весь период становления и развития российско-грузинских отношений. Как справедливо отмечает, в одной из своих статей, доктор исторических наук А. К. Дудайти, «противостояние между Москвой и Тбилиси находится в противоречии с историческим фундаментом российско-грузинских отношений, тесным взаимодействием народов на разных этапах истории, имеющим судьбоносное значение для их дальнейшего развития» [3].

Будущее отношений двух стран во многом зависит от того, насколько эффективно России удастся решить эту проблему. В случае успеха это станет залогом укрепления позиций России в Грузии, хотя на сегодняшний день эти два государства дипломатических отношений не имеют.

После выборов на пост президента Грузии в 2013 году был избран Георгий Маргвелашвили. Хочется рассчитывать, что новые власти в Грузии будут проводить линию на нормализацию отношений с Россией. Сам Маргвелашвили в своем интервью журналу Forbes Georgia, сказал: «Думаю, Путин является интересным для меня как реальный человек, решающий самые трудные для Грузии вопросы. Я лично с ним не знаком, но надеюсь, что он является рациональным и поддерживает рациональную политику, и исходя из интере-

сов наших стран в определенный момент будет возможно наладить грузино-российские отношения» [12]. Остается надеяться, что это не пустые слова и они имеют основу, однако никаких позитивных весомых решений в области активного взаимодействия сторон в российско-грузинских отношениях еще предпринято не было.

Примечания

1. Зверев А. Этнические конфликты на Кавказе 1988-1994. Спорные границы на Кавказе. Москва: «Весь мир», 1996

2. Амелина А.Я. Северокавказская политика Грузии после прихода к власти команды Иванишвили: ингушское направление// Мусульманский мир. Проблемы национальной стратегии. Казань, 2014. №14.

3. Дудайти А.К. Место Грузии в «восточной» политике России периода Нового времени // История. Политология. Экономика. Информатика. 2013 № 22 (165). Выпуск 28.

4. Интервью В. Ардзинба. // Независимая газета. 23 октября 2001 г.

5. Борисов Л. Грузино-осетинский конфликт. Взгляд из России. // Социал-демократ. 2008 [Электронный ресурс] URL: http://www.esdek.narod.ru/20/borisov4.htm (дата обращения 20.12.2014).

6. Гегалашвили Н. Российско-грузинские отношения — дальнейшая стагнация или позитивная динамика? Российский Совет по международным делам. Постсоветское пространство//Аналитика. [Электронный ресурс]. URL: http://russiancouncil.ru/inner/?id_4=3591#top (дата обращения: 12.12.2014 г.)

7. Жуков А.А. Политика Российской Федерации в грузино-абхазском конфликте. Научная библиотека диссертаций и авторефератов disserCat [Электронный ресурс]. URL: http://www.dissercat.com/content/politika-rossiiskoi-federatsii-v-gruzino-abkhazskom-konflikte#ixzz3MdpNg9B7 (дата обращения: 4.12.2014).

8. Кавполит. Ответы на черкесский вопрос [Электронный ресурс]. URL: http://kavpolit.com/articles/otvety_na_cherkesskij_vopros-475/(дата обращения: 13.12.2014).

9. Кавполит. Черкесский вопрос. Украина идет по стопам Грузии // Новости — Грузия [Электронный ресурс]. URL:http://newsgeorgia.ru/digest/20140618/216666115.html (дата обращения: 12.12.2014)

10. Маркедонов С. Грузино-абхазский конфликт 1992-2012// Политком.RU. [Электронный ресурс] URL: http://www.politcom.ru/14358.html (дата обращения: 5.12.2014).

11. Молодини Г., Фомин И. О политике Грузии на Северном и Южном Кавказе// Россия — Грузия. Экспертный диалог. [Электронный ресурс] URL: http://www.georgiamonitor.org/detail.php?ID=122 (дата обращения: 19.12.2014)

12. Президент Грузии надеется на налаживание отношений с Россией // РИА Новости [Электронный ресурс]. URL:http://ria.ru/world/20141008/1027420109.html (дата обращения: 19.12.2014 г.)

13. Саакашвили подписал закон об оккупированных территориях//Civil Georgia, Тбилиси, 31.10.2008. [Электронный ресурс] URL:http://www.civil.ge/rus/_print.php?id=18074 (дата обращения: 19.12.2014).

14. Языкова А. Государства Южного Кавказа и Россия. // Вестник Европы 2010, № 28-29 [Электронный ресурс] URL: http://magazines.russ.ru/vestnik/2010/28/i7.html (дата обращения:5.12.2014).

«СТУПЕНЬ В НАУКУ»

МИРИКОВ АРТЕМИЙ,
ученик МБОУ гимназия № 5
(г. Владикавказ)

ОДНА ЭПОХА, ТРИ СУДЬБЫ...

Дружба и боевое братство Осетии и России уходят своими корнями в далекое прошлое. Добровольное присоединение Осетии к России в 1774 г. явилось самым крупным и важным событием в новейшей истории осетинского народа. Более 200 лет Осетия является надежным форпостом на южных рубежах России. Сегодня, как и столетия, назад она выступает гарантом стабильности и спокойствия на Северном Кавказе.

Осетия, вручившая свою судьбу России знаменита обширной плеядой выдающихся полководцев, вписавших немало ярких и славных страниц в ратную историю государства!

Выполняя свой священный долг, осетины вместе со всем советским народом самоотверженно сражался с немецко-фашистскими захватчиками на фронтах Великой Отечественной Войны 1941-1945 гг. Более 110 тысяч сынов и дочерей Осетии были при-

званы в действующую армию. 79 уроженцев Осетии были отмечены высшим знаком отличия — званием Героя Советского Союза, 9 человек стали полными кавалерами Ордена Славы. Дважды звание Героя Советского Союза было присвоено генералу армии Исса Александровичу Плиеву, и генерал — майору Ивану Ивановичу Фесину.

По числу Героев Советского Союза на душу населения Северная Осетия занимала первое место в стране — это были официальные данные Министерства Обороны СССР.

Год 1903 оказался совершенно особенным для Осетии. Именно в этом году родились ребята, судьбы которых стали гордостью всего нашего народа.

Указам Главы Республики Северная Осетия-Алания 2013 год был объявлен юбилейным годом трех генералов. В 2013 году исполнилось 110 лет со дня рождения выдающихся военачальников нашей Родины: Дважды Героя Советского Союза, Героя Монгольской народной республики, генерала армии — Исса Плиева, Героя Советского Союза, генерала армии — Георгия Хетагурова, Героя Советского Союза, генерал — полковника — Хаджи — Умара Мамсурова!

Операция «Южный Бут». Впервые в мире, в практике всех баталий И. А. Плиев решает соединить наступательные операции кавалерии с мощью танковых бригад. Ведь конь шел по непроходимой грязи, шел — когда его не кормили, он был всегда там, куда проникал человек. Это уникальное соединение стало одним из решающих моментов великой победы над фашизмом. И. А. Плиева руководил конно-механизированной группой. Командуя гвардейскими корпусами, участвовал во многих крупных наступательных операциях, таких как Сталинград, Южный Буг, Одесса, Белорусская операция, Дебрецен, Брно, Прага.

После крупных поражений на юге страны, осенью 1943 г., гитлеровцы рассчитывали на передышку, для пополнения своих рядов новыми силами. Но враг передышки не получил. Ставка Верховного Командования приняла решение: 3-му Украинскому фронту форсировать Южный Буг, косым кинжальным ударом рассечь группировку противника, спуститься на юг, к морю, и отрезать Одессу с запада. А сделать это должна была специально созданная конно-механизированная группа в составе кавалерийского и механизированного корпусов под командованием генерала И. А. Плиева.

Действия танкистов и конников И. А. Плиева были столь результативными и эффективными, что к нему с благодарственной теле-

граммой обратился Маршал Советского Союза Александр Михайлович Василевский: «Генерал — лейтенанту И. А. Плиеву. Обязан благодарить Вас и ваши войска за победу. Ваша новая задача — внезапной атакой с тыла овладеть Одессой. Возбуждаю ходатайство перед Правительством о присвоении Вам звания Героя Советского Союза».

Генерал и его конь были одним целым. Ведь жизнь каждого из них зависела друг от друга! Каждый раз, когда Исса приезжал навестить мать, и она уже не молодая Аминат начинала хлопотать у плиты, он не забывал сказать ей: «Помолись за моего коня тремя пирогами».

Когда Исса Александрович последний раз приехал в Осетию, в Осетинском театре был вечер в его честь. Растроганный Исса Александрович обратился к присутствующим: «Вы знаете, я убежденный интернационалист, был им и останусь. Но все начинается с малой родины», голос боевого генерала дрогнул, «так вот, похороните меня здесь на осетинской земле, которая меня родила, и только здесь». А далее полушутя, полусерьезно шепнул министру культуры: «Если вздумаете поставить мне памятник, не забывайте, что я сроднился с конем, таким меня и должны видеть потомки, верхом на коне»!

Верность, преданность и благодарность своему боевому другу Исса Александрович сохранил навсегда!

Эта графическая работа выполнена в технике процарапывания. На переднем плане в победном наступлении на войска противника я изобразил И. Плиева верхом на коне. В высоко поднятой руке у него шашка, на плечи накинута бурка. С помощью множества мелких, коротких и завитых штрихов передавал фактуру и форму различных предметов. Контрастное сочетание светлой фигуры генерала на темном фоне передает торжество наступающей победы. Композиционный формат работы горизонтальны.

Особое поручение — «Карибский кризис». В 1962 г. И. А. Плиеву присвоено звание генерала армии. В том же году Н. С. Хрущев подписывает постановление Президиума ЦК КПСС о направлении на Кубу генерала армии Павлова Ивана Александровича (это был псевдоним И. А. Плиева). Ему поручают руководство сложнейшей операцией советских войск под кодовым названием «Анадырь». Он был наделен очень широкими полномочиями: вплоть до использования баллистических ракет по своему усмотрению. Для защиты Кубы от возможной агрессии США было направленно более 40 тыс. личного состава с боевой техникой и вооружением.

В Центральном Разведывательном Управлении США «ломали» головы: кто такой генерал армии Павлов?

Сегодня, когда мы узнаем о том, что на самом деле происходило на острове Куба, хочется с огромной благодарностью поклониться светлой памяти генерала армии И. А. Плиева.

В условиях возрастающей напряженности вокруг Кубы у И. Плиева так не, кстати, обостряется почечнокаменная болезнь. Состояние больного ухудшалось. Военный совет принимает решение отправить Плиева в Москву. Узнав об этом, он категорически отказался выполнять это решение. Вскоре он пошел на поправку. В очень сложной обстановка, Исса Александрович проявил мудрость, большую выдержку, нашел силы и удержал в своих руках ситуацию, которая спасла мир от ядерной катастрофы.

Опытный военачальник И. А. Плиев понимал, что применение ракетного оружия вызовет цепную реакцию и на планету обрушится ядерный смерч. Вот что говорил Маршал Советского Союза Родион Яковлевич Малиновский: «Только он, генерал армии И. А. Плиев своим хладнокровием, беззаветным мужеством и мудростью стратега спас мир от неминуемой катастрофы. Именно он вписал ярчайшую страницу в истории современности, оказавшись одним из главных действующих лиц Карибского кризиса 1962 г.».

Я выполнил графическую работу черными и серыми фломастерами, маркерам и белой гуашью на цветной (серой) бумаге в горизонтальном формате.

Это многоплановая композиция. На переднем плане слева И. Плиев, который для маскировки одет в гражданскую одежду (белую рубашку и брюки), в руках у него черный чемоданчик. Между пальмами спрятаны ракетные установки. На втором и на заднем плане различная боевая техника и установки. Разнонаправленными штрихами передавал фактуру предметов. Контрастное сочетание белого и черного передают напряжение происходящих событий.

Портрет Георгия Хетагурова. Родившись в начале бурного 20 века, Георгий Иванович стал не только очевидцем, но и участником его главных событий. Будущий генерал армии родился в семье дорожного мастера. Самое большое влияние на него оказал его близкий родственник, не имевший никакого отношения к военному делу. Это поэт, художник, общественный деятель Коста Хетагуров. Именно он с детства стал для него кумиром, и заветы Коста были для него священны. У Георгия Ивановича, также как и у Коста Левановича была невероятная тяга к учению, поэтому он постоянно совершенствовал свои знания. Путь, который он прошел от рядового до генерала армии лишь доказательство тому, что может храбрый в бою и пытливый в учении.

Однако, как мне удалось выяснить из посемейного списка сел. Цми Зарамагского прихода Владикавказского округа за 1886 г., которые находится в Центральном Государственном Архиве РСО — Алания, дед прославленного полководца Иван Гаврилович, получил военное образование в Константиновском кадетском корпусе. По окончании учебы, в 1859 г. он в чине унтер-офицера поступил на службу в 77-й пехотный Тенгинский полк. В 1869 г. был награжден серебряной медалью на Станиславской ленте с надписью «За усердие», а в 1877 г. был зачислен в 3-ю сотню Терской постоянной милиции. Он знал несколько языков — русский, грузинский, французский, немецкий. Был достаточно состоятелен и дал образование всем своим сыновьям — Григорию, Илье (Ивану — отцу Георгия), Владимиру и Иосифу. Кроме того, Иван Гавриилович сам был потомственным военным, сыном обер-офицера привилегированного сословия — поручика Гавриила Алексеевича Хетагурова, кавалера орденов Св. Владимира с бантом (1845) и Св. Анны 3-й степени (1848). [8]

Генерал Хетагуров в разное время командовал двумя военными округами — это Северная группа войск и Прибалтийский военный округ. Не многие военачальник удостоились такого доверия со стороны государственного руководства страны. Как показало время, он это доверие оправдал.

На счету у Хетагурова было немало сражений, в которых он одержал победу. Но самым главным сражением по славам самого Георгия Ивановича была «Битва за Москву». Не отстояв Москвы, не было бы и других побед.

Я выполнил портрет Г. Хетагурова в технике аппликации (вырезание и наклеивание кусочков бумаги на основу). Работа отличается силуэтностью, локальностью больших цветовых пятен. Георгий Иванович одет в военный мундир на груди у него Золотая Звезда Героя Советского Союза, наградные планки. На фоне Спасская башня Кремля и фрагмент Кремлевской стены. Именно от этих священных стен, с парада 7 ноября уходили наши бойцы защищать Москву. Старался передать выразительность образа генерала, использовал сочетание теплых и холодных цветов. Композиционный формат работы — вертикальный.

Он очень любил свою маленькую Осетию, но на веки остался в Москве. Похоронен Георгий Иванович Хетагуров на Новодевичьем кладбище Москвы.

Битва за Москву. В ноябре 1941 г. по приказу начальника штаба 30-й армии полковника Хетагурова наши войска оставили стратегически важный объект — поселок Рогачев на направлении наступления фашистов на города Яхрома и Дмитров. Оставили, несмотря на приказ «Ни шагу назад»! Что могло последовать за этим, понятно всем. Однако, как стало известно потом, этим маневром Хетагуров спас наши войска, оборонявшиеся на рубеже Коньково, Синьково, Ольгово. Фашистские «тигры» наверняка бы прорвались за канал Москва — Волга, не пойди Хетагуров на риск, прежде всего для себя.

Через пару недель Хетагуров вернул Рогачев, разгромив пере-

довые отряды 1-й и 3-й танковой группы, 14 моторизованной дивизии и 900-й бригады СС. А потом его войска двинулись на Клин, битва за который вошла в учебники военной истории.

Только в боях под Рогачевым и Дмитровом части 30-й армии под командованием Г.И. Хетагурова уничтожили более 2000 солдат и офицеров, 70 танков, 25 орудий, 60 пулеметов, 1 самолет, большое количество автотехники. Превосходящие силы противника не смогли прорваться через Дмитров к Москве.

Министр иностранных дел Англии Антони Иден, спустя день, побывавший на месте разгрома гитлеровцев, воскликнул: «Подвиг этот поистине великолепен. Что можно еще сказать!»

8 декабря 1941 г. приказом Совнаркома СССР Г.И. Хетагурову было присвоено звание генерал-майора артиллерии. Он был награжден орденом Красной Звезды.

Я выполнил живописную работу темперными красками. Это многофигурная композиция батального жанра.

На переднем плане советские войска под командованием Г.И. Хетагурова атакуют фашистов. Использовал контрастное сочетание тревожного, мрачного неба, темной боевой техники (артиллерийские орудия, танк), на светлом (белом) снегу.

Работа выполнена в холодной цветовой гамме, разнонаправленными мазками.

По ком звонит колокол. Я хочу обратиться к имени знаменитого «Ксанти», под этим псевдонимом Хаджи-Умар Джиорович участвовал в борьбе испанского народа с фашизмом в 1936-1939 гг. О храбром и бесстрашном Ксанти ходили легенды. В Испании у него завязывается дружба с известным писателем и журналистом Михаилом Кольцовым, кинооператором Романом Карменом.

Мамсуров руководил диверсионными группами, соблюдал строжайшую секретность, и поэтому не хотел делиться с кем-то этими сведениями. После долгих уговоров Кольцова, Ксанти дает согласие встретиться с американским писателем Эрнестом Хемингуэем. Именно Хаджи Мамсуров послужил прототипом героя-подрывника Роберта Джордана в знаменитом романе Э. Хемингуэя «По ком звонит колокол».

Хаджи-Умару Хемингуэй с первой встречи не понравился. Воспитанный в строгих горских традициях, Хаджи не пил и не любил пьющих. Хемингуэй же был не трезв, и во время разговора все время пил вино. После разговора Ксанти сказал Кольцову, что этот человек не серьезный, он много пьет и болтает. И все же во время других встреч писателю удалось разговорить Ксанти. Они встречались три дня подряд, беседуя до глубокой ночи. Мамсуров рассказывал о действиях своей группы, не называя конечно ни имен, ни мест где это происходило.

Вот что Хаджи-Умар сказал, прочитав роман: «Я прочел «По ком звонит колокол». Прочла и жена. Мы столько вспомнили. Удивительно хорошо написано. В книге есть и неудачные страницы. Хемингуэй много не понял. И все-таки о борьбе испанских партизан он рассказал необычайно взволновано, с настоящей любовью к ним».

Жизнь и судьба полковника Ксанти оказалась счастливее и ярче, чем судьба его прототипа в романе. И то, что Хаджи Мамсуров не погиб в Испании, не погиб во время ВОВ, и еще много лет служил на благо Родины — это и было настоящем счастьем для него. Еще при жизни, он стал легендой разведки. Как жаль, что легенды так мало живут, и так быстро умирают.

Будем надеяться, что придет время, когда о боевых подвигах этого удивительного человека можно будет рассказать намного больше.

Эта живописная работа выполнена гуашевыми красками. На переднем плане проводник, старик Ансельмо и Роберто Джордан специалист — подрывник (Мамсуров). Они взрывают заминированный мост, по которому передвигается колонна фашистских войск.

Свободный и динамичный мазок, выразительное сочетание теплых и холодных тонов полны тревоги и опасности. Композиционный формат работы горизонтальный.

После долгой разлуки… По своему происхождению фамилия Мамсуровых относится к уазданам, т.е. благородным фамилиям. Это небольшая фамилия, как и сама Осетия. Но как говорится «Мал золотник, да дорог». На фронтах ВОВ 1941-1945 гг. Мамсуровы потеряли 40 своих сыновей. Эта фамилия может гордиться не только представителями многочисленной военной элиты, но и классиками осетинской литературы Темырболатом и Дабе, революционером Саханджери, первым диктором студии телевидения, народным артистом РСО-А Тасолтаном, и многими другими достойными людьми.

Среди них особое место занимает Герой Советского Союза, генерал-полковник Хаджи-Умар Джиорович Мамсуров. Пятнадцатилетним мальчишкой он вступил в ряды Красной Армии. Прошел четыре войны — гражданскую в России и в Испании, советско-финскую, Великую Отечественную.

В середине апреля 1945 г. его дивизия нанесла большой урон в тылу врага и освободила 2 концентрационных лагеря (около 16 тысяч человек). 20 мая 1945 г. Ему было присвоено звание Героя Советского Союза.

Будучи великим, бесстрашным воином, выдающимся разведчиком, он вобрал в себя лучшие качества своего народа, всегда в сложнейших ситуациях оставался самим собой.

В создании этой картины мне помогли воспоминания моей прабабушки Замиры Петровны Мамсуровой, уроженки с. Ольгинское, троюродной сестры Хаджи.

Я выполнил графическую работу пастелью на цветной бумаге в горизонтальном формате. На переднем плане изображена долгожданная встреча Х.-У. Мамсурова с односельчанами. Он одет в военную (генеральскую) форму, на сельчанах национальная одежда. Его встречают как дорогого гостя с традиционными тремя осетинскими пирогами. Старейшина села держит в руках чашу с национальным напитком пивом и произносит тост в честь героя.

Различными штрихами передавал форму предметов. Сочетания теплых и холодных цветов показывают радость и счастье мирной жизни.

Наверное, трудно найти среди нас мальчишек, которые не любили играть в войну, причем все мы желаем сражаться «за наших»,

то есть за тех, кто на протяжении веков с оружием в руках защищал свой дом, свою семью, свою Родину. Во все времена у осетинского народа носители таких качеств как честность, благородство, чувство ответственности, героизм, воля, терпение, порядочность, мужество, любовь к Родине ставились в пример. Очевидно, что на таких примерах старших и воспитывались черты характера Исса Плиева, Георгия Хетагурова и Хаджи-Умара Мамсурова.

Создавая серию этих работ, изучая жизненный путь этих людей, встречаясь и беседуя с людьми, которые были лично знакомы с ними, я узнал, что все они родились в простых, бедных семьях. Трудное детство закалило их характер, научило трудолюбию, чувству долга и заботе о ближних. До самой смерти они были верны тем, кого однажды назвали своими друзьями. Все, трое, прошли путь от рядовых бойцов Красной Армии до генералов. Все, трое, были участниками Легендарного Парада Победы на Красной Площади 24 июня 1945 г. Я понял, что главное в их характере — это благородство и порядочность. Для них было важно думать не о себе, а о людях, служить справедливости, поступать по совести! Видимо эти мысли придавали им силы, при выполнении очередного сложного задания.

Боевой путь этих трех легендарных генералов уже вошел в историю России. Жизнь и судьба этих героев-земляков были сложными, требующими глубокого изучения и по сей день. Очень многое до сих пор находится под грифом «Совершенно Секретно».

Верю, что имена своих славных сыновей Исса Плиева, Георгия Хетагурова, Хаджи-Умара Мамсурова наш народ будет бережно хранить и передавать из поколения в поколение! А мы, на примере наших старших будем воспитывать в себе любовь к Родине, к нашей большой России. Любовь к Отечеству неотделима от уважения к героям, писавшим его историю своей кровью, доблестью и мужеством.

Список литературы

1. М. Д. Бетоева Дорогами мужества В 2-х кн. Владикавказ: Проект-Пресс. Кн. 1. 2010. 704с.

2. М. А. Деркачев Особое поручение. Владикавказ: Ир. 1994. 105с.

3. Мамсуровы. История и современность. Владикавказ: Проект Пресс.2006. 320с.

4. И. А. Плиев Военные мемуары. Владикавказ: Алания. 2003. 560с.

5. Э. Хемингуэй По ком звонит колокол: Роман, рассказы. Орджоникидзе: Ир.1986. 560с.

6. Т. Т. Худалов Версты мужества. Владикавказ: СОИГИ. 1994. 110с.

7. Г. Е. Черчесов Человек с засекреченной биографией. Владикавказ: СОИГИ. 1994. 112с.

8. Н. В. Чиплакова Генералы Великой Победы. Владикавказ: Ир. 2014. 43с.

Ссылки на статьи из журналов и газет

1. З. Сагеева Он подвиг совершил за нас…// Слово. 2003. №126 (9293). С.7.

2. В. Шанаев На Кубе его звали: «Иван Александрович Павлов»…// Северная Осетия. — 2006. №178 (24729). С.4.

3. Л. Газданова, М. Хугаева В знак признательности глубокого уважения // Вестник Беслана. 2013. №69 (538). С.4.

4. Легендарному Ксанти — 110 лет // Жизнь правобережья. 2013. №100 (9939). С.1.

5. Ю. Запоев Рыцарь без страха и упрека // Северная Осетия. №166 (26433). С.7.

Приложение: опрос информаторов лично знавших трех генералов, посещение памятных мест связанных с их именем, участие в юбилейных мероприятиях.

1. Посещал Музей в СОШ с. Ольгинское. Ознакомился с экспозицией, в которой были представлены личные веще Хаджи, тетради, написанные его рукой, письма, предметы быта из дома Мамсуровых.

2. 14 ноября в Северо-Осетинском государственном академическом театре им. В. Тхапсаева состоялся торжественный вечер, посвященный 110 — летию трех генералов. Гостями этого вечера стали ветераны, представители трех фамилий, руководство республики и города, делегация Кабардино-Балкарии, члены общественных организаций, молодежь. Мне посчастливилось представить на этом вечере свои работы. Министр по вопросам национальных отношений Сослан Михайлович Фраев вручил мне Грамоту за интерес к истории своего Отечества и участие в торжественном вечере «Осетии отважные сыны».

3. 25 ноября в РДДТ г. Владикавказ состоялся вечер памяти, посвященный 110-летию со дня рождения И. А. Плиева. Ведущими это-

го вечера была методист РДДТ Анжелика Гучмазова, и я, Артемий Мириков. Это была большая честь для меня, впервые попробовать себя в роли ведущего на вечере памяти легендарного Исса. После концерта я встречался с полковником в отставке, ветераном ВОВ, членом руководства Совета ветеранов и Общественной палаты республики Муратом Григорьевичем Лековым. Он рассказал, что впервые увидел Исса Плиева в 1936 г. в с. Ардон. Исса приехал сватать самую красивую девушку Ардона Надю Ходову. Он был верхом на коне, в темно-синей черкески, с красным башлыком. Когда жители селения узнали, что приехал Исса все бегом бросились на площадь. Тут — же устроили танцы. Исса очень красиво танцевал. До самой ночи молодежь веселилась, танцевала. А вот девушка, которую приехал сватать Исса, ему отказала. Мурат Григорьевич вспоминал, что несколько лет тому назад в городе он встретил ту самую, только уже совсем не молодую, невесту. Это была знаменитая в Осетии гармонистка Надежда Ходова. Она сказала, что человек много ошибок совершает в жизни. «Никогда себе не прощу, что отказала тогда Исса, но разве я могла знать тогда, каким он станет» — с глубоким сожалением сказала Надежда.

4. 7 декабря встретился и познакомился с замечательным человеком, историком — краеведом, внучатым племянником И. С. Плиева, Таймураз Петровичем Плиевым. Потом мы встречались еще несколько раз, он водил меня по комнатам дома — музея Исса Александровича, рассказывал не только о Плиеве, но и о Хетагурове и о Мамсурове. Это необыкновенный человек, общаясь с ним, я даже не замечал, как пролетало время. Я горжусь, что такой человек, как Таймураз Петрович назвал меня своим другом, а еще больше горжусь, что своим другом могу назвать его я! Мы пообещали друг другу встречаться чаще. Ведь столько сколько знает об Осетии и осетинах Таймураз Петрович не знает никто, а мне так хочется узнать как можно больше о своем народе, об его истории.

5. 9 декабря был на праздновании юбилея Дважды Героя Советского Союза, Героя Монгольской народной республики генерала армии И. А. Плиева и открытии выставки «Генералы Великой Победы», которая состоялась во Владикавказском мемориальном доме — музеи генерала И. А. Плиева. Участие в торжестве приняли представители руководства республики и города, ветераны, творческие коллективы, представители фамилий Плиевых, Мамсуровых и Хетагуровых. На выставке были предоставлены награды, личные вещи, оружие,

документы, фотографии. Многие экспонаты по-настоящему уникальны, и выставлялись впервые. Почетное право открыть выставку, было предоставлено полковнику в отставке, ветерану ВОВ, члену руководства Совета ветеранов и Общественной палаты республики, большому другу нашего дворца Мурату Григорьевичу Лекову.

6. 10 декабря посетил Архивную службу РСО — Алания, был на приеме у руководителя Архивной службы РСО-А Ниной Владимировной Чиплаковой. В читальном зале мне показали некоторые документы и фотографии трех генералов.

7. 13 декабря встречался с Азан Владимировичем Газдановым кандидатом сельскохозяйственных наук, профессором кафедры агрохимии и почвоведения ГГАУ. Его дядя Солтан Газданов был другом детства Х. Мамсурова. До третьего класса они учились вместе. Потом Солтан женился на двоюродной сестре Хаджи. Всю жизнь Хаджи и Солтан оставались преданными друзьями. Азан Владимирович вспоминал, что Хаджи появлялся внезапно, чаще ночью, утром смотрим, а он спит на диване. Однажды, двоюродный брат Азан Владимировича Сослан, взял у спящего Хаджи портсигар и пошел хвастаться перед друзьями. Проснувшись Хаджи, обнаружил пропажу. Он растерялся, ведь портсигар был с «секретом». Все бросились искать портсигар. Нашли его в целости и сохранности

Как-то раз Мамсуров приехал в с. Ольгинское с Плиевым. У наших соседей была свадьба. Хаджи попросил дядю, чтобы тот привел танцующую молодежь к нам во двор. Он первым пустился в пляс, а сменил его Исса Плиев. Они были искусными танцорами. Единственное в чем состязались Хаджи и Исса — это в танце.

Еще Азан Владимирович рассказал, как во время одного праздничного застолья, согласно осетинским обычаям, будучи младшим, ухаживал за старшими. Во главе стола сидел Исса Александрович. Он преподнес Азан Владимировичу почетный бокал, от которого тот в свою очередь отказался. По осетинскому обычаю так делать нельзя. Исса Александрович, конечно, расстроился, но в перерыве Азан Владимирович объяснил, что выпив, он этот бокал его бы тут — же, извините, стошнило (он не переносил спиртного категорически). Этот позор был — бы подобен смерти для него. Исса Александрович все понял и не стал обижаться на Азан Владимировича.

8. 16 декабря встречался с первым диктором студии телевидения, народным артистом РСО-Алания, родственником Х-У. Дж. Мамсурова Тасолтаном Сослановичем Мамсуровым. Он рассказал мне,

что Хаджи, будучи 13-летним мальчиком со своим дядей революционером Саханджери шел на встречу. Их подстерегали шестеро офицеров. Они выскочили из-за угла и открыли стрельбу. Хаджи не растерялся, он выстрелил несколько раз, и офицеры бросились бежать. Еще Тасолтан Сосланович рассказывал мне, что Хаджи очень любил читать, хорошо разбирался в искусстве, живописи. Но самое главное, что этот человек в любых ситуациях оставался самим собой. Однажды он сказал об одном известном человеке, что он так долго учился, но так ничему и не научился, а учится надо было самому простому — просто быть хорошим человеком. На прощание Тасолтан Мамсуров пожелал мне успехов в учебе, а главное, как говорил Хаджи — просто быть хорошим человеком.

Все, трое, были участниками легендарного Парада Победы на Красной площади в Москве 24 июня 1945 года.

Именами Плиева, Хетагурова и Мамсурова названы улицы в городах: Владикавказ, Беслан, Назрань, Ростов-на-Дону, Краснодар, Одесса, Новошахтинск, Грозный, пос. Черноречье Чеченской республики, в с. Ольгинское.

Осетинский народ сложил о них героические песни.

Им посвящены документальные фильмы: «Товарищ генерал», «У времени в стременах», «Генерал Хетагуров», «Карибский кризис».

Я хочу выразить большую благодарность всем кто не пожалел для меня своего времени, знаний, воспоминаний. Тем, кто, не смотря на то, что я ребенок, и гожусь, кому во внуки, а кому и в правнуки говорил со мной как с равным себе. Спасибо Вам большое!

Мероприятия, проходившие в течение юбилейного года трех генералов в Москве и в РСО-Алании:

1. 25 апреля 2013 года, в зале Юнеско СОГУ им. К.Л. Хетагурова Центральный государственный архив РСО-Алании провел научно-практическую конференцию «Осетии отважные сыны», посвященную 110-летию трех талантливых военачальников Великой Отечественной войны 1941-1945 гг., уроженцев Осетии — дважды Героя Советского Союза, Героя Монгольской Народной республики И. А. Плиева и Героев Советского Союза Х.-У. Д. Мамсурова и Г. И. Хетагурова. На конференции присутствовали представители Парламента и Правительства республики; гости из республики Южная Осетия; ученые, студенты, ветеранские и молодежные общественные организации; а также представители фамилий Плиевых, Мамсуровых и Хетагуровых.

2. В тот же день 25 апреля в Москве на Новодевичьем кладбище прошло возложение цветов на могилу Героя Советского Союза, генерала армии Г.И. Хетагурова. Торжественная церемония была приурочена ко дню рождения прославленного воина. Почтить память героя Великой отечественной войны пришли сотрудники постпредства, а также представители Союза студентов столичных вузов — выходцев из Осетии. В г. Алагир возложили цветы к недавно установленному бюсту Г.И. Хетагурова на Аллее Славы.

3. В канун празднования Дня Победы в Московском доме национальностей состоялась встреча, посвящённая вкладу осетинского народа в Победу в Великой Отечественной войне. Круглый стол «Воинская доблесть сыновей Осетии» был приурочен к 110-летию со дня рождения Героев Советского Союза, выдающихся советских генералов Плиева, Хетагурова и Мамсурова. Участниками встречи стали экс-глава РСО-Алания, советник министра иностранных дел Александр Дзасохов, маршал авиации Евгений Шапошников, представитель Ассоциации объединений офицеров запаса «Мегапир» Александр Ковалёв, внук Х-У.Дж. Мамсурова — Серхио Эрнандос. Гостями форума также стали видные общественные и культурные деятели, представители посольства Республики Южная Осетия, родные и близкие прославленных воинов.

4. 24 сентября в Доме культуры с. Ольгинское односельчане отметили юбилей своего легендарного земляка Хаджи Мамсурова, возложиле цветы к его памятнику который находится во дворе местной школы. В мероприятии приняли участие творческие коллективы со всего района, школьники, родственники юбиляра. На вечере прозвучали рассказы и воспоминания о Мамсурове, стихи и песни в его честь. Архивной службой РСО-Алания была проведена историко-документальная выставка «Хаджи-Умар Джиорович Мамсуров — Осетии славный сын».

5. В Москве прошло возложение цветов к могиле Героя Советского Союза, генерал-полковника Хаджи-Умара Мамсурова на Новодевичьем кладбище. Почтили память легендарного разведчика, генерал-полковника Х-У. Мамсурова пришли официальные лица и военные деятели, в числе которых — член Совета Федерации Федерального Собрания РФ Александр Тотоонов, профессор, доктор медицинских наук, известный врач и общественный деятель Амирхан Торчинов, первый заместитель Председателя Правительства РСО-Алания, Полномочный представитель Северной Осетии при Прези-

денте РФ Зураб Макиев, сотрудники Постпредства и члены Московской осетинской общины, студенты столичных вузов. Вспомнить героя пришли и высокопоставленные сотрудники ГРУ. Среди них — генерал-полковник Николай Николаевич Костечко, генерал-лейтенант Юрий Аршамович Бабаянц, представители ГРУ Генерального штаба Вооружённых Сил Российской Федерации.

6. В этом году в честь признательности, глубокого уважения к памяти Хаджи Мамсурова испанцы увековечат его имя памятником в г. Ривас авторами которого стали наши земляки известный скульптор, лауреат премии Правительства РФ Заурбек Дзанагов и архитектор Заурбек Бигулов.

7. 14 ноября в Северо-Осетинском государственном академическом театре им. В. Тхапсаева состоялся торжественный вечер, посвященный 110-летию трех генералов. Гостями этого вечера стали ветераны, представители трех фамилий, руководство республики и города, делегация Кабардино-Балкарии, члены общественных организаций, молодежь. Архивная служба РСО-Алании провела историко-документальную выставку: «Осетии отважные сыны».

8. 25 ноября в РДДТ г. Владикавказ состоялся вечер памяти, посвященный 110-летию со дня рождения И. А. Плиева. Гостями вечера стали учащиеся школ города, ветераны, воспитанники РДДТ.

9. В тот же день 25 ноября состоялось возложение цветов к могиле И. А. Плиева на Аллее Славы в г. Владикавказ, к памятником на набережной Терека, на ул. Кирова у ГГАУ.

10. 9 декабря состоялось праздновании юбилея Дважды Героя Советского Союза, Героя Монгольской народной республики генерала армии И. А. Плиева и открытии выставки «Генералы Великой Победы», которая состоялась во Владикавказском мемориальном доме — музеи генерала И. А. Плиева. Участие в торжестве приняли представители руководства республики и города, ветераны, творческие коллективы, представители фамилий Плиевых, Мамсуровых и Хетагуровых.

11. Осетинской общины г. Москва обратилась с просьбой к мэру города С. С. Собянину установить Мемориальные доски на домах в проживали Г. И. Хетагуров и Х-У. Дж. Мамсуров. 28 декабря были установлены Мемориальные доски в Москве на ул. Большой Афанасьевский переулок д.25 Г. И. Хетагурову, и на ул. Новинский бульвар д.18 Х-У. Дж. Мамсурову.

МУЛУХОВ ЯСОН,
ученик 8Б класса ГБОУ Гимназия «Диалог»
(г. Владикавказ)

ХАДЖИ-УМАР МАМСУРОВ — ГЕРОЙ В ПАМЯТИ ПОТОМКОВ СКВОЗЬ ГОДА...

У нас в школе введен спецкурс: «Исследовательская работа по историческому краеведению». Дисциплина направлена не только на расширение знаний учащихся о своих земляках, но и помогает ощутить свою связь с прошлым и настоящим своей малой Родины; помогает овладеть навыками исследовательской работы с использованием информационных технологий. Именно в процессе изучения данного курса у меня возникла мысль найти малоизвестную информацию о герое-земляке генерал-полковнике Х.-У. Мамсурове.

Для Осетии 2013-ый — был годом трех юбилеев: Георгия Хетагурова (25 апреля), Хаджи-Умара Мамсурова (15 сентября) и Исса Плиева (25 ноября).

Мероприятия проходили в основном в молодежной среде, и это правильно. Нынешнее время характеризуется неприкрытой попыткой вытравить из сознания ныне живущего поколения славное прошлое. А весь 20 век эти люди, чьим именам и делам мы сегодня низко кланяемся посвятили себя тому, чтобы стать примером служения нашей Родине. К празднованию их юбилеев приурочили открытие выставки в доме-музее дважды Героя Советского Союза Исса Плиева. В экспозиции также личные вещи и государственные награды его соратников. На троих 4 золотые звезды Героев. На торжественное открытие пришли ветераны ВОВ, потомки полководцев, школьники.

В память о героях актеры театров Северной Осетии исполняли песни военных лет, стихи о подвигах.

Завершая год, посвященный 110-летнему юбилею трех легендарных генералов, 28 декабря 2013 года в Москве прошла торжественная церемония открытия мемориальных досок генералу армии Георгию Хетагурову и генерал-полковнику Хаджи-Умару

Мамсурову. Инициатива и организация установки мемориальных досок в Москве, на фасадах домов, где жили генералы принадлежит Постоянному представительству РСО-А при Президенте РФ. Глава РСО-А Т. Мамсуров выразил особые слова благодарности лично мэру Москвы С. Собянину за то внимание, с которым он отнесся к нашей просьбе.

Авторами мемориальных досок являются молодые скульпторы Арсен Дзбоев и Ибрагим Хаев. В церемонии открытия принял участие и внук Х.-У. Мамсурова Серхио Эрнандес, который поблагодарил всех за идею увековечить память дедушки: представительство Осетии и мэра Москвы Сергея Собянина.

Идея об открытии мемориальных досок была озвучена в апреле на круглом столе «Воинская доблесть сыновей Осетии». В результате практически за три месяца скульпторами была проведены большая кропотливая работа. И вот эта знаменательное событие свершилось.

Х.-У. Мамсуров родился 15 сентября 1903 года в селении Ольгинском в крестьянской семье. В 1918 году вступил в ряды Красной Армии. Участник Гражданской войны. В 1924 году закончил военно-политическую школу, в 1932 — курсы усовершенствования политического состава, в 1941 — курсы усовершенствования командного состава при Военной академии им. М. В. Фрунзе. 1930-1940 годы под псевдонимом «полковник Ксанти» участвовал в Гражданской войне в Испании. Был руководителем отрядов «Герильеросов» (диверсантов). Х.-У. Мамсуров послужил прототипом одного из героев романа Э. Хемингуэя «По ком звонит колокол». С 1939 по 1940 годы — участник советско-финляндской войны. С 1941 по 1945 годы — участник Великой Отечественной войны. Он был командиром 2-ой гвардейской кавалерийской дивизии на 1 Украинском Фронте. Его дивизия освободила узников двух концлагерей (около 16 тыс. человек). 20 мая 1945 года было присвоено звание Героя Советского Союза. Х.-У. Мамсуров принял участие в Параде Победы.

После войны продолжал служить в армии. В 1948 году окончил Военную академию Генштаба. С 1957 по 1968 годы — первый заместитель начальника ГРУ Генштаба Вооруженных сил.

5 апреля 1968 года героя не стало. Похоронен в Москве на Новодевичьем кладбище.

Награды генерала:

Герой Советского Союза

Три ордена Ленина
Пять орденов Красного Знамени
Орден Кутузова I степени
Орден Суворова II степени
Орден Отечественной войты I степени
Медали СССР
Иностранные ордена и медали

Многие факты из жизни этого выдающегося военачальника и по сей день находятся под грифом «секретно».

Интерес к личности Хаджи-Умара Джиоровича Мамсурова с каждым годом все возрастает. Больше 46 лет прошло со дня его смерти, но до сих пор строго засекречены материалы, связанные с его деятельностью. И все-таки даже та малая толика сведений о делах, свершенных Мамсуровым во имя Родины, покрыла его имя славой, окружила легендами. Это он под псевдонимом Ксанти, под видом македонского продавца апельсинов, совершил ряд рейдов по тылам франкистов; это он в годы войны руководил партизанским движением Юга страны, а будучи командиром дивизии, смелыми и нестандартными маневрами опрокидывал в боях в несколько раз превосходящие части врага и войну закончил на Эльбе; это он развенчал матерого шпиона, несколько лет подряд передававшего за границу ценнейшие сведения и чертежи оборонного характера; это он заинтересовал самого Эрнеста Хемингуэя, сделавшего его прообразом главного героя романа «По ком звонит колокол»; это он посмел на представительном совещании по итогам советско-финляндской войны прервать в присутствии Сталина хор подхалимско-восторженных речей и сказать горькую правду о той военной кампании.

Одного из этих подвигов (кстати, перечень их далеко не полный!) достаточно, чтобы вызвать любопытство и заинтриговать любого, а тут все они совершены одним человеком, о котором — увы! — до сих пор на Родине мало что известно: лишь то, что он был разведчиком, генерал-полковником и Героем Советского Союза.

Слава о полковнике Ксанти широко распространилась по Испании. Заинтригованный рассказами о смельчаке, классик мировой литературы Эрнест Хемингуэй упорно добивался интервью у Мамсурова, но скромный Хаджи-Умар избегал писателя. И лишь по строгому указанию из Москвы он дал согласие на встречу с Эрнестом Хемингуэем.

В романе «По ком звонит колокол» Хемингуэй пишет о действиях партизан во вражеском тылу, основываясь на рассказах Хаджи Мамсурова. По свидетельству известного советского писателя Ильи Эренбурга, Хемингуэю «нравился Хаджи, человек отчаянной смелости, который ходил во вражеский тыл, он был родом с Кавказа и мог легко сойти за испанца».

«Первая встреча с Хемингуэем произошла, кажется, в Валенсии, где-то в марте 1937 года, — вспоминал Хаджи-Умар, — мы совершили тогда налет на фашистский аэродром под Талаварой. Появилось сообщение, что подполковник республиканской армии Ксанти убит. Но я был лишь ранен и лечился. Встреча с Хемингуэем произвела на меня впечатление не из приятных. В нашем роду никто не пил. Я и сейчас не люблю пьяных людей, подвыпившие компании. Тогда же совсем не переносил запаха водки, коньяка. А Хемингуэй был нетрезв. Со времени этой первой встречи он так и стоит перед глазами. Одет очень небрежно. Круглая неоправленная борода.

Во второй раз они разговаривали по-испански. Встречались три дня подряд. Беседы начинались в шесть часов и заканчивались за полночь. Сидели в ресторане, ходили по улицам. Хаджи рассказывал о диверсионных группах. Описывал людей, конечно, не называя имен.

Потом они несколько раз виделись в Мадриде. Хемингуэй настойчиво расспрашивал, но Мамсурову не хотелось изливать душу малознакомому человеку.

«Я прочел «По ком звонит колокол». Прочла жена. Мы столько вспомнили. Удивительно хорошо написано. В книге есть и неудачные страницы. Хемингуэй многого не понял. И все-таки о борьбе испанских партизан он рассказал необычайно взволнованно, с настоящей любовью к ним…

Очевидно, он многое брал из своего блокнота, иногда не меняя ни слова…»

Размышляя о жизни и боевой деятельности Хаджи-Умара Джиоровича, о его поступках, невольно приходишь к выводу, что для него характерно было думать не о себе, своей карьере, а о людях. Все, что он делал, говорил, о чем мечтал, было подчинено одному побуждению: служить людям, справедливости, поступать, не считаясь со своими выгодами (был же момент, когда он мог сделать головокружительную карьеру, но не пошел на это, потому что это противоречило

его жизненным принципам). Все эти качества сделали его близким и дорогим людям, а его личность неординарной и яркой.

В некрологе, подписанном руководителями Министерства обороны СССР, Северной Осетии, видными военачальниками в связи с кончиной Героя Советского Союза генерал-полковника Хаджи-Умара Джиоровича Мамсурова говорилось: «От нас ушел боевой товарищ, заслуженный генерал, верный сын Коммунистической партии, посвятивший всю свою сознательную жизнь беззаветному служению социалистической Родине, укреплению ее Вооруженных Сил.

Х.-У. Мамсурова отличали безграничная любовь к Родине, принципиальность, смелость, настойчивость, безупречное выполнение воинского долга».

Похоронен Х.-У. Мамсуров в Москве на Новодевичьем кладбище, лежит почти рядом со своим другом Ильей Эренбургом, который так и не успел написать о нем книгу…»

Закончить же свое повествование хочется словами самого Хаджи Мамсурова:

«Образы героев, их подвиги — прекрасный материал для воспитания подрастающего поколения на боевых, революционных традициях советского народа, его Вооруженных Сил. Очерки о людях, удостоенных звания Героя Советского Союза, награжденных боевыми орденами, — это не только дань прошлому. В славных делах воинов воплотились стойкость и мужество нашего народа, его несгибаемая воля к победе. Пример старших должен воспламенять сердца молодых негасимой любовью к Родине!»

К этим героям с полным основанием можно отнести и самого Хаджи-Умара Джиоровича Мамсурова — пламенного патриота нашей страны, чья необычная судьба стала легендой.

О Мамсурове многие известные писатели собирались написать книги. Не давали ему прохода и даже «нажимали» на него через ЦК КПСС, руководителей Министерства обороны Лев Кассиль, Константин Симонов, Илья Эренбург, Евгений Воробьев. Но для всех них у него был один ответ: еще рано, пока не наступило время… Аналогичный ответ был дан и автору этих строк от официальных органов по поводу запроса части документов из личного дела Х.-У. Мамсурова. Убежден, придет время, и о Хаджи Джиоровиче будут написаны десятки книг — и документальных, и художественных, о нем поставят фильм — ведь герои таких масштабов не уходят в забвение.

Именем Х.-У. Мамсурова названа одна из улиц Владикавказа, на которой открыта мемориальная доска; в доме в селе Ольгинском, где он родился, открыт мемориальный Дом-музей, а в центре села во дворе средней школы своему легендарному земляку ольгинцы установили памятник.

Основанием для исследования жизни и деятельности именно этого генерала послужила моя встреча с Зауром Джанаевым. В 2010 году был организован Благотворительный фонд им. Азанбека Джанаева. Создавался он с целью сохранения творческого наследия известного художника, а также других знаменитых наших соотечественников.

Заурбек Джанаев сказал, что в связи со 110-летним юбилеем генерала фонд решил установить памятник герою в городе Фуэнлабрадо провинции Мадрид в июне 2014 года. Трудно было добиться разрешения на установку памятника, но нам помогали неравнодушные люди: представители осетинской диаспоры в Испании, руководитель филиала фонда Жанна Карданова, наши испанские друзья-патриоты и др.

Автором проекта является лауреат государственной премии правительства РФ Заурбек Дзанагов (скульптор), архитектор выпускник МАИ Заурбек Бугулов. Отлит памятник на литейном заводе Санкт-Петербурга.

Еще одна хорошая новость: завершилась съемка фильма о генерале, предполагается, что премьерный показ фильма пройдет в новом сезоне. Глава Северной Осетии Т. Мамсуров встретился с творческим объединением, работавшим над кинолентой, и выразил искреннюю благодарность.

Размышляя о жизни и боевой деятельности генерала приходишь к выводу, что для него было характерно думать не о себе, своей карьере, а о людях. Ушел из жизни верный сын отечества, который посвятил свою жизнь беззаветному служению Родине.

В Северной Осетии именем генерала названа одна из улиц Владикавказа, а в селе Ольгинском открыт дом-музей; во дворе сельской школы ольгинцы поставили скромный памятник своему земляку.

Проходят годы, не за горами 70-я победная весна, но память о самой жестокой и кровопролитной войне 20 столетия жива в наших сердцах. И юбилейные даты героев возвращают нас к тем годам, героическим и трагическим одновременно. Нам есть, кем гордиться и

с кого брать пример. Я хочу продолжить сбор информации в архивах, встретиться со старожилами с. Ольгинское. Конечно, очень хотелось бы принять участие в открытии памятника нашему земляку в Испании.

Примечания

1. Великая Отечественная Война. Комдивы. Том 1. Москва, 2011.

2. Герои огненных лет. Книга 1, Москва.: Московский рабочий, 1975.

3. Герой Советского Союза. Краткий биографический словарь. Том 2. Москва, 1988.

4. Колпакиди А. И. ГРУ в Великой Отечественной войне. М.: Яуза: Эксмо, 2010. 608 с. (ГРУ). 3000 экз. ISBN 978-5-699-41251-8.

5. Лурье В. М., Кочик В. Я. Мамсуров Хаджи-Умар Джиорович (Фабер, «Ксанти») // ГРУ: дела и люди/Составитель Колпакиди А. И. М., СПб.: «ОЛМА-Пресс», «Нева», 2003. — С. 126-127. (Россия в лицах). ISBN 5-7654-1499-0, ISBN 5-224-03528-7.

6. Севера. Спецназ ГРУ. М.: «Яуза», 2008.

7. Центральный архив историко-политической документации. Г. Владикавказ, ул.Пушкинская, 10.

8. info@gorets-media.ru

9. www.ossetians.com

10. www.osinform.ru

НАУЧНЫЕ МЕРОПРИЯТИЯ

СОТРУДНИК СОИГСИ ЗАРИНА ПЛАЕВА СТАЛА ЛАУРЕАТОМ СТИПЕНДИИ ИМЕНИ В. И. АБАЕВА

Государственная республиканская стипендия имени В. И. Абаева учреждена Правительством РСО-А в 2001 году в целях поощрения за достижения и усиления мотивации к научной деятельности в области осетиноведения, иранистики, общего языкознания, осетинского литературоведения и фольклористики, нартоведения: студентов — филологов высших и средних специальных учебных заведений, аспирантов, докторантов, молодых ученых.

В 2015 году ее получателями станут 5 исследователей осетинского языка и литературы: студенты Северо-Осетинского государственного университета им. К. Л. Хетагурова, а также учащиеся СОГПИ получат стипендии на сумму более 20 тысяч рублей, сотрудник Северо-Осетинского института гуманитарных исследований им В. И. Абаева Зарина Плаева — 200 тысяч рублей. Вручение именных стипендий отличившимся студентам и ученым пройдет в День осетинского языка и литературы — 15 мая.

Зарина Казбековна Плаева — младший научный сотрудник отдела фольклора и литературы СОИГСИ, член Совета молодых ученых СОИГСИ. В настоящее время проходит обучение в аспирантуре

Института мировой литературы им. А. М. Горького РАН в Москве. Сфера научных интересов молодого ученого — Нартский эпос, тема диссертационного исследования посвящена Циклу Ацамаза. З. Плаева пишет научные статьи на русском и английском языках, так как сегодня это обязательное условие подготовки лингвиста в академической системе.

По словам директора СОИГСИ, профессора Залины Кануковой, «Комиссия при Главе РСО-Алания по сохранению и развитию осетинского языка уделяет особое внимание поддержке молодых осетиноведов, обучающихся в столичных центрах. И это одна из эффективных мер по поддержке академических исследований в области осетиноведения в современных условиях».

Отметим, что в разные годы лауреатами стипендии им. В. И. Абаева становились также научные сотрудники СОИГСИ: Л. Парсиева, И. Цаллагова, А. Багаев, А. Бритаева, М. Дарчиева, Э. Тавасиева.

ИЗВЕСТИЯ СОИГСИ
ШКОЛА МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ

ВЫП. 13

Научный журнал

Компьютерная верстка — *А.В. Черная*

Подписано в печать 20.04.2015
Формат бумаги 70×108 $^{1}/_{16}$. Бум. 65 гр. Гарнитура шрифта «Myriad»
Тираж 100 экз. Заказ №???. Усл.п.л. ???

Отпечатано в ИПЦ СОИГСИ им. В.И. Абаева ВНЦ РАН и Правительства РСО–А

362040, РСО–Алания, г.Владикавказ, пр. Мира, 10
e-mail: rio-soigsi@ mail.ru